
Леонид ИЛЬИЧЁВ

КОГДА РОК-Н-РОЛЛ БЫЛ ЗЕЛЕНЫМ

Роман*

Улыбающийся рассказ о жизни

О романе Леонида Ильичёва «Когда рок-н-ролл был зеленым»

Долгие годы я испытывала нечто вроде легкого печального раздражения, сталкиваясь с текстами о позднесоветском прошлом, — мне казалось, что эта эпоха отошла в сумерки истории, где покрылась пылью, как детские лыжи или гитара, и на какое-то время перестала производить смыслы.

Однако сейчас очевидно, что это было заблуждение — что-то вроде горькой иронии судьбы.

История в своем обычном лукавстве изогнулась, вывернулась и предложила нам новый набор карт, в котором именно позднесоветский период оказался остро важным для понимания, проживания нашего сегодня да и, возможно, выхода из него.

Именно в тех десятилетиях мы ищем сегодня ответы на наши зияющие вопросы.

Роман-воспоминание Леонида Ильичева «Когда рок-н-ролл был зеленым» служит именно такой задаче внимательного исследователя — заново войти в поток времени, попытаться понять его и собственную личность в этом потоке.

При этом складывается достаточно парадоксальная ситуация: автор-повествователь показывает нам пласт, который не слишком легко связывается с мифологией советскости — существование молодых людей в мире музыки, причем именно рок-музыки. Таким образом нам сразу заявлено, что позднесоветское — это не только блеклая вывеска «Слава КПСС!», не только пустые витрины магазинов и эзопов язык — все гораздо сложнее: перед нами борьба молодых (и не только) людей за свою внутреннюю свободу.

Именно этот сюжет кажется мне наиболее важным и увлекательным в прозе Л. Ильичёва.

Какова же эта проза по своему существу, по своей фактуре?

Перед нами легкий, прозрачный, слегка улыбающийся рассказ о жизни, замечательно внимательный к ее подробностям, драгоценным деталям. Мне кажется, это сообщает литературной машине времени истинную власть: читатель переносится на десятилетия назад, вместе с рассказчиком читатель теперь волен не знать исхода судьбы, но наслаждаться открытостью, возможностью — все роковые ошибки и сожаления еще впереди.

Я сердечно рекомендую эту прозу тем, кто хочет силой воспоминания перенестись в мир, где играть другую музыку было актом дерзости, где молодые люди посредством знания и искусства искали способы перехитрить угрюмого Левиафана.

Леонид Ильичёв — литератор. Публиковался в коллективных сборниках «Ковчег» (2019), «Рукопожатие Кирпича» (2020) и литературных журналах.

* Журнальный вариант.

НЕВА 12'2024

Но особенно я рекомендую этот текст молодым — возможно, именно им сейчас эта книга о поиске внутренней свободы, о борьбе со страхом, всегда с легкой насмешкой, может быть особенно полезна. Сокращенный журнальный вариант, полагаю, станет стимулом прочесть роман целиком, чтобы яснее вспомнить или понять ту эпоху.

Полина БАРСКОВА

Пролог

Поезд опаздывает на полтора часа. Стоянка — минута, а у нас багажа на полтонны: инструменты, неподъемная басовая тумба, ударная установка, звуковая аппаратура, усилители, микрофоны, провода, новенький ревербератор, мои инструменты — скрипка с органомой, гитары. На областной слет «Мурманск-1971» едут студенты из стройотрядов со всего Кольского полуострова, и если бы не помощь попутчиков, пришлось бы рвать стоп-кран — во Дворце культуры рыбаков собралось две тысячи человек. Концерт прервался, ждут нас.

В спешке мы разгружаемся, подключаемся, настраиваем инструменты, пробуем микрофоны, и все это под аккомпанемент ровного гула голосов из зала и коротких всплеск аплодисментов на каждый звук электрогитар.

Наконец занавес едет, полный свет, басист на сцене один, он начинает: «Та-та-та-а, та-та-та-та-а», и одновременно зал, разогретый за полтора часа ожидания, взрывается в две тысячи глоток, узнавая «Deep Purple»: «А-а-а-а!» Мы выскакиваем из-за кулис, подбегаем к стойкам, ударник на бегу запрыгивает за барабаны, и... тарелка слетает с установки и со звоном скачет по сцене, а ударник за ней, ловит и водружает на место, но басист все это время непреклонно повторяет заход из «Smoke on the Water».

Ситуация спасена, и тут наконец мы набрасываемся на микрофоны:

На пригорке в красном домике живет дружная семья.
Там не люди и не слоники, там квартира муравья.

Слова дурацкие, самопальные, но со смыслом: группа называется «Зеленые муравьи». Впрочем, что слова! Главное — драйв.

Дальше — гитарный запил, импровизация — и поехало. Битловские вещи, арии из рок-оперы «Jesus Christ Superstar», «July Morning» — сложнейшая композиция группы «Uriah Heep», — и потом весь репертуар.

Неважно, на каком языке — слов песен мы до конца не понимаем, смысл передается через гармонию и ритм, рок шире своего времени и границ. Как поет Джон Леннон:

Imagine all the people
Livin' life in peace.
You may say I'm a dreamer
But I'm not the only one.

И мы вслед за ним повторяем:

Просто представь,
Что больше нет границ
И не за что убивать и умирать.
И нет религий.
Представь, все люди живут в мире.

Ты можешь назвать меня мечтателем,
Но я не один такой.
Когда-нибудь ты поддержишь нас,
И мир станет един.

После концерта, в поезде на пути домой, в Ленинград, мы ощущаем себя звездами. В нашем купе толпится народ, девочки поглядывают с интересом, улыбаются, парни хотят дружить. Не знаю, как дальше сложится судьба группы, но такое чувство, что теперь я обязательно найду себя, теперь я не потеряюсь.

НАЧАЛО

Абитуриент-1967

Начало занятий в институте перенесли на октябрь, а четвертого сентября, сразу после зачисления, всех первокурсников отправили в совхоз на уборку урожая, в Ленинградскую область. Условия казарменные, зато быстро перезнакомились.

Вечерами сидели у печки, грелись, болтали, пели песни.

Высокий худой парень с детской застенчивой улыбкой на слегка скуластом лице выделялся своим сильным высоким голосом. Тенорá, как мне казалось, должны иметь широкую и короткую грудную клетку, а у Саши была фигура голодающего ковбоя, только без лошади. Зато с собой у него была гитара, а рот он раскрывал так широко, что туда можно было вертикально поставить спичечный коробок. Все пробовали, но повторить такое никто не сумел. Он тут же оброс толпой новых приятелей. На поле в ожидании ящиков или бортовой машины, на которой нас развозили, мы дружно распевали то, что постоянно крутили по радио. Прежде я гордился силой своего голоса, но перепеть Сашу мне не удавалось, зато получалось твердо вести вторую партию, и у нас с ним сразу сложился дуэт. А иногда, когда кто-то из однокурсников был в состоянии заменить меня и петь втрóру, я подпевал басом, получалось красивое многоголосие.

За месяц вспомнили все, что знали с детства, слова всплывали сами собой:

Снова замерло все до рассвета,
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь,
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь.

Эта песня была одной из самых любимых.

— А давайте сколотим ансамбль, — сказал Саша. — Все девчонки будут наши! У меня в школе была группа.

— Закончишь институт, делай что хочешь, — отреагировал отец, когда я уже дома обмолвился насчет ансамбля. А раньше он говорил: — Поступишь в институт, делай что хочешь.

Поступить в институт, который мне выбирали родители, непросто. Конкурс большой, а Механический институт престижный и маленький, всего три факультета, вечерний не в счет. С медалью нужно сдавать только один экзамен — физику, но только на пятерку, и тогда можно претендовать на лучшую специальность. А какая лучшая? Факультеты, кафедры — названия одно туманнее другого: «Динамика полета и управ-

ление», «Летательные аппараты», «Двигатели летательных аппаратов». Чем отличаются? Мне семнадцать, и я ни сном ни духом, а ведь профессию, как жену, выбирают на всю жизнь.

По институтским правилам, если сдал экзамены на «отлично» — берут на первый факультет, значит, он самый-самый; сдал чуть похуже — на второй, а остальных — на третий. Так же четко калибруют и по специальностям. Отец обычно советует искать золотую середину. И я высчитываю средний факультет и среднюю специальность. Буду конструктором летательных аппаратов! <...>

Большинство одноклассников — мальчики, много детей военных, в основном все после школы. Девочек всего две, да и то из них одна — вылитая комиссарша, а другая метит в космонавтки, выходит, почти мужской монастырь, а зачем они пришли именно сюда и чему хотят учиться, знают только отдельные личности, как это выяснилось уже на морковных грядках. Один энтузиаст с горящими глазами наезжал на меня: давай, мол, не теряя ни минуты, на пару строить вертолет. Я вяло отнекивался и предлагал подождать хотя бы до возвращения в город. Все, что я умею из дачного опыта, это выпрямлять кривые гвозди из старых досок. Летательные аппараты меня пока не волнуют, другое дело литература, математика и даже теория музыки, в конце концов.

Другой парень из потока переживает, что попал не в ту группу: он мечтает стать конструктором космических кораблей, а это значит двигатели на жидком, а не на твердом топливе! Ух ты! А я, значит, на жидком, вот счастье-то!

Но когда начинаются занятия, я все же решаю учиться всерьез: пора перестать всюду опаздывать, и учебники надо читать, и к следующей лекции готовиться заранее. В первый же день возвращаюсь домой, обедаю, раскрываю «Начертательную геометрию» и... обнаруживаю, что заснул на третьей странице. С тех пор живу, как обычный студент, учебники больше не открываю, только железно хожу на лекции.

Саша, мой голосистый знакомый, учится в соседней группе и после каждой лекции караулит меня со своим проектом ансамбля «как у Битлз». Здесь же в институте учится ритм-гитарист их школьной группы, и на большой перемене Саша знакомит меня со своим одноклассником по прозвищу Стец. Тот попал на другой факультет, и чтобы укрепить конструкцию будущей мифической рок-группы, переводится на наш поток. Если Саша говорит об ансамбле в духе романтических мечтаний, то Стец кажется более прагматичным. Он загадочно молчит и открывает рот, только чтобы сказать: «Ты прав, мужик» или «Ты не прав, мужик», но при этом всем своим видом показывает, что ансамбль делать надо.

Я киваю. Я много лет пилил на скрипке, но вундеркинда из меня не вышло. Да что говорить, за все десять лет музыкальной школы так и не научился как следует играть на фортепиано. В наследство досталось лишь бесполезное для будущего инженера умение «слышать нотами». Каждую мелодию, каждый аккорд я мысленно «сольфеджирую» и могу разместить на нотном стане со всеми палочками и хвостиками, длительностями и тактами. Из-за этой способности кайфа от процесса я не получаю и считаю, что музыку не люблю. Но рок, может быть, не в счет?

Регби. Команда образца 1967–1969

Нам велели приехать на стадион Ленина на Петроградской стороне, на соревнования. По их результатам будут набирать в спортивные секции — в расписании два года обязательной физкультуры с зачетом в каждом семестре, а без физры к экзаменам не допустят. В школе были прыжки в длину, в высоту, стометровка, а тут надо сдавать

еще и плавание в открытом бассейне, к тому же этот открытый бассейн на самом деле — запруда Малой Невы, настоящей волнующейся полноводной реки.

Захлебываясь, я проплыл дистанцию. Погода осенняя, в воде терпимо, а выходить холодно, и дождичек моросит. С непривычки я устал, побрел к выходу и уже подходил к воротам, как меня окликнули.

— Молодой человек!

Я обернулся. Меня догонял щеголеватый мужчина.

— Вы за какое время стометровку пробежали?

Вопрос неприятный, мало ли какое у кого время, чего он спрашивает, но я все же признался:

— Четырнадцать и шесть.

Он выдержал паузу и говорит:

— Приходи в регби, нам всякие нужны.

Несмотря на сомнительность формулировки, я обрадовался: меня еще никуда не приглашали, попаду, значит, хоть в какую-то секцию, а не сдохликами на общефизическую. Я сразу согласился, хотя слово «регби» услышал впервые.

— И друзей приводи, — добавил тренер, — спросишь Варакина.

И я привел в команду Сашу, уговорил его пойти со мной за компанию. Стеца тоже звал, но он уже записался в самбо.

Из спорта за плечами у меня были только избыточный вес и природная гибкость, но вряд ли способность достать локтями пол так уж важна в игре с мячом. Никакой спортивной подготовки у меня не было, однако тренер отнесся к неуклюжему новичку как и ко всем, уважительно и ровно. Борис Александрович был неизменно вежлив, сдержан и здоровался со мной легким кивком головы. А я ходил на все тренировки и усердно отрабатывал главный прием регби: пас назад овальным мячом на беге вперед с разворотом корпуса в одну сторону и одновременным махом ноги в другую. Мало того, этот овальный мяч надо было закрутить так, чтобы он не кувыркался в полете, а летел, вращаясь строго вокруг длинной оси, иначе его не поймать. Не знаю почему, но меня это очень увлекало, так что через месяц-другой мои успехи в регбийной эквилибристике были замечены, и тренер на мое приветствие стал отвечать «Здравствуй!».

Но стоило только пропустить занятие, пусть даже и по уважительной причине, тренер не здоровался, а если много пропустить, то вообще переставал замечать. Такие у него были методы воспитания. Весной, когда начались тренировочные матчи, он уже подавал мне руку и пару раз даже назвал по имени. Как-то мы вместе шли к метро, и тренер обмолвился, что жена у него — кандидат филологических наук. Я еще сильнее его зауважал и решил спросить, почему регби у нас считается новым видом спорта.

— Неужели раньше о регби ничего не знали?

— Конечно, знали. Первый чемпионат в стране был аж в тридцать шестом. Потом, как водится, начальству что-то не понравилось. Короче, команды расформировали, спортсменов разогнали. Сейчас, слава богу, времена другие.

— Но игра сложная, футбол намного проще. Поэтому популярнее, да?

— Популярнее! Потому что законов никто не соблюдает. Я тут несколько лет работаю, дисциплины у студентов никакой! Лесгафт говорил: в регби сорок семь законов, научись в игре соблюдать — всюду научись. Есть, конечно, ребята увлеченные, вроде тебя. Не представляю, какие из вас инженеры получатся, а я сборную Союза слеплю обязательно.

Я даже загордился, хотя особых успехов за собой не замечал. <...>

Костяк нашей команды составляли выпускники прошлых лет. Капитан Феля уже работал конструктором на Кировском заводе — небольшого роста, плотный, но быстрый

и верткий, то есть Феликс, но не железный. Было еще двое опытных игроков, Бугай и Рычаг. Бугай — мощный в ширину, а Рычаг — мощный в высоту. Остальные — студенты.

Мы подавали надежды. Как-то раз нашим соперником была выдающаяся команда «Спартак» Ленинградского мясокомбината имени Кирова по прозвищу «Мясо». Выиграть у них было непросто: ребята сыгранные, крепкие — мышцы как бычьи окорока. А мы боролись, как львы! Отличную разыграли комбинацию: из-под одного вывернулись, другого уронили, кого-то грохнули, по рукам дали, пас — и мяч в руках у Саши. Отбиваясь и уворачиваясь от «мясных», он героически бежит к линии ворот, его преследуют, спурт — и он прижимает мяч к земле. Ура! Нам засчитывают законные три очка, и мы побеждаем со счетом 15:13.

Когда мы попали в основной состав, у нас появились ошеломительные перспективы: чуть ли не рукой подать до мастеров спорта!

Саша, правда, энтузиазма не проявил.

— Послушай, мы зря теряем драгоценное время, девчонки на регби не ходят. Рок-группа намного важнее, — уговаривал он меня, а сам повадился пропускать тренировки.

Я вслед за ним тоже заколебался, ну и если подумать здраво, свою голову и уши можно употребить с большим толком, чем просто бодаться.

В финальной игре сезона решался вопрос, кто станет чемпионом города. В случае победы это были мы, в случае поражения — команда университета. Мы считались фаворитами.

Стец выразил желание быть нашим болельщиком. На стадион медицинского института на Пискаревке мы ехали на трамвае до самого кольца. Нам сказали, что надо пройти больницу имени Мечникова насквозь и на задворках будет стадион. Больница оказалась целым городком из потрепанных временем и погодой двухэтажных корпусов дореволюционной постройки. Во время войны здесь был госпиталь, но по состоянию корпусов и дорожек казалось, что его бомбили совсем недавно, да и сумрак от густой листвы веселья не добавлял. По дорожкам гуляли выздоравливающие в полосатых пижамах.

Вдруг меня громко окликнули по имени. Это была Татьяна, моя соседка, крупная женщина лет тридцати пяти. Глядя в упор на Стеца, она объявила:

— Меня сюда по «скорой» привезли с печеночной коликой. Условия ужасные, еще и горячую воду отключили, но врачи хорошие.

Мужественный самбист Стец, и так-то невысокий и щуплый, под ее пристальным взглядом как-то весь сжался, обратил взор в пространство и ничего не ответил.

— Сочувствуем, — промямлил я сбоку.

— Я тут пользуюсь бешеным успехом, — продолжала она, снова обращаясь к Стецу, — Видите, там мужики на скамейке. Они меня почему-то Матильдой зовут. А вы тут чего?

— Мы на стадион, на игру, — ответил я, Саша кивнул, Стец совсем вжал голову в плечи и снова промолчал.

— Пойду, пожалуй, с вами, поболею за вас.

Тут мы пришли на стадион и оставили Стеца с ней на трибуне. Стадион выглядел неухоженным, трава возле ворот вытоптана, на скамейках сидят всего несколько болельщиков, скорее всего не наших, но музыка из громкоговорителей играет:

Чтобы тело и душа были молоды...
Закаляйся, как сталь!

Подошли к команде, начали переодеваться прямо на кромке поля, и тут выяснилось, что трое наших не явилось: время-то какое, весенняя сессия! По регламенту число игроков должно быть не меньше двенадцати, а нас как раз двенадцать.

Музыку выключили, можно начинать.

Капитаны тянут жребий, мяч в игре, Феля бьет. Удар, и вся команда бежит вперед. Университетский ловит мяч, но выпускает из рук, набегают наши защитники, Саша подхватывает, отправляет ближайшему игроку, и все бегут вперед, перекидывая мяч веером из рук в руки. Команда университета в растерянности. Счет 3:0. Мы получаем право на «попытку». Лучший бомбардир — Феля. Точный удар, мяч пролетает в створе ворот над перекладиной, это еще два очка, и счет становится 5:0!

Трибуны голосом Татьяны ревут:

— Парни, давай!

Мы воодушевлены, противник обескуражен, нам удастся все: в схватках мы успешны, передачи мяча проходят без потерь, я с игры ловлю свечу близко к воротам противника и сбрасываю мяч Рычагу, тот Бугаю, и новый занос. Еще три очка. Уходим на перерыв со счетом 8:0 в нашу пользу.

Саша выглядит огурчиком: ему, с его весом пера, гораздо легче, чем мне, с моими восьмьюдесятью с хвостиком. За десять минут я едва успеваю отереть пот с лица, немного обсохнуть, отдышаться. Замечаю, что наши болельщики держатся кучно: Татьяна энергично жестикулирует, Стец смотрит на нее словно замороженный. На секунду она прерывается, машет руками в нашу сторону и возвращается к собеседнику.

Начинается второй тайм. Команда университета собирается, и их капитану удается забить нам дроп-гол с игры. Два очка, и счет 8:2. Но мы в ударе и раскатываем их, как детей. Еще одна наша атака, снова «занос», удачная «попытка», счет 13:2! И тут против нашего защитника применяется захват, налетают и другие игроки, наш падает и подняться не может. Судья останавливает игру. Защитника уносят на носилках, и нас остается одиннадцать. Игра окончена, нам засчитывают техническое поражение.

Татьяна провожает нас до трамвая, мы снова проходим по территории больницы, больные кричат:

— Матильда, какой счет?

— Продули.

— Матильда, на кого же ты нас променяла!

На остановке продают мороженое, и Татьяна задумчиво говорит в пространство:

— А я-то думала, кавалер меня хотя бы эскимо угостит.

Но трамвай уже подходит, и мы прощаемся. Садимся в вагон в расстроенных чувствах, и Саша задумчиво произносит:

— Значит, не судьба. Не были мастерами, нечего и начинать.

— Ты прав, мужик, — решительно говорит Стец.

Надя и теормех

На одном из первых семинаров по математике в аудитории уверенным шагом вошла коротко стриженная девушка с волевым подбородком, похожая на главную героиню «Оптимистической трагедии». Комиссарша оглядела собравшихся и решительно направилась в мою сторону, тут я понял, что обречен, потому что оказался единственным, у кого нет соседа.

— Не занято? — спросила она и, не дожидаясь ответа, бесцеремонно уселась рядом.

Почему-то я разозлился, но не запротестовал, а сдержался, и правильно сделал, Надя тут же стала моей лучшей подругой. Училась она хорошо, не хуже парней, да и вся

группа была сильная. После жесткого конкурсного отбора слабых студентов практически не было, и требовалось напрягаться, чтобы быть на уровне. Хотя в школе, чтобы не прослыть зубрилой, я сознательно старался уступать первое место круглому отличнику, здесь Надина прямота заставляла меня выйти из тени.

В институте вообще все было по-новому, общественная жизнь кипела, в курилках о чем-то азартно спорили, фарцовщики «на колодце» возле парадной лестницы торговали джинсами, пластинками, на танцы народ ломился, в общаге свое веселье, — в такой движухе не хотелось затеряться.

С математикой, физикой, химией проблем не было, а вот инженерные дисциплины: начертательная геометрия, машиностроительное черчение, теоретическая механика — приводили в замешательство, не сложностью, а тем, что за ними маячило что-то непонятное и слегка пугающее, что угрожало стать профессией, а то и судьбой.

Теоретическая механика и сопромат всегда считались студенческими страшилками, но я даже увлекся теоремехом. Лекции в сдержанно-холодной манере читал элегантный седой профессор. Говорили, что вся кафедра такая же блестящая а предыдущий заведующий был настоящий грузинский князь, «из бывших». Автор учебника, светило, доктор наук, все перед ним трепетали, но если в помещение входила женщина, преподаватель, ассистентка или уборщица, — неважно, он обязательно вставал со своего места и кланялся.

И практику вел необычный ассистент по имени Бронислав. Передвигался он неуклюже, говорил скупой, никогда не улыбался. Вошел, молча взял мел и провел на доске абсолютно правильную окружность, такую и циркулем-то не нарисуешь! Потом изобразил идеально ровно, как на плакате, двутавровую балку во всех проекциях. Стал писать формулы — чистая каллиграфия. И заговорил медленно, чеканно, словно гвозди вколачивал. Аудитория прибалдела. Продиктовал домашнее задание, положил мел и вышел, угловато переставляя ноги. Оказалось, что вместо ступней у него протезы, говорили, во время войны, мальчишкой, на mine подорвался. Задачи его были на грани возможного, если мне удавалось отличиться, я был горд, будто меня избрали председателем чего-то.

Комсоргом, кстати, выбрали Надю, а не меня, уж больно это шло к ее стрижке и характеру. Надя жила в нескольких кварталах от института, и выездные собрания с водкой, огурцами и квашеной капустой удобно было устраивать у нее дома. По дороге к ней мы с хохотом маршировали в ногу по Египетскому мосту в честь теории колебаний. На лекции нам рассказали, что эскадрон конной гвардии, проходя этот мост через Фонтанку парадным шагом, ввел его в резонанс и обрушил под лед вместе с лошадьми и всадниками.

А вот Дворцовый мост через Неву — Бронислав именно его брал для расчетов на тепловые деформации — Дворцовый не разломается потому, что твердо стоит только на одном берегу, а по другому, возле Зимнего, он катается на катках. Холодно станет, он съедится и подъедет, жарко — отъедет, ко всему приспособится.

И уже подходя к Надиному дому и вспоминая Бронислава, мы, как идиоты, в пятнадцать глоток орали:

Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны,
В строю стоят советские танкисты,
Своей великой Родины сыны.

И Надежда дирижировала нами, четырнадцатью орлами:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход...

Если Бронислав посылал нас за славой, то Надька была нашим маршалом.

Критическая масса

Идея с ансамблем тем временем не рассосалась, а, наоборот, усилиями Саши и Стеца стала обростать людьми. Хотя до репетиций дело пока не доходило, роли уже определялись: Саша поет и играет на лидер-гитаре, я подпеваю, а Стец — ритм-гитарист. На нашем курсе нашлись два общежитских приятеля, «пупели», как они друг друга называли, от слова «pupil». Женя из Краснодара поет и играет на гитаре — идеальный кандидат на бас, а Шурик из Ахтубы при ангельской наружности умеет играть на всех инструментах и согласен стучать на барабанах.

Я-то не очень рвался в ансамбль, но чтобы не разочаровывать ребят, не отказывался.

И вот в начале мая кто-то из однокурсников похода сказал, что на доске возле деканата висит список стройотряда на лето и мое имя там тоже значится. Я не поверил — с какой стати, но на большой перемене побежал на третий этаж. Действительно, на доске возле деканата висит список стройотряда «Муравей», который направляется в Лен-область, и там моя фамилия. Я разозлился: ни в какой стройотряд я ехать не собирался — и тут же бросился в приемную к нашей замдекана. Людмила Васильевна, маленькая хрупкая женщина, сидела в комнате одна, негромко работало радио, из репродуктора доносилась издевательски бодряя песня:

В буднях великих строек,
В веселом грохоте, в огнях и звонах...

Замдекана оторвалась от бумаг, приветливо улыбнулась:

— Вы что-то хотели? — Но я на улыбку не повелся и, забыв про вежливость, начал с разгона:

— Я насчет списка стройотряда. Это что, обязаловка? Нельзя спросить было, что ли? Мне отцу в садоводстве помогать надо!

— Что вы, никто никого не заставляет, видите ли, мы хотели назначить вас комиссаром отряда, — мой вызывающий тон она проигнорировала.

Я сдулся. Комиссар отряда!

— Подумайте, — уловив слабинку, поднажала Людмила Васильевна. — Приходите завтра, скажете, как вы решили. Мы ни на чем не настаиваем.

Я уходил из деканата, и хор провожал меня словами:

К станку ли ты склоняешься,
В скалу ли ты врубаешься, —
Мечта прекрасная, еще неясная,
Уже зовет тебя вперед.

Я получил достойное предложение — стать комиссаром строительного отряда! Мне удалось сдержаться и не ответить согласием немедленно, не хотелось выглядеть идиотом. Мгновенно созрела удачная комбинация: в стройотряде можно создать ансамбль, и это будет нашей идеологической работой, за которую как раз и отвечает комиссар.

Теперь ансамбль стал и мне по-настоящему интересен, можно сказать, множество обстоятельств сошлось и достигло критической массы. Я уже мысленно утверждал распределение ролей: Стец — готовый ритм-гитарист, Женя на басу, они в списке стройотряда, Саша поедет, сомнений нет, группа — это ведь его идея, он лидер-гитарист и первый голос, второй пупель — ударник, надо только его сагитировать на стройку, а я кто? Да ладно, будущее покажет, а пока буду слушать, режиссировать из зала и петь. Как я и думал, уговаривать никого не пришлось, и назавтра я вернулся к Людмиле Васильевне с согласием, а она включила в состав стройотряда двух недостающих бойцов.

Древний заведующий актовым залом института, высокий и сутулый Николай Мамонтович пристально изучал заявление, подписанное комиссаром стройотряда «Муравей», то есть мною. В шапке заявления крупными буквами выделялись магические слова: «Вокально-инструментальный ансамбль», красными чернилами наискосок пролегла резолюция студенческого профкома института. Заведующий читал бумагу, перечитывал, вертел так и сяк и наконец нехотя сказал:

— Черт с вами, приходите вечером.

Тут из-за моего плеча выскочил Саша:

— А что у вас есть из аппаратуры?

— Все люди на своей играют, а им клубную подавай.

В репетиционной комнате за сценой обнаружили сильно потрепанная ударная установка, доисторический усилитель и микрофон со стойкой.

— Кто будет материально ответственным? — проскрипел скупой рыцарь, извлек откуда-то амбарную книгу и сунул мне, чтобы расписаться в журнале. — Принимайте в пользование.

Я протянул его Саше, тот передал Стецу, Стец расписался.

Электрогитар не водилось ни в институте, ни в магазинах. Саша со Стецом собрали их из подручных материалов. Деку каждой гитары в виде жука «а-ля Битлз» из фанеры 20 миллиметров выпиливали лобзиком и отделявали красным перламутровым пластиком, Стец добыл его в единственном в городе магазине «Юный техник», где населению продавали производственные отходы и неликвиды. От дешевых акустических гитар ребята взяли грифы и слегка их отформатировали под крепление собственной конструкции, и только звукосниматели нашлись в музыкальном магазине. Самой большой проблемой были металлические струны, но и их удалось достать. Гитары на удивление смотрелись вполне фирменно, да и звучание было приличным. Конечно, выступать со сцены с такой аппаратурой нельзя, но для репетиций сойдет.

Свободное время для нас нашлось только после восьми вечера. Мы ожесточенно репетировали чуть ли не каждый день и уходили последними, охрана за нами тут же закрывала двери института на засов. Чудом сессию сдали без хвостов. Почти: у пупеля Шурика хвосты на осень остались. Считаю, наш ВИА был сформирован.

На строительстве коровника. Бегуницы

И приехали мы в деревню Бегуницы, шестьдесят четвертый километр Таллинского шоссе. Задрипанные избы, правление чуть посolidнее. Только на высоком холме здоровенный клуб: с высоченными потолками, просторная сцена с киноэкраном и ряды откидных стульев, а позади здания — заброшенное кладбище. Не иначе, клуб когда-то был церковью.

Нас, студентов, определили строить коровник и склад для удобрений, приставили «дядьку» — плотника, который первые дни учил нас отбивать на бревне натянутым шпагатом прямую меловую линию, тесать брус, затачивать топоры и пилы. Под его руко-

водством мы вкапывали столбы, делали между ними связки, ставили стойки и сооружали леса, обшивали стены, возводили крышу, рубероидом крыли. Все старались, но выходило топорно, и пупели комментировали: «Хорошо получится — будет коровник, плохо — библиотеку сделаем». В первый раз ходить по обрешетке крыши было так страшно, что ползали на четвереньках, но потом пообвыклись и уже бегали на восьмиметровой высоте. <...>

В конце месяца стали закрывать наряды, и выяснилось, что расценки такие низкие, что после вычета расходов на питание мы почти ничего не заработали. Мы пытались бороться, но ничего не получилось, и за два месяца работы нам выписали по тридцать два пятьдесят. Считай, ничего, но коровник построили.

Первый концерт и первая гастроль, 1968

Зато в совхозный клуб нас пускают сразу, как только мы приехали. Ежедневно вечерами или днем в непогоду мы репетируем, а киномеханик позволяет подключить к звуковой аппаратуре. Из «Одинокой гармонии» делаем синкопированную гитарную заставку под джаз, разучиваем две инструментальные темы: популярную «Апачи» из репертуара английской группы «Shadows» всего для двух гитаристов и ударника, играть ее несложно, и нам по зубам, мы даже усиливаем ее бас-гитарой, и «Исход» из американского фильма с Полом Ньюменом. <...>

Из первых песен на английском, конечно же, битловская «Гёрл». Сашин лирический тенор очень подходит к ее оптимистическому минору, и, слушая его, я предвкушаю, как будут трепетать девичьи сердца, у нас самих щемит в груди:

Is there anybody going to listen to my story
All about the girl who came to stay?

И мы, все остальные, подхватываем:

О, гё –ё-ёрл, — и все вместе вздыхаем, — гё-ё-гёрл...

Предполагается, что я буду играть на органале, но пока ее нет, моя обязанность — настраивать гитары, и хотя скрипка при мне, но она почти не задействована, зато у скрипача всегда с собой камертон и уши. Я слушаю, как звучит ансамбль из зала, и быстро понимаю, что главная проблема — это соотношение громкости голосов и аккомпанемента. У большинства групп голоса тонут в реве гитар и грохоте ударных, обычно любому музыканту кажется, что его плохо слышно, и каждый норовит вывернуть свой регулятор громкости на максимум. Я настаиваю, чтобы у нас голоса слегка доминировали над аккомпанементом и чтобы слова всегда можно было разобрать. И тогда становятся важными сыгранность и чистое многоголосое пение, а это уже отрабатывается часами.

Из быстрых мы снимаем с магнитофонной пленки «Can't buy me love», грубо говоря, любовь не купишь, и ставшую коронной «The World without Love» Пола Маккартни. Слова ее Саша знает еще с десятого класса, а теперь научил меня, и я пою вторым голосом. «Неважно, что скажут, я не хочу оставаться в мире, где нет любви».

I don't care what they say
I won't stay in a world without love.

За июль удается подготовить и отрепетировать программу, и мы объявляем дату первого концерта в клубе совхоза «Гомонтово»: 4 августа 1968 года. На афишу нужно поместить название ансамбля. Долго перебираем варианты и останавливаемся на простом: стройотряд называется «Муравей», цвет нашей стройотрядовской формы зеленый — получается «Зеленые муравьи». Привет жукам-битлам и розовым флойдам.

На концерт собирается вся деревня, от мала до велика: растениеводы, скотники, доярки, механизаторы и наши коллеги плотники. Выступление группы «Зеленые муравьи» встречают бурными аплодисментами. А мы-то как волновались! Первый концерт! Отрядовские ребята нас зауважали, и деревенские довольны.

Неясно, что может им нравиться: музыка совершенно новая, слова непонятные, ну разве что голоса — это мы можем. Молодость, кураж — такие артисты к ним еще не приезжали, да и по радио не передавали. Слухи быстро распространяются, и совсем скоро нас приглашают на гастроли в соседний совхоз. В Копорье зал меньше, а народу собирается толпа, и много детей, включая грудных. Окрыленные успехом нашего первого выступления, гитаристы ка-ак вдарят по струнам, а солисты ка-ак заголосят! Зал взрывается детским ревом, но мы упорно доигрываем до конца, и даже удается переорать детей. Они тоже мало-помалу смиряются.

Все, что могут в ответ сделать местные, — это свозить нас на развалины Копорской крепости. Когда-то Александр Невский отбил ее у ливонских рыцарей, а теперь время и пофигизм превратили ее в печальные развалины, поросшие кустарником.

— Классно было бы спеть на этих руинах, — Саша по-ковбойски вглядывается в даль.

— А что, дизель-генератор подогнать и аппаратуру подключить, — говорит пупель Женя, — раз плюнуть.

— А по полю пустить отряд апачей с луками и стрелами и табун лошадей, — подхватывает пупель Шурик, — для пущей изобразительной силы. А главное — ящик виски.

Нас приглашают и в другие совхозы, один из них имеет милое название «Сельцо». Выступаем мы все увереннее, и сезон заканчиваем тем, что в родном совхозе раскулачиваем клубные киношные тумбы — забираем из каждой по одному динамику из двух: им половина и нам половина, зачем им по две? С тем и отбываем в Ленинград. А где еще динамики взять? В магазинах такого не продают.

Тетя Диана

Вернулись в город незадолго до начала занятий. Родители еще на даче, квартира свободна, и мы с общежитскими пупелями зависли у меня. Женя сварганил яичницу с помидорами из десятка яиц, что нашлись в холодильнике. После столовской пищи результат потряс.

В завершение сезона большим стройотрядовским коллективом завалились в ресторан «Седьмое небо» в гостинице «Советская», на все тридцать два рубля с носа. В Казахстане Надежда заработала в десять раз больше, она потом хвасталась, что выбила себе мужскую работу — кирпичи класть: тычок-ложок, тычок-ложок. На такие деньги одеться можно по фирме. А с нашими — только пропить.

Изнутри новенькая интуристовская гостиница сверкала, и мы слегка оробели, но швейцар за пять рублей проявил рассеянность, и нам удалось проникнуть всей гурьбой в запретную зону. На огромном лифте вознеслись на последний, шестнадцатый этаж. Современный интерьер в стиле лаконичного конструктивизма, все с иголочки. Столы, посуда, форменная одежда официантов, оборудование туалетов, из зала через окна во всю стену шикарный вид на город, Исаакий, Адмиралтейство, крыши домов до горизонта, фабричные трубы где-то вдали...

Шурик, наш ударник, чувствовал себя в ресторане вполне свободно. После ужина с вином отправился в бар, уселся на высокий стул возле барной стойки, заказал коктейль и стал клеить барменшу. Красивая статная женщина была занята делом: разливала напитки, смешивала коктейли и перемещалась при этом позади стойки, как модель по подиуму. Проходя мимо Шурика, она реагировала на его заигрывания и улыбалась, хоть не всегда и не сразу. И когда она прошла мимо него в очередной раз, Шурик послал ей в спину сакраментальный вопрос:

— Девушка, а как вас зовут?

Она остановилась, повернулась к нему, посмотрела сверху вниз и ответила низким грудным голосом:

— Тетя Диана.

<...> В конце января брат прорвался в Дом писателя на вечер творческой молодежи Ленинграда. Зал был мест на двести пятьдесят, а народу набилось в несколько раз больше, потому что прошли слухи, что будет Бродский. До него выступали тоже замечательные молодые литераторы: бард Городницкий, автор «Атлантов», смешные рассказы читали Валерий Попов и Сергей Довлатов, про которых брат раньше не слышал. Но выступление Бродского потрясло, он декламировал в такой напряженной эмоциональной манере, что всех пронзило ощущение не виданной ранее интеллектуальной свободы. Он читал «Остановку в пустыне»:

Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали Греческую церковь.

В этих стихах, да и вообще у Бродского нет ничего антисоветского, но все равно был колоссальный скандал, все выступающие пострадали, а инициаторов вечера наказали.

А у нас в институте обсуждали свои местные запреты. В студенческом эстрадном театре репетировали пьесу Марка Розовского «Целый вечер как проклятые». Ставил ее выпускник Театралки Кама Гинкас, эпиграф к пьесе был из Юлиана Тувима:

В страшных домишках, в страшных квартирах
Страшно живетсЯ страшным мещанам.
ВьютсЯ по стенам копоть и сырость
Ужасом черным, смертным туманом

С утра долдонят, бормочут, рядят
Про дождь, про цены, про то, про это.
Один — походит, другой — присядет...
И все — явленья иного света.

Принимала комиссия парткома, которую возглавлял доцент с кафедры истории партии по прозвищу Люциферов. Пьесу он, скорее всего, не понял, но классовое чутье подсказывало ему, что она вредная, спектакль он запретил, да еще бумагу на режиссера в Театральный институт накатал.

— Сидят две пары за столом и весь вечер разговаривают ни о чем! У нас нет таких студентов, для нас это неактуально, зачем нам такой спектакль? И вообще, кто эту чушь написал?

— Марк Розовский.

— В какой группе учится?

— Вообще-то, он в Москве...

— Ничего, и до Москвы доберемсЯ.

Можно сказать, Люциферов почти повторил слова из пьесы: «Безусловно. Нам нужно только такое искусство, которое было бы не таким, как то искусство, которое не является искусством».

Ежедневные мелочи тоже доставали. На лекции преподаватель выгнал студентку. Она вошла в аудиторию в брюках, и тот спросил:

— Почему вы в брюках?

Она в ответ:

— А почему вы в брюках?

— Пойдите переоденьтесь и тогда приходите.

Почему рок-музыка казалась им опасной? Свои пластинки у нас не выпускали, фирменных было не достать, только у фарцовщиков за бешеные бабки. Приходилось песни переписывать с магнитофона на магнитофон.

Отец сочувствовал нашим разговорам, молчал, но пару раз произнес:

— Только лишнего не болтай.

Ленинский зачет

Людмила Васильевна предложила стать секретарем бюро второго курса. А Надю снова переизбрали комсоргом группы. У меня была идея, и Надя меня поддержала: пускай комсомол — это фикция, но на нашем курсе все будет по-настоящему, и рулить будут самые деловые и авторитетные ребята.

Я честно обошел каждую группу факультета и попросил выдвинуть кандидатуру самого уважаемого студента. В бюро вошло семь человек. В чем, кроме организации выборов комсоргов в группах и сбора членских взносов, должна заключаться наша работа, трудно было сказать, но Сашу в комсомол я принял и тем выполнил план по приему новых членов. Хотя он окончил школу имени Макаренко, где применяли методы трудового воспитания и прививали коллективизм, Сашу комсомолом почему-то не охватили.

Мы с Надеей очень хотели работать серьезно, а выходила одна глупость.

Весной спустили команду начать подготовку к празднованию столетия вождя революции и провести Ленинский зачет. Каждый комсомолец должен был как-то отличиться к юбилею, а на зачете отчитаться. С этим Ленинским зачетом мне пришлось выкручиваться, чтобы не выглядеть полным болваном.

Всем выдавали анкету с вопросами типа: какие берете на себя социалистические обязательства.

Ответы мы получали такие:

«Пить не больше десяти литров пива в день»;

«Хочу бороться за права негров в Америке».

Настаивать на серьезных ответах почему-то было стыдно, и я пытался просто познакомиться и поговорить с каждым. Скоро стало ясно, что эта затея совершенно бессмысленная. Частенько на меня смотрели скептически, в результате осталось неясным, удалось ли мне скрыть свой идиотизм.

И правда, в Америке молодежь протестует против войны во Вьетнаме, в Париже студенческие волнения, а мы в ответ берем повышенные обязательства сдать зимнюю сессию без троек, доложить комиссии об общественной работе, рассказать, какие культурные мероприятия посещали. <...>

Что касается моей системы отбора активистов в бюро, то ее можно было бы назвать удачной, потому что мои птенцы пошли в рост. Один стал командиром стройотряда,

и против него возбудили дело за финансовые нарушения. В конце концов он отбился и возглавил стройотрядовское движение уже во всем институте. Другой стал секретарем комитета комсомола института, и относительно него были разбирательства «по аморалке», потому что жена пожаловалась на его гарем. Третьего судили «по хулиганке», четвертого разбирали за пьяную драку. К концу своей годовой вахты, оглянувшись на тех, кого породил, и ужаснувшись содеянному, я ушел в отставку и отказался выдвигаться на новый срок. К счастью, никто из моих выдвиженцев не сел.

С тех пор я зарекаюсь заниматься комсомольской работой.

Инкубационный период

Между тем фарцовщики «на колодце» парадной лестницы продавали битловские диски. «Револьвер», а потом и «Сержант Пеппер» мы с ребятами видели, даже в руках подержали, но денег таких не было, и нам приходилось довольствоваться магнитофонными записями. Сняли несколько номеров, в основном там слова про девушек, и это более-менее понятно.

Сначала «I saw her standing there», и Саша пел:

Ей было всего семнадцать,
Представляете,
И смотрелась она обалденно!

В припеве я подпевал Саше вторым голосом (за Леннона):

Как же мог я танцевать с другой (о-о-о)
После того, как увидел ее.

И дальше зажигательно о том, как танцевали всю ночь, тесно прижавшись, и все такое.

Потом освоили «I should have known better», тоже на два голоса, сначала без губной гармошки, потом ее заменили органолой:

Хорошо бы познакомиться с такой девушкой, как ты,
Мне бы понравилось все, что делаешь ты
И что делаю я, хэй, хэй, хэй, вместе с тобой.

«Сержанта» мы поначалу больше слушали, чем играли. Музыка была новой, сложной, инструментов до беса: кларнеты, колокола, медные духовые, а содержание — со всем непонятно о чем. Пока что повторить это всерьез в нашем составе было невысказано.

И почти сразу после возвращения в город удалось достать билеты на концерт «Аргонатов». Огромный зал ДК имени Ильича на Московском проспекте был переполнен. Мы, естественно, даже и не мечтали услышать вживую «Битлз» или «Роллинг стоунз», но и на этот концерт было сложно попасть, таких масштабных выступлений студенческих групп еще не было, а об «Аргонатах» все уже знали.

На живом концерте группы я был впервые. И все во мне перевернулось. Ритм, ба-сы, достающие до печенок, многоголосье, чистое пение солистов, пульсация зала, охваченного единым чувством, — я был опрокинут. Я будто проснулся, стихия рока захватила меня целиком, от макушки до пяток. Настолько эти музыканты были новыми,

яркими, так поражали ритмом, раскованной манерой исполнения и белоснежными сценическими костюмами, что производили ошеломляющее впечатление.

Публика неистовствовала, а мы были в прострации: это же пятикурсники из нашего института, с приборостроительного факультета!

— Неужели и нам когда-нибудь удастся подняться до их уровня? — меланхолично произнес Саша, когда мы шли к метро.

— Можно только мечтать, — пробормотал я.

— Да, мужики, придется постараться, — поставил железную точку Стец.

«Гроб с музыкой»

А через несколько дней Сашу и Стеца вызвали с занятий в комитет комсомола института. Там их поджидал знакомый киномеханик из совхоза.

— Парни, пошли поговорим.

Все трое молча вышли на улицу, и он сказал:

— Верните динамики по-хорошему, обойдемся без милиции!

Упирались не стали, сбегали наверх, в репетиционную, притащили динамики.

И мы остались без звука.

— Ну, и как теперь стараться? — в расстройстве сказал я Стецу, когда мы собрались на репетицию.

— Будем решать, — ответил он и отправился искать ходы на черный рынок.

Первым делом через знакомых маклаков он достал три ламповых усилителя по пятьдесят ватт, из тех, что устанавливались для голосовой трансляции в электричках. Мощности было достаточно, а вот частотные характеристики недотягивали. В конце концов парни с приборостроительного помогли довести усилки до ума.

Дальше дело было за акустикой. Стец и Саша набрали учебников по акустическим системам, провели расчеты, выполнили чертежи, договорились с институтской столяркой и по этим чертежам заказали тумбу. Оставалось достать динамики. <...>

Так в группе появился собственный «гроб с музыкой» — басовая тумба с двумя динамиками такого веса, что ее с трудом можно было поднять вдвоем. Много лет эту машину во искупление грехов мы таскали на все выездные мероприятия, честно рекламируя продукцию отечественного производителя.

Почти сразу мы стали зарабатывать на выступлениях, и все деньги шли на аппаратуру и инструменты. И стипендию сюда же отдавали, только с общежитских не брали.

А вскоре удалось достать дефицитную органолу «Юность» в музыкальном магазине. Теперь я выходил на сцену со скрипкой и смычком, укладывал скрипку на верхней панели моего клавишного инструмента, пристраивал смычок, водружался на свое законное место и уже без дела в паузах не стоял.

Новый ударник

Ударную установку можно было свободно купить в магазине, но стоила она четырехста рублей. Таких деньжищ у нас не было. Установка считалась лицом ансамбля, надпись «Зеленые муравьи» должна была красоваться на барабане. Мы играли на институтском, и Мамонтович сам удавился бы и нас удавил, напиши мы хоть что-нибудь на клубном имуществе. Такую надпись мы оставили на память о себе на совхозном большом барабане, теперь необходимо было начертать ее на собственном, и я пришел просить у родителей в счет будущих заработков. Они надеялись скопить на ма-

шину, но хотя отец время от времени говорил: «Хватит дудеть на трубе, займись лучше делом», мне поверили, да и брат за меня вступился.

— Мальчик увлекается музыкой, и это хорошо! — сказала мама, и вопрос был решен.

И вот теперь наша аппаратура сверкала надписью и горела лампочками и смотрелась не хуже фирменной.

Но по дороге к славе мы потеряли ударника Шурика. Завсегдатай пивбара «Дубок», шашлычной и чебуречной, он стал пропускать репетиции, исчезать с лекций и вообще из города, а хвосты так и не сдал. Держался таинственно, типа, дома у него осталась любовь, и он летал к ней на свидания. Назанимал денег у приятелей в общежитии. Почувяв неладное, приехал его отец-полковник, вызвал нас с Сашей на встречу и потребовал объяснений, не из-за нас ли, дескать, его сын запустил занятия. Набравшись мужества, мы заложили Шурика и раскололись про его долги. Нашу душевную травму от измены другу полковник заштопал тем, что расплатился со всеми должниками и забрал сына домой.

Новым барабанщиком прошел по благу Вова, мой одноклассник и приятель. Вова лихо играл на аккордеоне «Чардаш» Монти, с музыкальным ритмом у него было все в порядке, и идею переквалифицироваться он комментировал с юмором: «Было у отца три сына: двое умных, один — ударник». И в отличие от Шурика учился он хорошо.

А Шурика было жалко, он был веселый и шепутной, мы уже полюбили его, и артист он был хороший. <...>

Золото Маккенны

После весенней сессии комитет комсомола включил нас в программу концерта в Летнем театре Измайловского сада, посвященного открытию стройотрядовского сезона. Театр легковесно назывался Летним, но площадка для нас была очень серьезной. Само здание еще дореволюционной постройки было деревянным, а ажурный металлический каркас, можно сказать собрат Эйфелевой башни, был спроектирован знаменитым инженером Шуховым для Всемирной выставки в Париже. Зал был огромный, на тысячу двести мест, с креслами и интерьером, как в императорских театрах. И это был наш первый настоящий концерт!

Мы приехали за полчаса до начала и слегка перепугались: здесь выступали и Дунаевский, и Утесов, и Любовь Орлова, и кто только не! Оказалось, что институтскую программу пристегнули вторым отделением к дневному концерту Валерия Ободзинского. А народ только что посмотрел «Золото Маккенны», где он прогремел на всю страну. Боевик этот так хорошо продублировали с американского, что даже в знаменитой за кадровой песне Ободзинский обличает дьявольский желтый металл на чистом русском языке.

Вновь, вновь золото манит нас!

Вновь, вновь золото, как всегда, обманет на-а-а-с!

Его звенящий тенор кружил над залом, а мы в наших зеленых стройотрядовских формах суетились со своей аппаратурой, не понимая, куда ее заносить. И никто не знал. Спросить некого, везде либо пусто, либо закрыто. Наконец из администраторской вышли две тетki в синих форменных костюмах и говорят:

— А вы, мальчики, что здесь делаете?

— Мы выступить приехали, — заблеяли мы вразнобой.

— Шутите? Здесь Ободзинский выступает, вам вряд ли придется.

— Тогда мы пойдем, извините, — попятился оробевший Саша.

— Ой, а мы машину уже отпустили, — прошептал Женя.

Администраторша выдержала паузу, обвела нас взглядом и отчеканила:

— Вы что, институт? Вы во втором отделении выступаете? Минуточку, я схожу узнаю. Стойте здесь.

Стоим, мнемся. Ударник, каланча под два метра ростом, бормочет: может, это и к лучшему. Я злюсь — опять комсомол нас подставляет.

Не зная, что нас ждет вдали,
В пути сжигаем сердца свои,
А грифу кажется, что это
Ползут по скалам муравьи, —

дразнится Ободзинский.

Через несколько минут администраторша возвращается, ее будто подменили, и она говорит медовым голосом:

— Ой, ребята, извините, проходите в грим-уборную, вот она как раз открыта, готовьтесь, я скажу, когда вам выходить.

И у нас начинается дикий мандраж.

Валерий Ободзинский заканчивает под гром аплодисментов, объявляют антракт, занавес закрывается, освобождается сцена, и нам велят готовиться. Мы расставляем аппаратуру, вытаскиваем свой «гроб с музыкой», провода подключаем, настраиваем усилитель, пробуем гитары, и тут к нам подходит сам кумир публики.

Прохаживается по сцене, похлопывает по нашей басовой тумбе и подзывает какого-то мужика:

— Смотри, как солидно, может, и нам такое надо! Пойду, пожалуй, из зала послушаю.

Мы все напряжены, все боятся облажаться, что-нибудь забыть... И правда, где моя скрипка? А брал ли я ее сегодня вообще? Можно, конечно, и без нее, я на ней только в проигрыше играю, но она все же добавляет своеобразия... Да, точно, брал. Где ж тогда? Хорошо, если в гримерке.

Как сумасшедший бегу в гримерку.

Мечусь за кулисами по лабиринтам коридоров. Черт! Где эта комната? Где эта дверь? Где моя скрипка? Куда мне теперь?

Вот моя скрипка, вот моя дверь...

— Ты, что ли, «Зеленые муравьи»? — вдруг слышу за спиной низкий, с хрипотцой, спокойный голос.

— Да, «Муравьи». Уже начинать! — В спешке оглядываюсь. У стенки напротив тоненькая девушка складывает губы трубочкой и выдыхает сигаретный дым.

Удар сердца. Вот это да! Меня как будто вырубает из сети, обесточивает. Я такой еще никогда не встречал.

— А мы тебя тут всем театром ищем, — подбородок вправо-вверх, челка на глаза вниз.

— А я скрипку искал.

— А зачем тебе скрипка? — Рука к лицу, сигарета в губы. — Разве ты не рок?

— Для понта. Я, вообще-то, на клавишах. Я после музыкалки.

— Я тоже музыкалку... Ваши ребята говорят, — затылка, губы трубочкой, выдох, — ты один знаешь, как вас объявлять. Что мне про вас говорить-то? — пальчик в сторону, два *staccato* [*отрывисто*] по сигарете.

— А ты... — вдох, пауза, *sincola* [сбой], — кто?

— А я кто? Сама не знаю кто... — выдох, пауза, *fermata* [остановка]. — Коломбиной тут у вас работаю.

— Скажи, э... скажи, э... что «Зеленые муравьи»... первое выступление... на большой сцене... да я всех потом назову... когда сыграем. — *Sincola, sincola, sincola* [сбой, сбой, сбой]!

Подсознательно я жду, что это вот-вот закончится, но сам не могу очнуться, и тут наконец-то набегают басист с ударником и набрасываются на меня:

— Вот ты где, давай скорее, все готово, сейчас занавес откроют!

Подбежали и — обратно по коридору. *Tutti* [Всем оркестром]!

Я дергаюсь было за ними.

— Без меня не начнут, — по щелчку сигарета летит в урну, девушка отталкивается от стены и спокойно шествует на сцену — *andante maestoso* [медленно и величественно]. Я за ней — *accelerando* [постепенно ускоряясь]!

Бросаюсь к органале, кладу скрипку и оглядываюсь. Ударник кивает в сторону кулис и подмигивает мне. Басист подбирается поближе, насколько позволяет провод:

— Классная девушка, где ты ее заклеил?

— Она сейчас нас объявит.

— Как зовут?

Ответить, что не знаю, не успеваю, идет занавес. Что она говорит, не слышу, только голос.

Тут мы принимаемся за свою «Одинокую гармонь». Вторым номером, как всегда, «The World without Love».

А потом «I'll Get You»:

Imagine I'm in love with you
It's easy 'cause I know
I've imagined I'm in love with you
Many, many, many times before.

Представить, что я влюблен в тебя,
Легко, я это знаю,
Я представлял, что влюблен в тебя,
Много, много, много раз и раньше, —

поем мы в унисон.

Нам хлопают, свою порцию славы мы получаем, по крайней мере, не облажались.

Мы уходим со сцены, прихватив инструменты, приходится еще ждать, когда закончится концерт, чтобы забрать аппаратуру. Пока ведущая объявляет следующий номер — стихотворение Вознесенского, — я смотрю на нее из-за кулис, слушаю и надеюсь хотя бы узнать, как ее зовут, но она уходит в другую кулису. Я бегу искать и опять теряюсь.

Она находит меня сама:

— Хорошо сыграли, мне понравилось. Почему-то я раньше вас не слышала.

— Спасибо. А ты из эстрадного театра?

Девушка характерным женским приемом дует на упавшую прядку волос, улыбается и кивает.

— Можно тебя подождать?

— Лида! — Кто-то окликает ее.

— Извини, меня ждут, — так и не ответив на мой вопрос, она уходит своим неспешным шагом.

Я лечу отпрашиваться у ребят. Ехать недалеко, но аппаратуру надо собрать, погрузить, разгрузить, поднять наверх. Четыре человека справятся, но обычно участвуют все. Меня понимают, тем более послезавтра уезжать в стройотряд, и отпускают, обещают доставить мою органолу в целости.

И когда концерт заканчивается, мы со скрипкой идем караулить возле выхода. Лида выходит и как ни в чем не бывало, будто договорились, просовывает свою руку под мою согнутую свободную. Мы отправляемся к метро. Ранний вечер, солнце светит по-июньски ярко. Идем по Фонтанке к Московскому проспекту, о чем-то говорим. Что тот-то сказал то-то, что та-та сделала неправильно, а та-та — все наоборот, но тоже неправильно. Что сессия сдана, а лето впереди. Мне послезавтра в Казахстан, а ей в деревню. Идут машины, редкие прохожие навстречу, и заплеванный Польский садик навстречу. Кружим по садику, находим чистую скамейку, молча сидим, слушаем, как Эдит Пиаф голосом Лиды поет из окна соседнего дома:

Но, ррьен-дэррьен,
Но, жё на рье-гретэррьен,

и начинаем целоваться.

Лето с верблюдами, 1969

...Скучаю. Тоска страшная. Но вспомню тебя, и сразу веселее. Зачем тебе такие круглые глаза и такие пушистые волосы? Кудри до плеч должны быть у девушек, парню это ни к чему. А целоваться ты не умеешь. Придется учить...

Верблюды спускаются к водопою длинной пологой тропой и, напившись, поднимаются прямо к нашим вагончикам, карабкаясь теперь по крутому склону. Земля осыпается под ногами, как эхо, с небольшим отставанием, не мешая верблюдам взбрыкивать, и переставлять ноги, и дальше взбираться наверх, прихватывая по дороге листочки с уже порядочно обглоданных кустиков. Сколько бы они ни оступались, мерное движение их шей все равно напоминает неспешное колыхание волн. Караван идет дальше, мимо вагончиков, в свою пыльную бескрайнюю степь жевать колючки и сухую траву.

Один дромадер останавливается против сцены, и челюсть его ходит с боку на бок, пока он раздумывает, не стоит ли плюнуть.

Если б чудо совершилось,
Если б сзади подошла
И глаза закрыла мне рукой,

Я бы взял твои ладони,
К ним губами прикоснулся,
Несмотря на дождик проливной.

Степной меломан стоит как вкопанный и вслушивается в наши аккорды, пока пастух не щелкнет кнутом, и тогда он отворачивается, трогается с места, возобновляя в прежнем темпе свою ритмичную партию. Горб его уныло свисает, слепни жужжат, и, играя бичом, посвистывает пастух.

Только бы Саша не забрал эту песню себе. Я сам должен ее петь. В ней есть чудесное совпадение музыки и момента. Слова Онегина Гаджикасимова. Этот автор возник неожиданно, и сразу все стали петь его песни. У них слова не про рябину с дубом, не про клен с березой и не про мартеповские печи, которые горят и день и ночь, а, как у «Битлов», про что-то совсем простое и личное:

Нет у телефона у меня-а-а-а.

И есть где показать голос. Опять же неровные строфы, редкие рифмы, почти белый стих — это такая новая мода, а восточная мелодика — чем не ответ на западный рок. И «Караван» Дюка Эллингтона напоминает, я ощущаю в ней ритм волны, взбрыкивание крупом, помахивание хвостом и печаль в глазах.

В газетах пишут «несоветская музыкальная риторика», а мы увлеклись его песнями не случайно: он работает в музыкальной редакции Всесоюзного радио, готовит передачи о зарубежной рок-музыке, даже перевел битловскую «Girl», и ее исполнял Ободзинский, а про себя говорит:

По ночам в тиши я пишу стихи...

Река Урал. Письмо

Поезд привез нас с аппаратурой в Казахстан, на полуостров Мангышлак, чтобы строить нефтепровод. Выгружаемся на железнодорожной станции Макат — какой-то домишко вместо вокзала и больше ничего. Оттуда сто пятьдесят километров по степи до поселка Индерборский (попросту Индер) трясемся на бортовых грузовиках и трясемся за аппаратуру. Поселок строили в тридцатые, чтобы добывать бор. Лагерь отряда расположен на безлюдном высоком европейском берегу реки Урал, а на другом берегу, низком и тоже пустынном, уже Азия.

К приезду отряда квартирьеры, студенты-старшекурсники, соорудили посреди голы степи специально для нашего ансамбля крытую и огороженную с боков террасу со сценой в глубине. Потом у них заработало воображение, и они пристроили к боковой стенке барную стойку. Передней стенки нет, только штaketник и калитка, как в вестернах. Выпивку отряд частью привез с собой, а «Москванын», водку «Московскую» казахского розлива, удалось купить в поселке. И еще завхоз добыл несколько ящиков чешского пива. Барменом заделался предприимчивый парень с третьего курса и объявил, что стакан коктейля «Отвертка» — двадцать копеек, бутылка пива — рубль. Народ недоумевает, как он распорядится доходом, да и денег с собой особо нет, и на всякий случай никто ничего не платит. В итоге выпивка быстро заканчивается, но калитка при входе хлопает, и народ вваливается в бар, ощущая себя ковбоями — укротителями диких мустангов и хозяевами прерий.

Стройотрядовский лагерь из шести вагончиков тут же рядом, в каждом по два купе; вход посередине, налево и направо — спальные отсеки на четверых. Плюс навес-столовая с кухней, плюс склад, а подальше в степь, поближе к тушканчикам — туалет. <...>

Скорпионы и гадюки — наши нехитрые развлечения. Скорпион может прятаться под любым камнем, лапы переставляет, по земле бежит быстро, под палочкой, которую мы ему подсовываем, пролезает, под другой камень прячется. Любой камень перевернуть — и там найдется этот маленький лапчатый экскаватор, только вместо ковша — жало, опять побежит, преодолеет полосу препятствий и спрячется. Просто ру-

ками его не надо трогать. Бывают еще каракурты, а каракурт — это вам не скорпион, это черный паук, которого надо бояться, укус его смертелен. Но нам он так и не попался. Или мы ему.

Гадюки живут под вагончиками, им там, в тени, наверное, прохладнее, их тоже не стоит тревожить и тыкать палкой, тогда и они нападать не будут. Поначалу мы их даже не замечали, а тут парни нашли целое гнездо, разворошили, и оттуда поползли змеи одна за другой. Наш Кашевой хватает змею и двумя пальцами зажимает ей голову, она пасть разевает, а укусить не может; другой рукой он держит змею за хвост. Его напарник — рядом наготове с бутылкой, чтобы засунуть гадюку головой в горлышко. А чтобы запечатлеть геройство и силу воли, в трех шагах стоит фотограф и дирижирует:

— Отпусти хвост, пусть она обовьется вокруг руки, тогда и фотография выйдет эффектнее.

— Сам отпусти, — сдавленным голосом говорит Кашевой, проявляя предусмотрительность, — похоже, он не хочет рисковать своим большим будущим в процессе тренировки воли.

В свободное время я в воображении пишу Лиде, отвечаю на письмо, которое неожиданно нашло меня через три недели после приезда.

...Никого в деревне нет, три бабки и я. Автолавка с хлебом приезжает раз в неделю. Пошли колосники, хожу за грибами, пугаю леших, говорю сама с собой, пере-крикиваюсь с эхом. Ночью, бывает, проснусь, и кажется, что жизнь остановилась и ничего больше в ней не произойдет.

А мы сидели в Польском садике, или мне это приснилось?..

Казахская ССР, Гурьевская область, поселок Индер, стройотряд «Богатырь».

Обратного адреса нет!

«Нету телефона у меня-я-я!»

Но я все равно пишу, мысленно, пытаюсь развеселить, а адрес она, наверное, пришлет в следующем письме. Описываю все, что вижу, и мне кажется, что пишу я стихами. Рифмы придумывать неохота, наверное, это белый стих.

Вот Вова сидит на скамейке, жарясь на солнце,
я вижу, как он пытается перетянуть барабан,
который порвал от усердия, так колотил, что дыру он пробил.
И где умудрился он только среди казахских степей
добыть себе новую кожу. Вот рядом Стец, зашивает штанину,
ему такая погода в кайф, он любит жару,
А меня это пекло вгоняет в гипноз.

Нет, не пойдет, перечеркиваю и даже комкаю воображаемый листок и кидаю его под ноги. Хорошо бы в таком духе:

Льет ли теплый дождь, падает ли снег,
Я в подъезде возле дома твоего стою.

Если представить воду, станет легче дышать. Попробую описать что-нибудь мокрое:

Мы идем по колено в воде — с бреднем бредем —
моя вторая в жизни рыбалка. Первый раз на Вуоксе

сырым комариным летом я поймал на удочку
 плотвичку и маленького окушка.
 А тут в степи озерцо,
 река отступила после разлива и не оставила рыбе
 выхода в реку — полезай в нашу сеть.
 Нас с десятков парней, мы бредем по колено в воде
 и тащим на берег улов. Толстолобики, жерех —
 таких названий я не слышал —
 и почти два десятка зубастых щучек.

Щелк, шелк, треск затвора фотоаппарата — покажу потом ей фотоотчет.

...Как там твои ребята? Работаете или развлекаетесь? Безделье — это совсем не то, что мне сейчас нужно. Животные тоже грустят, корова грустит, собака, только куры бегают и кричат, но они сумасшедшие...

Не грусти, Лида, слушай! Однажды мы выудили из реки и привезли в лагерь осетра, огромную молчаливую рыбину, нужно быть силачом, чтобы ее удержать. Фотографируются все по очереди. На фото Вова-ударник, высокий мальч, крепкий, держит ее за хвост на победно вытянутой руке, голова рыбины свисает почти до земли, а Стец подхватывает ее нежно двумя руками, как девушку, и баюкает. Пленки проявят и напечатают, когда мы вернемся в город. Поэтично, как полагается в письме к любимой девушке, эту рыбину не описать, а тем более гадюк и скорпионов, наших соседей. <...>

Тяжелая нефть

Строим мы, как выяснилось, нагревательную станцию Индер для уникального горячего трубопровода Гурьев—Куйбышев: высокопарафинистая мангьшлякская нефть застывает уже при тридцати градусах, и без подогрева ее по трубам прокачать невозможно. Таких нефтепроводов в мире нет, по идее переработку нефти надо бы строить рядом с добычей, тогда и перекачивать ее горячей на полторы тысячи километров не пришлось бы, но у нашей экономики своя логика и дешевая рабсила.

Сначала долго роем котлован, потом начинаем возводить опалубку, но тут дело стопорится, у заказчика возникают непредвиденные трудности с финансированием объекта. Работы останавливаются, и выясняется, что в отряде подходят к концу запасы продовольствия. Тогда командир находит для всех левую работу в поселке. Мне со Стецом достается перегружать лопатами цемент. Очень хочется пить, а воды нет. После работы, пока мы ждем машину из лагеря, покупаем арбуз и, прежде чем есть, отмываем соком лицо и руки. Через три дня договариваемся с клубом нефтяников, что вечерами будем играть у них на танцах за деньги, раза три выступаем, а заработанное отдаем в отряд на пропитание.

Через какое-то время финансирование восстанавливается, и мы возвращаемся к стройке: сколачиваем опалубку, вяжем арматуру, завозим и разгружаем строительный песок, цемент. Все более-менее, как в фильме «Операция „Ы“»: песок и цемент таскаем на носилках, в бетономешалку загружаем лопатами, воду льем ведрами, расвор по опалубке разгоняем пневматическим вибратором.

Мы все исполняем роль Шурика, а разъяснительную работу ведем с тушканчиками, за горизонтом, поскольку с санитарией у нас не фонтан, все мучаются желудками и постоянно бегают в степь. Тушканчики стоят с умильными мордочками, сложив лапки, и внимательно наблюдают.

А по пятницам и субботам мы регулярно играем в своем баре. Основная программа отработана еще за зиму. Начинаем с меланхоличной инструментальной пьесы. Под нее народ обычно собирается, раскачивается, оглядывается. Потом, чтобы окончательно расстроить загрустившую публику, поем какую-нибудь медленную, например, популярную, из репертуара «Веселых ребят».

Грустя, смотрю в твоё окно.
Тебе, я знаю, всё равно!
Тебе, я знаю, всё равно, —
Ведь ты забыла всё давно.

Затем что-то пободрее, потом новая, совсем уже мажорная и веселая «Прелестная виолончелистка» со скрипичной партией для меня, из «Скальдов». Эта польская группа гастролировала в Ленинграде и успешно продала свою фирменную аппаратуру местной команде, но, к сожалению, не нам, нам с иностранцами встречаться нельзя.

В первые недели, когда мы начали репетировать и играть по вечерам, парни в баре потянулись на музыку, но желающих танцевать, естественно, было немного. Твист, чарльстон, шейк плясали индивидуально или в кружок. Но со временем девочки все-таки обнаружились, стройотряд из Ленинградского института советской торговли стоит лагерем неподалеку.

Однажды в субботу соседки появляются на танцах, и это сразу повышает настроение публики и массовость мероприятия. А ближе к концу сезона кое-кто из них навещается к своим новым приятелям. Стец среди этих счастливиц, он еще к тому же втайне от всех первым разведает свободное купе в дальнем вагончике. Потом на это место начинают покушаться другие, и ему иногда приходится даже вступать в схватку с варварскими силами противника, но он свое место отстаивает.

Шефский концерт и закрытие сезона

Командир отряда договорился в городском клубе сыграть на День строителя шефский концерт. Днем на репетиции подключили аппаратуру и заземлили ее на батарею отопления. Мы частенько так делали, чтобы усилитель меньше фонил, когда в электрической сети не было хорошей земли. Начали прогон, сыграли свою «Гармонь» и только рубильник на всю мощь, как по проводам побежал дымок и в нескольких местах загорелось. Я сидел за органом ближе всех к кулисам, меня торкнуло, я сорвался к рубильнику, на который случайно обратил внимание перед началом репетиции, и дернул, отключил питание. Удивляюсь своей необычной прыткости, возвращаюсь за инструмент. Ребята деловито проверяют, что сгорело, щелкают тумблерами, трогают провода — вроде ущерба нет, лампочки загораются. Включают рубильник — все работает как ни в чем не бывало. Нас это почему-то не настораживает.

Зал полон. Концерт начинается ударно, сами радуемся, как мощно и классно звучит. На пятой песне Саша передает стойку с микрофоном Жене, Женя берется за стойку, и вдруг между нею и струнами его бас-гитары вспыхивает электрическая дуга. И вот я вижу: басиста корежит в судороге, он, как в замедленной съемке, падает навзничь на сцену, стойка валится на него, а меня пробивает мысль о рубильнике, и после секундного оцепенения я срываюсь в правую кулису и рву рубильник на себя.

Поворачиваю голову влево, к сцене: басист лежит на полу, над ним на коленях солист, а ритм-гитарист и ударник — над ними обоими. Женя без сознания, его бьют

по щекам, а народ ломится вон из зала, в дверях давка. Публика, как нам сказали, была уверена, что гитариста пырнули ножом.

По счастью, Женя вскоре пришел в себя, даже хвастался, какой он тренированный: год до института работал электриком, и его, случалось, било током, поэтому, как он говорил, и жив остался. А скорее всего, у него на пальцах были серьезные мозоли от струн, а на ладонях — от лопаты. При разборе полетов выяснилось, что батареи в клубе не были заземлены. Концерт свернули, пострадавшего эвакуировали в лагерь, весь оставшийся вечер он лежал, ему давали сердечные капли, и пришел в норму он лишь через день. В ближайшую пятницу Женя уже стоял на сцене в нашем баре и играл, как прежде.

Закончили сезон тем, что несколько дней и ночей посменно и непрерывно лили монолит. Фундамент нагревательной станции поставлен на века!

Возвращались в Ленинград на поезде в самом конце августа.

В поезде, как обычно, ехали с песнями, грела мысль о доме, о встречах.

Льет ли теплый rain,
Падает ли snow,
Я в подъезде возле дома
Твоего to stay.

Жду, что ты to go,
А быть может, no.
Стоит мне тебя to listen,
О-о, как я happy!

Эстрадный театр

— Старый Козел, вождь племени кобзонов, стал уже стар. Пора племени кобзонов выбрать себе нового, молодого вождя. Хао, Старый Козел все сказал, говори ты, Вонючий Бизон.

— Вонючий Бизон говорит, слушайте! Бледнолицые хотят напасть и отнять наши запасы желтого песка. Но у нас неостанет желтого песка, чтобы вставить всем бледнолицым большие желтые зубы. Вонючий Бизон призывает вступить на тропу войны. Хао, Вонючий Бизон все сказал, говори ты, Хитрый Пенек.

— Хитрый Пенек считает, что на тропу войны вступать не следует, потому что она вся заросла колючками. Хао, Хитрый Пенек все сказал.

Я сижу в заднем ряду огромного актового зала на репетиции институтского студенческого Эстрадного театра. Как только мы вернулись в город, я начал разыскивать Лиду, и единственной зацепкой оказался студенческий театр. Я проник тайком на несколько репетиций и ни разу не встретил ни ее, ни кого-нибудь из знакомых по весеннему концерту. Все новые лица. Репетируют старую репризу из спектакля «Девять песен о сатире» Олега Рябоконея, он когда-то гремел и за год до моего поступления получил главный приз на Первом всесоюзном фестивале студенческих театров от самого Аркадия Райкина. «Песня» называется «Ковальчук — друг индейцев». Я видел этот спектакль на первом курсе, и тогда он считался острым, а сейчас, через два года, кажется идиотским, и тайного смысла не разобрать, хотя все поднаторели в чтении между строк.

— А для тебя, Василий Сергеич, мы споем нашу, индейскую. — И хором, деревенскими голосами:

Раздольная, широкая
Инде-ейския-а поля!

Василий Сергеич — это Толстиков, первый секретарь обкома. Если это он вождь племени кобзонов, значит, он засиделся и его пора сместить, а бледнолицые — это москвичи, они всех спортсменов и артистов себе забирают — так это интерпретируется в кулуарах.

Следующий номер объявляет парень, никакая не Лида.

На сцене семь диснеевских гномов в академических ермолках, выстроенные по росту, идут мультяшным шагом и поют хором:

Мы а-, мы а-ка-де-ми-ки,
Идей на-уч-ных плен-ни-ки,
Мы и-щем зер-на истины
И дви-жем мир впе-ред.

<...> С руководителем театра, доцентом Томсинским с кафедры «Детали машин», мы сталкивались, у него право первой ночи на время репетиций в актовом зале. И он же член парткома, ответственный за художественную самодеятельность, поэтому с музыкантами он всегда строг, для него наши ансамбли — еще одна головная боль, а мы воспринимаем его как конкурента в борьбе за зал. Но я думаю, он пытается, как может, прикрывать от парткомовских ястребов Эстрадный театр, свое детище, а рок-группы — это уж как получится. Ястребы, как им и полагается, раньше едва терпели знаменитый институтский джаз, а нынче из последних сил терпят нас, доклеывая по пути Эстрадный театр. В прошлом году сняли спектакль по пьесе Марка Розовского, а теперь уже и спектакль Рябоконе висит на волоске.

Когда репетиция заканчивается, я подхожу к ведущему.

- Привет! Раньше вроде девочка вела спектакль?
- Понятия не имею.
- А ты давно в театре?
- Да нет, первый год.
- Тогда ясно. А есть кто-то из старичков? — ведущий указывает на парня постарше, и я подваливаю к нему.
- Спектакль готовите?
- Если удастся собрать, сыграем на факультетском вечере. Старые выпустились, а новых вводить муторно — Олег Рябоконе уходит на телевидение.
- Жалко, но он молодец. А не знаешь, где девушка, которая номера объявляла?
- Ты про Лиду? Говорят, академку взяла. Может, на съемках.
- А как ее фамилия?
- Понятия не имею.
- А где она учится?
- Нигде, говорю же, академку взяла.
- А кто может знать?
- Да никто, из старого состава никого нет. Разве только у Олега спросить, пока не ушел.

Я отправляюсь искать режиссера, но того уже и след простыл. И никаких нитей у меня в руках не остается. Тоска.

О Лиде я мечтал все лето. У меня такой девушки еще никогда не было. Девочки из нашей группы — не в счет. С Надей мы однажды сходили в филармонию — ни мне,

ни ей не понравилось, а со спортсменкой, которая еще в школе посещала кружок юных космонавтов, попробовали проветриться в Парке имени 30-летия ВЛКСМ, и она предложила мне покататься на качелях-лодочках. Я-то на космических тренажерах не практиковался, и потому с этой лодочки отправился напрямик в кусты. Тошнота прошла, но к аттракционам я больше и близко не подхожу и с космическими девушками дружить не пытаюсь.

А земных девчонок где взять: учеба, репетиции, на танцах они в зале, а мы на сцене. Мой запасной вариант — соседка сверху, мы с ней по трубе перестукиваемся, и она спускается ко мне, чтобы я помог решить задачку. Она была первая, кого я пригласил в кино, на «Брак по-итальянски» с Софи Лорен в главной роли. С соседкой мы прошли школу молодого бойца, но очень-то далеко не зайдешь: ее мама двумя этажами выше, а жениться по необходимости в мои планы категорически не входит. Да и моя мама. Стоит ей справедливо заподозрить, что я где-то пропадаю не один, она тут же весьма прозрачно намекает, чтобы я вел себя порядочно и зря девочкам голову не морочил. Поэтому если девочка мне не настолько нравится, чтобы жениться, я больше двух раз с ней не встречаюсь, чтобы не обнадеживать. А жениться, я знаю точно, буду только по большой любви.

Я думаю о Лиде. Лида — совершеннейшее исключение. В тысячный раз клянусь себя, что так и не раздобыл ни ее адреса, ни телефона. Не в отделе же кадров искать, это смешно. Про меня-то она все знает. Если я для нее что-нибудь значу, она меня сама найдет. Пока не нашла.

Лунная программа

— А можете что-нибудь рассказать про высадку американцев на Луне, говорят, там какие-то сложные маневры?

Слухи о том, что американцы высадились на Луне, доходят до нас еще на стройке. В Ленинграде многие работают на космос, у отца на работе строят луноход. Обидно, что первенство упущено, в газетах об этом пишут скупно, а ведь, по сути, — эпохальное событие! И обсудить не с кем.

Преподаватель смотрит на часы и машет рукой:

— Ладно, давайте поговорим. Я тут не самый большой специалист. Задача, как я себе представляю, самая сложная на сегодняшний день. Им пришлось выйти на околоземную орбиту, с околоземной стартовать к Луне, выйти на лунную орбиту, сесть на Луну, обеспечить выход людей на поверхность, вернуть космонавтов обратно на орбиту Луны, а потом вернуть возвращаемый модуль на земную орбиту и обеспечить посадку. Масса перестроений, стыковок и расстыковок, постоянная связь между Землей и всеми участниками операции.

— А мы могли бы такое сделать? Почему мы отстали?

— Конструкторская школа у нас хорошая, научная база отличная, а вот где беда — так это с технологией и качеством исполнения. И в электронике сильно отстаем, соответственно, и в связи. Тоже, заметьте, не в теории, а в технологии и в качестве исполнения. Мы с вами механики и, зная фундаментальные законы, должны стараться компенсировать системные недостатки изобретением уникальных конструктивных решений. Образно говоря, это значит прорыть такой туннель, чтобы оказаться по другую сторону горы, не поднимаясь на вершину.

— А как же мы спутник первыми запустили, и Гагарин?

Преподаватель разводит руками:

— Удача, что и говорить, риск. Королев был сильным руководителем. Без него такое уже не повторить. Главное в космосе — надежность, и тут нам до мировых стандартов как до Луны.

И я вспоминаю, что рассказывал наш староста, в числе активистов он был в Звездном городке на экскурсии.

— Представляешь, когда корабль с Германом Титовым вышел на заданную орбиту, один пиропатрон сработал несинхронно, из-за этого третья ступень отделилась от обитаемого отсека не полностью, и они стали биться друг от друга. И вот сидит он в обитаемом отсеке и думает: какая из коробочек окажется крепче?

На такие истории отец говорит:

— Чтобы вся система работала, нужны конкуренция и небольшая безработица, а вместо Госплана — рыночные механизмы. У буржуев свобода на улицах, а на производстве жесткий порядок, а у нас наоборот. Но тебе не переделывать мир. Все, что ты можешь — встроиться в существующий, не нарушая, насколько возможно, нравственности, и постараться самореализоваться.

— И все же можно получить удовлетворение от результата своей работы и в нашей системе, — говорит он. — Ты пока не представляешь, какую эйфорию ощущает человек, который увидел, как придуманное в голове и нарисованное на ватмане вдруг поднимается в воздух, начинает ехать или хотя бы ползти.

Я пока не понимаю, как можно встроиться в мою будущую профессию, а уж об эйфории и речи нет. Лунная программа, конечно, интересна — с общечеловеческой точки зрения, но копать в пиропатронах и гайках мне совершенно не хочется.

Басовая чехарда

А в ансамбле беда с басистом, Женя вместо занятий все чаще оказывается в пивбаре «Дубок» и окончательно съезжает с катушек. Его отчисляют, зато к нам приходит Слава из соседней группы.

У Славы круглое лицо, мягкие повадки, теплые интонации, он весь такой уютный, что моментально вписывается в коллектив, и нам начинает казаться, что он всегда играл на бас-гитаре в нашем составе. Слава о себе ничего не рассказывает, но становится своим для каждого из нас. Он хозяйственный, как Стец, постоянно перешучивается с Вовой и, как Саша, собирается поехать по грибы к родне в Калининскую область и даже меня зовет. Мне-то кажется, что у меня с ним особые отношения, но, по сути, у него такие со всеми. И еще Слава тоже пишет песни: и тексты, и музыку, нам остается их только аранжировать. Первой мы делаем «Песенку про дятла».

Сначала мы на три голоса мажорным аккордом поем, будто выстраиваем радугу. А дальше как бы из глубины леса, как бы на ушко, по секрету, Славин баритон:

Звонкий дятлов перестук,
Снова бродит он со мной...

Мне больше всего нравится вклиниваться в проигрыш к каждому из солистов и вставлять на органолое к месту и не к месту свои неожиданные «ку-ку».

Песни пишут и Саша, и Стец, мы их коллективно аранжируем и включаем в репертуар. Теперь на концертах мы играем не в чем попало, а в белых рубашках и в лучших темных брюках.

Большой дом и цвета художественной самодеятельности

Главное место для танцев — второй по величине Розовый зал, там традиционно проходят знаменитые институтские сейшены, и туда ломится весь город. Играть в Розовом зале нам пока не по рангу, другое дело розовым «Фламинго». Шутка. Два года назад мы впервые услышали там группу «Фламинго» с Аликом Асадуллиним, и меня поразил его высокий и чистый тенор, сильный при его субтильном телосложении, и попсовый прикид, напоминающий наряд экзотической птицы: вельветовые джинсы и замшевые фирменные шузы фиолетового цвета. И то и другое было круто, особенно потому, что о джинсах я даже не мечтаю, фарцовщики таких размеров не возят.

Сейчас в институте лидируют «Аргонавты», они играют на танцах в Розовом зале либо дают концерты в актовом. Не занята только площадка в дальнем фойе актового зала, возле туалетов, после концертов там проходят танцы, и эта площадка достается нам.

Внутри вуза можно играть все, никто не вмешивается, только студенческий оперотряд следит за порядком на танцах да институтская охрана караулит вход и стережет периметр. Их главные враги — тусовщики и хипари с Невского. Этих стараются отсечь на проходной, но они все равно просачиваются, тогда их отлавливает оперотряд и выпроваживает на улицу. По всей видимости, в институте не так боятся музыки, как пришлых, которых нельзя контролировать и пугать отчислением.

И вдруг на концерте «Фламинго» и «Галактики» в студенческом клубе Политехнического института накануне нового 1970 года — скандал. По городу проходит слух, что концерт разогнали, формулировки из комсомольских источников такие: творились безобразия, люди танцевали в проходах и висели на люстрах, а девушки снимали лифчики и махали ими в воздухе. Наутро после концерта музыканты обнаруживают свою аппаратуру в Большом доме серого цвета.

Народ ухмыляется и подытоживает:

- а) танцы в проходах угрожают моральному облику советского человека;
- б) советские девушки — не люди, потому что не висят на люстрах и носят лифчики;
- в) размахивание лифчиками угрожает советскому строю.

Ох, не советская это музыка и не советское это поведение.

В институте начинается паника, «Фламинго» и «Галактика» — наши студенты! Начальство переживает за свою судьбу, музыканты переживают за ребят и за судьбу ансамблей. И не без оснований.

Похоже, что запреты готовились давно, и это только повод, чтобы устроить показательную порку. В конце концов ответственность сваливают на «умников», проводивших мероприятие, — физико-механический факультет Политеха — и снимают их декана. Наше начальство не трогает, а выступления группы «Фламинго» запрещают.

ЛДХС, Ленинградский дом художественной самодеятельности тоже реагирует и выпускает приказ:

а) выступления вокально-инструментальных ансамблей в гитарном составе **ЗАПРЕТИТЬ**;

- б) в обязательном порядке иметь в составе духовые инструменты и фортепиано;
- в) всем группам пройти регистрацию;
- г) прежние названия отменить и согласовать новые.

И главное:

д) вокально-инструментальные ансамбли должны обязательно регистрировать программы выступлений и литовать тексты песен.

Таким образом, без штампа цензуры «Разрешено к исполнению» на сцену ансамбли выпускать больше не велено. Не выполнить этот приказ нельзя, но и выполнить невозможно.

Мы это ощущаем как нож в спину: только-только встали на ноги, начали получать приглашения отовсюду — и вот те на! Долго сомневаемся, стоит ли легализоваться: зарегистрируешься, и за тобой начнут следить, контролировать, что-то запрещать. Но делать нечего, пытаемся зарегистрировать тексты песен и программу выступлений, чтобы не отрезать себе возможность выступать в городе.

Документы для регистрации готовлю я, и дело это, если подумать, оказывается несложным, мы давно уже готовы не только читать между строк, но и писать иносканданиями. Я достаю печатную машинку и отстукиваю список из тридцати двух наименований — нашу творчески переосмысленную программу.

На дело отправляемся втроем с Сашей и Стецом. ЛДХС располагается на улице Рубинштейна.

С собой у нас отпечатанные в трех экземплярах тексты десятка наших песен на русском, каждая — на отдельном листе, и программа выступлений с названиями групп большими русскими буквами, все это мы несем в солидной папке для бумаг, находим нужный кабинет и попадаем на прием к ожидаемо строгой чиновнице. Она велит нам сесть, раскрывает папку с текстами и начинает просматривать. Читает и морщится, потом озвучивает несколько строк и саркастически отзывается об их стихотворном качестве, но папку на проверку принимает и велит прийти за ответом через неделю. А вот программу начинает разбирать на месте.

К «Музыкальному моменту» и «Баркароле» не придраться, но у инспекторши более широкий кругозор, чем я ожидал.

— Клод Лелюш — это кинорежиссер, а не композитор, — восклицает она торжествующим тоном училки, поймавшей школьника на списывании.

Это хук, но я парирую удар:

— Это не Клод, а Курт Лелюш, его брат. — Пауза. На это ей нечего возразить. Раунд закончен, очко в нашу пользу. Мы и не сомневаемся, что у проверяющих нет такого английского и знания зарубежной эстрады, чтобы проверить, что тут правда, а что фантазия, лишь бы названия звучали привычно.

Идет война во Вьетнаме, и до нас доходят песни протеста американской молодежи. Есть и у нас такая песня Сашиного сочинения со словами:

Автомат прирос к твоей руке, силой не отнять,
И в ушах всегда звучит приказ: «Стрелять, стрелять, стрелять!»

Программу утверждают. В конце концов мы получаем залитованные тексты с печатью «Разрешено к исполнению», лишь на страничке с Сашиним текстом слово «твоей» зачеркнуто синими чернилами и сверху рукой цензора написано «его». Мы не спорим: ясное дело, автомат может прирасти только к руке американца, а не к руке мирного советского солдата. Зато это единственное исправление. Видимо, понравились мы ей своим видом прилежных комсомольцев и короткими стрижками под военную кафедру.

Вручая нам папку, инспекторша говорит:

— Вот есть же приличные советские молодежные группы, не то что эти развратники на Западе. Смените только вы это название, что за чушь, «Зеленые муравьи», где вы таких видели! Возьмите нормальное, вот есть же «Веселые голоса», «Голубые гитары».

Мы выходим и долго смеемся над ее попыткой перекрасить муравьев в голубой цвет.

На гастроли в лагерь

Семестр подходит к концу, и надо думать, что делать летом. Однажды Саша приходит на репетицию взбудораженный: есть предложение поехать в лагерь трудновоспитуемых подростков, и нас зовут обсудить это в комитет комсомола.

— Сомнительная идея, — кривится Вова.

— Да уж, — поддакивает Слава. — Нам эта шантрапа все раскурочит и потырит, знаю я их.

— Да нет, — я тоже не в восторге, — надо что-то серьезное, надо хорошую программу на следующий год, а там и репетировать негде.

— Клуб наверняка есть, в лагерях всегда клубы, ты чего, в пионерлагерях на танцы не ходил? — Слава перекидывается на другую сторону.

— А я никогда и не ездил в пионерлагерь, у нас садоводство.

— Ну вот, жизни и не знаешь, — подначивает Слава. — Все скрипочка да пятерочки.

— Клуб, сказали, в деревне есть, — добавляет Саша, — аппаратуру будем там держать, зато все вместе, и на репетиции обещают отпускать.

— Надо узнать, какие условия, — авторитетно ставит точку Стец. — Других вариантов пока нет. Давайте сходим, поговорим, а там видно будет.

Все вместе идем на переговоры. Секретарь комитета — большой начальник, я год назад довольно плотно терся в комсомоле, но вижу его вживую впервые, раньше слышал только имя: Сергей Алексеев. Выглядит старше предельных двадцати восьми комсомольских лет, солидный, взрослый товарищ.

— Экзамены сдадите досрочно, практику мы вам засчитаем, — говорит он, как будто мы обо всем договорились. — Значит так: в нашем Ленинском районе три вокзала, а рядом с ними — доходные дома начала века. От Витебского в сторону Обводного канала — Семенцы, бандитский район, слышали? А слышали, что Леньку Пантелеева подстрелили именно там, на Можайской? Это были казармы гвардейцев Семеновского полка, а теперь огромные коммуналки. А возле Балтийского вокзала — вообще трущобы, скоро на снос, и жильцы там соответствующие. С родителями нам ничего не сделать, а детей надо вытаскивать. Наш институт шефствует над детской комнатой милиции Ленинского района, и уже который год студенты ездят воспитателями в летний лагерь на Карельский перешеек. Эти пацаны человеческого отношения в жизни не видели, и вы можете сыграть в их судьбе важную роль.

Агитировать он умеет.

— Будете комиссарами, у каждого — свой отряд, не робейте, справитесь. Я туда уже пять лет езжу, в этом году, правда, другой начальник будет. Дело благородное, а вам еще и питание будет бесплатное. Мы такой лагерь первыми организовали, и опыт наш, между прочим, теперь по всему Союзу распространяют. Принимают только мальчишек и называют их бойцами, потому что лагерь — военно-морской патриотический. Ребята в основном неплохие, только жизнь у них тяжелая. В каждом отряде будет еще воспитатель, ваш напарник, а вы сможете уходить днем репетировать, клуб недалеко, на станции.

Даром убеждения этот Сергей Алексеев уж точно обладает.

— Вы там не стесняйтесь, если для порядка надо будет, то можно и прутиком по-воспитывать! — удивляет он нас в конце встречи.

И мы расходимся готовиться к экзаменам и думать о летних гастролях.

ТРУДНОВОСПИТУЕМОЕ ЛЕТО, 1970

Остров

Пазик въезжает через брод на территорию лагеря, минует КПП с обломанным шлагбаумом на берегу, заезжает в лес и останавливается в центре поляны. Рядом под навесом длинные, потрепанные непогодой столы и скамейки, за столами строение с печной трубой, смутно напоминающее кухню, похоже, это и есть наша столовая с бесплатным питанием. Сюда и выгружаемся: я с чемоданчиком и скрипкой, Слава с гитарой и сумкой, Вова с рюкзаком и барабанными палочками. Чуть поодаль — штаб, более солидное строение жилого вида.

Все остальное: взлохмаченные сосны, корни, камни, шум ветра, — незнакомое и диковатое. Сквозь кусты — просверки водной ряби, там на фоне озера контуры странных построек: под взъерошенными островерхими крышами на склоне приютились пять длинных домиков. Каждый на тонких сваях, к каждому ведет своя лесенка — архитектура избушки на курьих ножках, но не одной, а целых пяти. Стенки в одну досочку, сляпанные ловкими руками юных бандитов прежних призывов, уже посерели и рассохлись. Это наши палатки, нам тут жить полтора месяца.

Осматриваю домик, который достался мне: железные кровати, по восемь штук с каждой стороны, подозрительно хлипкие, с продавленными панцирными сетками, скрипучие. Ладно, думаю, детки весят меньше взрослого. Тумбочки — одна на двоих, сойдет, красть у меня нечего. Справа горой сложены матрацы, я перекалдываю один себе на первую от входа кровать, она вроде покрепче, да и место стратегическое — контролировать вход. Электричества нет, оптимистический расчет на белые ночи — с их трепетным светом сквозь щели в домик входят духи сосен, которые качаются за стенами и оживляют «приют убогого чухонца».

Оставляю чемоданчик и иду со скрипкой к столовой, где меня ждут ребята с гитарами, чтобы отнести инструменты в клуб и встретить там Стеца и Сашу, которые везут аппаратуру. Перед нами брод, закатываем штанины и между собой отмечаем, что остров от материка изолирован не очень-то надежно. Брод неглубокий, на другой стороне обуваемся и чапаем на станцию Кузнечное. Идти не так близко, как говорили, четыре с половиной километра, но приходим вовремя: ребята как раз подъезжают к клубу.

Помогаем им выбраться и перенести все имущество в клуб, в комнату за сценой, которую ребята, когда ездили накануне договариваться с директором, выторговали на очень выгодных условиях: мы ежедневно репетируем, а на выходных играем на танцах и концертах — бесплатно, а нам предоставляют комнату для хранения аппаратуры и зал с бесплатным электричеством. И они не внакладе: обычно здесь танцы под магнитофон.

Инструктаж комиссаров

В лагерь мы возвращаемся уже к вечеру, детей привезут только завтра, а нас собирают в штабном домике на инструктаж. Вместо Сергея Алексева начальником аспирант нашего института, мы его видели на собрании в комитете комсомола, там

он молчал и ничем себя не выдал. Есть еще два милиционера: начальник районной детской комнаты милиции в форме с погонами капитана и другой, одетый по гражданке. Установки дает капитан:

— Запомните, мы с вами вывозим малолетних хулиганов из города, чтобы снизить число правонарушений, которое летом от безделья обычно растет. И побегии необходимо пресекать.

— Хорошо бы в зародыше, — шепчет мне Слава.

— Все они из неблагополучных семей, все состоят на учете. Родители пьют, домой собутыльников водят, а то еще мать с каким-нибудь мужиком на одной кровати спит, а наш пацан со своей девочкой на другой. Воспитать вы их не успеете, не надейтесь, но хотя бы эти два месяца они поедят нормально и не поубивают друг друга.

— Ну, ну, не все так плохо, — успокаивает начальник, — несколько сотен детей прошло через лагерь, за пять лет многим, я думаю, здесь помогли. Когда Алексеев открыл лагерь в шестьдесят пятом, он придумал военно-морскую тему, потому что нашлись щедрые шефы из Балтфлота, а потом озеро, дисциплина, военно-морская кафедра в институте — одно помогает другому. Так что теперь я ваш адмирал. Сергея взяли в обком, он будет продвигать эту идею в масштабах города, а то и страны, а здесь командовать буду я.

— О, мужики, после института мы только лейтенантами будем, а тут нас сразу в капразы!

— Капитаны у нас милицейские, а вы комиссары и должны отвечать за воспитательную работу с бойцами. Я тут тоже впервые, рассчитываю на вашу поддержку. Телесные наказания мы, конечно, применять не будем, но от карцера не откажемся. Беглецов обычно удается поймать, и за побег положено наказание. Карцер вон в той будке за командирским домиком, подальше от палаток. Все вместе мы называемся «Подростковый военно-морской патриотический лагерь Ленинского района Ленинграда» или сокращенно ПВМПЛ-70. Ну, будем надеяться, что все обойдется. И еще, к вашему сведению, здесь, на острове, дальше по берегу в лес, наш студенческий стройотряд. Студенты работают в местном совхозе, но главное, скажу так: они здесь для нашего усиления, на всякий случай, так что не волнуйтесь, у Сергея Алексеева все продумано.

До того у меня и в мыслях не было волноваться. Я и не думал о том, что отбиваться придется, думал только, что мы нашли удачный вариант провести лето вместе. А тут вдруг понял, что и им с нами здорово повезло: на такую работенку не всякий согласится, а мы не разбежимся и одним ансамблем пять отрядов закроем.

— Подъем в восемь, зарядка, умывание; общее построение с подъемом флага в девять, потом завтрак.

Расходимся на ночевку. Домик встречает меня тучей комаров. Так спать невозможно, вспоминаю, как родители в садоводстве выкуривали насекомых дымом, бегу в столовую, нахожу ведро, в штабе набираю газет. Рву траву и укладываю на бумагу в ведро, в домике поджигая, открываю дверь, оставляю ведро и выхожу на волю. Дым прет изо всех щелей вместе с комарами. Закрываю дверь и понимаю, что отсутствие света — это плюс. Только помещение надо держать закрытым, через щели, надеюсь, комары не ползут, заноз испугаются. Делюсь опытом и ведром с ребятами.

Варяги

Утром приходят автобусы с нашими подопечными. Мне достаются пацаны на вид лет по двенадцати, они тушуются на новом месте и ведут себя смирно. Выделяются не-

сколько: длинный Ершов — своей активностью, а деловой крепенький Шереметьев — наоборот, сдержанностью. Еще один, по кличке Блокадник, — тощий, как скелет; три приятеля с гитарами держатся вместе, остальные пока на одно лицо. Мне удается привести всю шоблу в кладовую, каждый получает одеяло, подушку, постельное белье и полотенце. По кроватям они разбираются сами.

Подходит время обеда. С криками и толкотней пацаны рассаживаются по скамейкам, я сажусь во главе стола. Ершов и еще два добровольных помощника отправляются получать алюминиевые миски, кружки и ложки и раздают их народу. Приносят хлеб, кладут на середину стола, все вскакивают и, как свора собак, набрасываются на хлеб. Куча-мала, хватают куски, отталкивая друг друга. С добычей рассаживаются по местам.

— Ребята, — говорю я, — хлеба всем хватит, не забудьте, сейчас будет суп, а потом и второе. А хлеба я попрошу принести еще.

Новую партию хлеба расхватывают уже не так энергично, свалка гораздо меньше.

Приносят бак с супом, ставят возле меня, велю Ершову разливать. Он берет черпак, наполняет миску чуть ли не через край и ставит передо мной.

— Дели на три, — команду, — и отправляй на дальний конец, в стройотрядах так принято.

Теперь он наливает нормальные порции, свою я получаю последним. На второе — макароны по-флотски, дневальный раздает их по моей схеме, к компоту все наелись, и толчеи больше нет.

После обеда отправляемся проследить, как детишки будут обустраиваться на тихий час. Смешно, конечно, какой тихий час для таких лбов, но лесной воздух и осоловелость после обеда берут свое, и они затихают. К вечеру я начинаю их различать и даже запоминаю кого по имени, а кого по фамилии. Трое с гитарами — это уже готовый ансамбль, и вокруг них сразу собираются любители дворовых песен. Мы в их возрасте тоже такое пели, но нам это казалось своеобразной романтикой, а тут выходит голый соцреализм:

Лагерь познакомил, детка, нас с тобой,
Прокурор принес печаль-разлуку,
Суд на наше счастье и покой, вай-вала,
Поднял окровавленную руку.

Ладно, посмотрим, кто в чьих руках.

Следующее утро начинается со всеобщего построения на стадионе с подъемом флага. У каждого отряда, по идее, должна быть своя песня. Я выбираю знаменитый «Варяг», его так часто поют по радио, что первый куплет знают все, даже маленькие дети:

Наверх, вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступа-а-ет.

Вот чем я перебею их воровские песни!

Слова бойцам нравятся, и мы начинаем их учить. Песня намного длиннее, чем поют по радио. Текст нам выдал начальник лагеря, но при этом пробормотал: вот нашел какой-то старинный вариант, ты там обработай. А я заранее не посмотрел и стал петь им с листа:

Из пристани верной мы в битву идем,
 Навстречу грозящей нам сме-рти.
 За Родину в море открытом умрем,
 Где ждут желтоли-и-цые черти!

Весь текст на удивление запоминался нелегко, некоторым вообще не давался, учили много дней, и только желтолицые черти были встречены громким одобрением, и их сразу взяли в обиход, хотя если что и стоило пропустить, то именно этот куплет. «Черт желтолицый» сразу стал у нас фирменным отрядным ругательством, причем самым безобидным из всего, что было в ходу.

Дальше там про битву. Наученный желтолицыми чертями, я сразу пропустил следующий куплет, где в предсмертных мученьях трепещут тела, живо представив, как мои бойцы будут это изображать. Оказалось, что я обладаю хорошими задатками массовика-затейника и хормейстера. Слова были только у меня на бумажке, и я громко и с воодушевлением запевал. Пропою строчку, выкрикну скороговоркой следующую и пою ее вместе со всеми. Первым подхватывал Шереметьев, голос у него еще не сложился, и его красивый и сильный дискант звеняще шел вверх и проникновенно падал, как на волнах:

Не скажет ни камень, ни крест, где легли
 Во славу мы русского флага.
 Лишь волны морские прославят одни
 Геройскую гибель «Варяга»!

Репетировали мы много дней, и это было моим спасением, потому что делать мне с ними, по сути, было нечего. Я это быстро понял и стал воображать, как из отряда соорудить хор Александрова к родительскому дню. Шереметьев будет солировать, а я изображать голосом басовый аккомпанемент, но он засмутился, а я не стал настаивать, да и родительский день у нас не предполагал никакого концерта. Но я довольно долго возился с этой мыслью, пытаюсь учить пацанов петь, и, по крайней мере, «Варяг» у них стал получаться.

Стратегии воспитания

Наш режим был таким: с пацанами мы проводим время до обеда, в час дня уходим на репетицию, час туда, час обратно, два часа в клубе, возвращаемся к пяти, пропускаем только обед и тихий час. Подменять нас должны были напарники-воспитатели. Затевать до обеда что-то серьезное с ребятами у нас не получалось. И особых трудовых повинностей, как это было заведено в первые годы существования лагеря, больше не было, только небольшие работы по уборке территории и дежурству на кухне. В хорошие дни они купались под нашим присмотром, играли в пинг-понг и футбол, а в основном болтались сами по себе.

С утра мы всем отрядом, воодушевленные завтраком, маршировали по стадиону и пели, и мне это казалось удачной педагогической хитростью. Я подозревал, правда, что бойцы за моей спиной сговариваются на свои подвиги, но закрывал на это глаза. Были, конечно, у них какие-то стычки, шалости, но до серьезных разборок не доходило, и я не вмешивался. Чувствовал, что влезешь, и придется решать, кто прав, кто виноват, а с этим никогда не угадаешь, и доверие легко потерять.

Я пытался понять, как вести себя с мальчишками, и нашел подходящими, кроме хорового пения, только два воспитательных приема: говорить с ними на равных и не называть их по прозвищам. А нехитрые прозвища, вернее, клички были почти у каждого: Сметана (блондин), Цыган (черноволосый и смуглый), Шнобель (длинноносый), Скелет (такой же тощий, как Блокадник, но повыше ростом), Боец (Бойцов).

Воспитатель Боря появился через два дня. Во время завтрака я уступил ему место во главе стола, Ершов ему первому передал миску с тройной порцией каши, он ее принял и начал есть. Я сел сбоку, с ребятами и, как уже было заведено, взял свою миску последним. В тот же день мы отправились на репетицию. Вернулись к полднику, и что было в обед, я не видел. Когда Боря пришел на ужин и сел за стол, нагловатый гаврик по кличке Леший с деланым изумлением спросил: «Боря, а ты что, тоже хочешь есть? Ты же ничего не делал!» Боря не отреагировал и продолжал вести себя как ни в чем не бывало. Ребята явно над ним издевались, а на мне это сказало неожиданном образом. На следующий день, когда мы вернулись с репетиции, я обнаружил, что они оставили мне обеденную пайку: суп, кусок недоваренной курицы с макаронами и компот!

Боря продержался у нас недолго, через несколько дней он лагерь покинул. Как выяснилось, он вообще тут оказался по ошибке: работал себе кладовщиком на Карбюраторном заводе, его мобилизовали на работы в подшефный совхоз, а в профкоме что-то напутали, и неожиданно он обнаружил себя воспитателем.

Но напарник мне, как и каждому из ансамбля, был необходим: кто-то же должен оставаться в отряде днем, и начальник выделил мне свою жену, она скучала без дела, и вот наконец дело нашлось. Алина быстро установила контакт с пацанами: водила их в лес за земляничкой, на озеро купаться. Мы с ней спелись и передавали отряд друг другу из рук в руки. С воспитанниками она вела себя, как женщина обычно ведет себя со своими детьми, а как раз этого им в жизни и не хватало.

Не всем так повезло, как мне с Алиной. Воспитателями оказались еще более случайные люди, чем мы, а дети были отнюдь не паиньки, и мы с «муравьями» делились случаями из жизни своих отрядов.

У Саши были малыши, и там, естественно, сложилась самая спокойная обстановка. Малыши-то малыши, но из неблагополучных семей, и у каждого своя история. Когда по стадиону проходил Сашин отряд, я обратил внимание, что один боец не умеет даже маршировать. Все дело в отмашке: нога должна идти вперед с противоположной рукой, а у него правая с правой, левая с левой, и с каждым шагом его разворачивает.

— Зато курить он уже умеет, — прокомментировал милицейский капитан, когда я спросил его, что это за чудо. — Епишкин, ему всего шесть лет. Что-что, а маршировать ему в жизни придется.

Остальные были постарше, но все равно младшего школьного возраста. Вообще-то, они играли и баловались, как и положено таким детям, а воспитательным приемом у Саши, особенно в плохую погоду, было рассказывать им сказки, которые он и сам любил. Вот вечером, после команды «отбой», лежат все по кроватям и начинают просить:

— Саша, расскажи сказку! — И Саша заводит:

— Шерлок Холмс сел в свое глубокое кресло и закурил свою любимую трубку.

Утром они обступают его и спрашивают:

— Саша, а что там было дальше?

— А ты на каком месте заснул?

— Шерлок Холмс сел в свое глубокое кресло и закурил свою любимую трубку.

У басиста Славы воспитанники были примерно такие же, как у меня, от одиннадцати до четырнадцати. Удивительно, что при всей своей ласковости в обращении и балагурстве он навел у себя в отряде самую строгую дисциплину. В первые же дни вечером, обнаружив, что подопечные шумят после отбоя, он скомандовал:

— Кто тут не спит? Разговорчики разговаривает? Всем встать! Бегом — десять кругов по стадиону.

— И после десяти кругов ложатся и засыпают как миленькие, — довольно улыбаясь, хвастался Слава.

В злостных случаях нарушения дисциплины он заставлял провинившегося по полчаса стоять с поднятыми вверх руками, зажимая уши. Работать, как каторжных, ребят не заставляли, кормили хорошо, они играли, ходили в лес, купались, как остальные дети, но дисциплинированно, строем, и никаких особых эксцессов у него в отряде не было. Вроде бы и нестрашные наказания, но они оказались очень действенными, и бойцы Славу боялись как огня.

Когда расформировывали отряд Стеца и к Славе переводили пятнадцатилетнего Шевченко по кличке Шеф, которого привезли в лагерь на милицейском «воронке», тот плакал. Шевченко с двумя подельниками того же возраста в подворотне на улице Шкапина, где на задворках Балтийского вокзала дома пропитаны копотью и безнадегой, раздел и ограбил мужика. Бандит? Бандит, но ребенок. Он плакал потому, что Слава очень строгий и все его боятся.

Ритм-гитаристу Стецу, у которого контингент был тоже от одиннадцати до пятнадцати, не повезло больше всех. С самого начала обстановка у него была нехорошая: если в подростковом коллективе есть злостный заводила, вокруг него очень быстро складывается бандитская атмосфера. А у него как раз такие и оказались, в отряде пили, курили, открыто матерились.

Как-то комиссар вошел в палатку, а мимо просвистел нож и воткнулся в дверь. Стец — человек дела и не очень-то разговорчивый, а справиться с такими головорезами может только хороший психолог. Следующим утром Стец пригласил Сашу на пляж и в присутствии своих бойцов как бы невзначай продемонстрировал на нем технику самообороны без оружия — бросок через бедро. Авторитет на некоторое время вырос. Но атмосфера была та еще: ножи имелись у многих, хотя один пацанчик оказался обычным пионером из нормальной семьи, чьи родители повелись на название «военно-морской патриотический лагерь». Естественно, бойцы с опытом тут же присвоили ему кликуху Пионер. Думаю, он многому научился от товарищей по отряду в этом патриотическом заведении, а по возвращении щедро поделился этим опытом со своим пионерским отрядом.

И не только он, я тоже обогатился новыми знаниями о жизни и пополнил словарный запас. <...>

Вова достался старший отряд. Его тактикой было дружить с пацанами, завоевать авторитет, выдавая себя за своего. Он из семьи военного и за свою школьную жизнь сменил семь школ, последний год учился в Тамбове, где отец командовал авиационной частью. Из этого города Вова привез в Ленинград хороший аттестат и жизненный опыт в виде сломанного носа, а также решимость учиться в хорошем вузе.

Вова был самым высоким из нас, но ему еще не исполнилось двадцати, а старшему воспитаннику уже стукнуло восемнадцать. Восемнадцатилетний сбежал в первый же день, милиционеры пытались его перехватить на станции, но не сумели. Обнаружилось, что перед побегом он украл импортные плавки у студента из стройотряда, а через два дня пришло сообщение, что беглец обнаружился в городе, где продал укра-

денное, деньги пропил, в пьяном виде загремел на пятнадцать суток и в лагерь больше не вернется. Следующему по старшинству бойцу было всего семнадцать, и Вова почувствовал себя увереннее.

Назавтра, чтобы завоевать авторитет, Вова начал рассказывать на ночь своим бойцам про космонавтику и Циолковского. Было тихо, все слушали, но утром обнаружилось, что пока все спали, с его студенческой формы срезали все блестящие пуговицы. Ударник провел дознание, и когда их нашли в матрасе, то двенадцатилетний злоумышленник объяснил, что комиссар сам виноват: ведь невозможно не украсть, когда добро без присмотра висит.

Взаимоотношения с воспитанниками вроде стали налаживаться, но дней через десять (мы только вернулись с репетиции) обнаружилось, что трое пацанов ударились в бег.

Их быстро хватились, и Вова с обоими милиционерами бросился в погоню. Вернулись они вместе с беглецами только утром, пацанов поместили в карцер, и Вова потом нам рассказывал.

— Мы настигли их в поезде в сторону города и высадили на небольшой станции, не доезжая Приозерска. Чтобы вернуться в Кузнечное, надо было ночь ждать обратного поезда. Я снял с них ботинки, босиком, думаю, никуда не денутся, и начал переговоры с бугром.

— С кем, с кем?

— С главарем. Разговоры вел только с ним, остальные ничего не решают. Сторговались на том, что побег мы не оформляем, а они возвращаются в лагерь и больше не убегут. Пацаны вроде успокоились, закемарили на полу в вокзальном павильончике. Я пересказываю наш уговор милиционерам, один согласен, другой — нет. Капитану не нужны неприятности, и он готов замять дело, а оперативник, который по гражданке одет, никаких наград не ждет, говорит, что как приехал сюда с двенадцатью рублями, так и уедет, и пускай все будет, как положено.

По большому счету он прав, конечно. Я же ботинки с них снял, а наутро-то что оказывается? Они опять в обуви — украли у кого-то, их ботинки-то у меня! Но я уже не стал допытываться, чтобы не убили.

— Ну, так и отправил бы их в город.

— Понимаете, какая-то внутренняя связь появилась с этой братвой: чувствую, что могу ими управлять, а с другой стороны, я и дистанцию могу с ними выдержать. И стал я отмазывать своего бугра.

— И что, отмазал?

— Пока нет, у него, оказывается, уже есть условный срок.

— Ну тем более нужен тебе такой.

— Да я понимаю, без него остальные будут себя вести тихо. Интересно мне, как это пацаны учатся взрослой жизни. Я вот замечал, что много где, ну в казармах например, обязательно установится такая иерархия. Главный авторитет, бугор, талантливый руководитель, можно сказать, держит мазу. Те, кто делает основную работу и выполняет команды бугра, — это мужики, а терпилы или шестерки — это те, кто прислуживает бугру. Каждый отлично знает свою роль, и она их, как правило, устраивает. Перераспределение возможно, но только сверху, и все это я вижу у моих хулиганов. Вот уверен, что и в карцере этот прыщ ничего не делает, а только командует: посуду отнеси, грязь убери, — а остальные двое ему прислуживают.

— А ты надеешься стать его дрессировщиком или останешься простым зрителем, любителем острых ощущений? — поинтересовался я.

— Ха, простым уже не получится. Понимаете, я понял, что от моего слова зависит, сколько человеку сидеть. Он у меня даже симпатию вызывает, у парня есть какая-то власть над людьми, а власть, знаете ли, это большая притягательная сила.

Вовиноного бугра все же увезли, и его судьба осталась неизвестной.

Шеремет

Белые ночи пошли на спад, вечером становилось темнее, и вот в день, когда мой отряд дежурил по лагерю, очередной пацан сбежал, но его поймали. Наказание за такой проступок — карцер, и на меня выпала обязанность назначить кого-то из бойцов в охрану на ночную вахту с двадцати трех до полчетвертого утра.

Требовалось найти надежного хулигана, которому можно поручить провести прохладную июльскую ночь, бодрствуя на природе, да еще с таким сомнительным поручением. Я решил обратиться к Шереметьеву. Хотя со мной он держался независимо и отчужденно, я его внутренне выделял для себя, и не только из-за голоса. Ребята его уважали, как мне казалось, за то, что у него есть чувство справедливости, вел он себя очень сдержанно, никого не обижал и сам в обиду не давался. Не знаю я, что он состоит на учете в детской комнате милиции за грабеж магазина в составе группы, никогда бы не подумал, что с ним не все в порядке. Вообще-то, все бойцы казались мне хорошими, если с ними по-человечески обращаться, а как раз этого в своей жизни они не видели.

Позвал Шеремета в штаб, сказал, что годом раньше беглеца выпороли бы прутком, а сейчас он всего лишь посидит ночь в карцере, и попросил подежурить. Что делать, если он откажется, я не знал, запасного варианта у меня не было, но он согласился, сказал только, что сходит одеться потеплее. Я остался его ждать.

Жду, а он не идет. Не выдержал, пошел искать. И вот прохожу между отрядными домиками, сквозь щели слышимость отличная, внутри нашего домика один голос говорит:

— Ты что так одеваешься, правда, что ли, дежурить собрался? Да наплюй, зачем тебе это надо?

Другой, я узнал Шеремета, говорит:

— Не, я не могу, неудобно, я Леше обещал.

Соображаю, что его собеседник — это длинный Ершов, тот самый, который всегда бегал за мной хвостиком, демонстрируя полную готовность услужить. Вот он кто, Ершов, — шестерка, как говорит Вова, разве можно таким доверять! Я вернулся в штаб и набрался терпения. Вскоре Шеремет пришел, как обещал, и отстоял-таки вахту.

Когда лагерь закрылся, я нашел среди забытых вещей свидетельство о рождении Шереметьева. Долго пытался найти его самого, чтобы вернуть этот важнейший документ, звонил в телефонную справочную, однажды даже зашел в детскую комнату милиции. Наш капитан все еще там работал, и я спросил, что он знает о моих ребятах.

— Не хочу тебя расстраивать, но ничего хорошего их в жизни не ждет. Те полтора месяца были для них отдушиной, но возвращаются они в свою среду, откуда и вышли, так что сомневаюсь, что им что-нибудь светит, кроме отсидки. Вырваться смогут только очень немногие.

О Шереметьеве он тоже ничего не знал. Я даже расстроился и долго потом вспоминал его звенящий дискант:

Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага.

Лишь волны морские прославят одни
Геройскую гибель «Варяга»!

Холерическое, 1970

Лагерь закрывался, наше трудновоспитуемое лето заканчивалось. Саша и Слава отравились на август собирать грибы каждый в свою деревню в Калининской области, Стец скрылся, как обычно, в неизвестном направлении. Поехать в деревню, где много грибов, было и моей мечтой, и я выбирал, кому составить компанию — Саше или Славе, оба звали. Но тут Вова стал уговаривать меня рвануть на месяц в Казахстан, где работали его друзья по общежитию, строить железную дорогу Гурьев — Астрахань.

— Поехали, заработаем, арбузов поедим!

Ну, и как тут откажешься?

Летайте самолетами Аэрофлота

— До перерыва успеть бы.

— На Симферополь не знаете, на какое число билеты есть?

— Бери на любое, а потом лезь на посадку.

— Вова, спроси, что значит «на посадку».

— А что такое на посадку?

— Если есть свободные места, можно улететь, но нужен билет на любое число.

— Слышь, если билетов не будет, берем на любое.

— В Астрахань-то будут, не в Сочи же!

— Не говори гоп...

Конец июля, жара невыносимая. Невский, кассы Аэрофлота, народу битком, у окошечек столпотворение. С трудом определяемся, где какая очередь, и становимся в разные, где быстрее подойдет; стоять часа два, не меньше. Толпу лихорадит — билеты достаются не всем, а меня еще будоражит детское воспоминание, как мы с родителями летали в Москву на Ту-104Б и зачем в кармане кресла лежали бумажные пакеты.

Вовина очередь подходит первой, он сгибается пополам и ласковым голосом говорит в окошечко:

— Девушка, здравствуйте, нам до Астрахани два билета на ближайший рейс.

— В Астрахань билетов нет до конца августа, — голос у тетки суровый.

— Девушка, найдите, пожалуйста, что-нибудь, нам в стройотряд надо, нас там ждут!

— Где я вам найду, Астрахань на карантин закрыта. Ее вообще нет.

Сзади уже недовольные голоса:

— Ну что вы там застряли, берите и не торгуйтесь.

Я прикрываю Вову корпусом, а он умильным голосом просит тетку:

— А что же нам делать? — и мне: — Куда полетим-то, что там рядом?

Я мучительно представляю карту и беспомощно пожимаю плечами.

Вова снова наклоняется к окошечку:

— А вы что посоветуете? Нам, вообще-то, в Гурьев надо.

— Тогда Волгоград.

— Два билета, пожалуйста.

— Свободные места только на тринадцатое августа.

— А правда, что можно через посадку улететь пораньше?

— Не знаю, не пробовала.

Вова мне:

— Берем? — Я протягиваю деньги.

Вова получает два билета на 13 августа, и мы идем смотреть расписание: Волгоград, время вылета 7.40, время прилета 10.45, дни отправления 2, 4, 5 и 7, тип самолета — Ил-18.

Сегодня вторник, 28 июля, ближайший рейс в четверг. Вова едет улаживать свои дела с общежитием, ему надо постираться и вообще, а я еду домой объясняться с родителями.

Отец тусклым голосом замечает, что карантин, вероятно, из-за дизентерии.

— Говорят же им: мойте руки перед едой, так нет, — у отца ассоциации с войной, он переболел брюшным тифом, когда ездил на фронт собирать танки для заводского ремонта.

Мысли у родителей какие-то мрачные, но, так или иначе, вслух они не пытаются возражать.

В четверг в шесть с копейками утра мы с Вовой уже в аэропорту. Разведываем, на какой стойке рейс на Волгоград, и занимаем там стратегическую позицию. Начинается регистрация, за стойками появляются девушки в форме, и мы пытаемся войти с ними в контакт, задаем дурацкие вопросы, получаем отлуп, мол, посадят, если места будут. Толпимся возле самолета, свободных мест в конце концов нет, но мы не унываем: следующий рейс завтра.

Наутро мы снова в аэропорту, и снова нам не везет, сажают всех, кроме нас. Самолет запускает винты, а мы бредем по летному полю и отворачиваемся друг от друга, чтобы скрыть наворачившиеся слезы. Обидно.

Первого нам наконец везет, и через три часа беспокойного сна мы приземляемся в Волгограде. Сразу бросаемся к кассам покупать билеты на Гурьев. И только здесь становится ясно, что Астрахань закрыта на карантин не просто так. Холера! А дома-то ничего не знают или уже знают?

— Не лететь же обратно, — хорохорится Вова, — тридцать два рубля все-таки потрачено!

И я соглашаюсь, я тоже не люблю поворачивать на полпути.

Думать, что улететь из Волгограда в Гурьев будет легче, чем из Ленинграда в Волгоград, теперь нам кажется легкомыслием. Сегодняшний рейс улетел, следующий — только завтра ранним утром, билетов, конечно, нет, а из брони поступают в продажу за два часа до вылета. В единственной кассе, которая стоит в центре зала, в стеклянном аквариуме с полукруглым окошечком сидит симпатичная девушка. Мы понимаем, что она наш единственный шанс. Складываем вещи возле кассы и начинаем дружить.

Оставшийся день до вечера и всю ночь мы ее развлекаем. Поем то вместе, то порознь, то чуть ли не пляшем возле кассы, чтобы размягчить ее девичье сердце. В отличие от нас она выпалась перед сменой, настроение у нее хорошее, билеты покупают редко, и к нам она благосклонна.

Под утро выясняется, что дежурство заканчивается раньше, чем билеты начнут продаваться, но она обещает замолвить словечко перед сменщицей и выполняет свое обещание: мы первыми получаем билеты и ползем регистрироваться на рейс.

Один миг, и мы просыпаемся уже в Гурьеве. Здесь, в казахстанском областном центре, базируется районный комсомольский штаб питерских стройотрядов, которые строят железную дорогу Гурьев—Астрахань. Отряд с очень ленинградским названием «Зенит», куда мы нацеливаемся, стоит на полустанке Ганушкино. Вообще-то, до Ганушкина далековато, километров двести с гаком. Рассчитываем, что комсомольцы помогут нам добраться до места, но прежде надо найти штаб.

Столица Гурьевской области поражает нас своими глинобитными домиками. Солнце слепит и жжет, мы идем по вымершей пустой и пыльной улице, и нам не по себе. После бессонной ночи и краткого забытья в самолете все вокруг колеблется в мареве горячего воздуха и кажется миражом. Вдруг собака, которая недвижно лежит в тени современной двухэтажной высотки из стекла и бетона, шевелит хвостом, и это доказывает, что окружающий мир реален. Похоже, нам сюда, таблички при входе подтверждают: «Исполком», «Райком партии», «Райком комсомола», «Облсовпроф».

В пустынном вестибюле гораздо прохладнее, чем на улице, на вахте тоже никого. Райком комсомола удастся отыскать на втором этаже, штаб стройотрядов мы находим по громким голосам, звонкому женскому смеху и звону посуды. В большой комнате нас встречают вдрабадан косой командир и не менее веселые девицы, пахнет пьянкой и недавним развратом. Они дружно пялят на нас глаза, немая сцена, на мгновение наступает тишина, а потом хором голоса:

— Вы с ума сошли, все валят отсюда, а вы сюда приперлись!

Мы бодримся.

— Жарко, мы ночь не спали, нам бы до «Зенита» добраться, пока светло!

В рабочий поезд до Ганушкина тем не менее они нас пристраивают. Уже там, через день после прибытия, мы узнаем, что Гурьев закрыли на карантин, и от этого становится спокойнее: пути назад точно нет, но мы, так сложилось, в чистой зоне, отрезанной от внешнего мира. До своей холеры мы долетели.

Шпалоподбойка

Отряд живет в больших палатках на двадцать человек каждая, кровати для нас готовы, оказывается, нас и правда ждут. Моя ближе ко входу, Вовина — где-то в глубине, рядом с его друзьями по общаге.

Утром выходим на работу по ремонту железнодорожного пути, проложенного два года назад. Насыпь устроена слоями, верхний слой из щебня, на жаргоне путейцев — балласта. За время эксплуатации пути просели. Первый этап — подъемка; по технологии требуется, когда насыпь улеглась, немного приподнять рельсы со шпалами и насыпать балласта, а потом подбить балласт под шпалы в местах крепления рельсов. Дело в том, что шпалы должны опираться именно на эти две точки, а между рельсами и на обоих концах шпалы должны слегка провисать, иначе они сломаются. И вот проходит специальный поезд, хоппер-дозатор, и сыплет балласт. Потом идет поезд, который приподнимает рельсы вместе со шпалами на пять-шесть сантиметров. А потом идем мы с восьмикилограммовыми пневматическими вибраторами с плоским языком на конце и вручную уплотняем — подбиваем балласт под каждую рельсу со всех четырех сторон стыка рельсы со шпалой.

Если живописать нас Репиным, то выглядит так: восемь парней с отбойными молотками сгрудились над шпалой, как бурлаки, привязанные шлангами к тележке с компрессором. Утрамбовали — и по команде синхронно переползаем на следующую шпалу, бригадир подгоняет: «Быстрее, быстрее», — тележка с компрессором подтягивается по рельсам сзади.

Действие происходит под палящим солнцем, тридцатипятиградусная жара в тени, а тень только на перекуре и только от столбов. Вибратор отбивает руки, пыль, грохот, руки сводит. Отдых — по команде, столбы стоят редко и достаются не каждому. Воду привозят в цистерне. После того как становится известно, что Гурьев тоже закрыт, воду хлорируют еще круче, чем раньше: открываешь кран — вода не течет, пока

ломиком не пробьешь хлорную пробку. Выбьешь пробку — вода потекла. Набираешь ее в кружку или фляжку, но в рот взять невозможно, кажется, что это чистая хлорка, можно только заливать прямо в горло, «не жуя». С тех пор я умею лихо пить водку.

Когда подъемка пути закончена, наступает этап рихтовки. Собирают несколько бригад, часть народа становится к одному рельсу, часть — к другому. У каждого в руках лом, мастер встает в отдалении, метров за тридцать, чтобы видеть кривизну, опускается на одно колено, прицеливается, указывает, в каком направлении будем двигать рельсы, каждый из нас подсовывает свой ломик под рельс, и мастер запевает:

Чайник новый!
Чай горячий!
Девки любят!
...стоячий!

Он поет свою частушку истово, снова и снова, а мы на каждый ударный слог тащим железную палку на себя, рельс со шпалами чуть-чуть перемещается поперек насыпи в нужном направлении, пока путь таким образом не выпрямляется. Замолкает — у нас перекур, или мы переходим на следующий участок или, бывает, двигаем рельсы в обратном направлении, выравниваем.

После рихтовки по трассе идет еще одна бригада из двух человек с путевыми молотками и подбивает костыли, ослабленные после подъемки. Костыли фиксируют положение рельса на шпале. У молотка длинная ручка, удлинённая головка и небольшой боек; им, как клювом, следует точно попасть по шляпке костыля. Для этого нужна особая сноровка, эти двое — элита нашей бригады, и я с завистью смотрю на ребят, обладающих прицельным ударом. Хотя молотком по гвоздю я умею бить, но сомневаюсь, что смогу попасть по шляпке костыля, размахнувшись сплеча.

Работа на шпалоподбойке — самая тяжелая, с которой я когда-либо сталкивался, и здесь я не хуже других. Я доволен, что узнал про себя такое.

Любите меня скорей

По дороге обычно мы спим, спать хочется всегда, а если не спим, то поем, певцов — хоть отбавляй. Главное, что, кроме нас с Вовой, в отряде есть Влад, парень с нашего курса из крутой, но нестабильной хард-рок-руппы «Наследники». Мы с ним знакомы, но шапочно. Я подпеваю Владу, а по ходу дрезины выясняется, что его «Наследники» весной распались и теперь он самурай-одиночка и ни в какой группе не состоит.

Влад потрясает меня музыкальными талантами: он поет и нормальным, и хриплым голосом, и даже высоким чистым фальцетом и не только рок или блатняк, но и старую эстраду, и даже джаз. Всю дорогу он изображает Эллу Фитцджеральд в гершвинской «O, lady be good».

Он исполняет это умопомрачительно смешно и эротично, я такое спеть, наверно, не смог бы, и ритмически эта вещь так не похожа на рок, который мы поем, а музыкально-то как сложно! Джаз меня мало интересует, но как раз эта вещь хорошо знакома с детства, брат часто слушал разные записи «на ребрах» Луи Армстронга и Эллы Фитцджеральд. В исполнении Влада это звучит очень зажигательно.

Второй голос Влад держит не хуже меня, виртуозно играет на гитаре, а еще он владеет кларнетом, саксофоном и губной гармошкой в придачу.

На нашем с Вовой холерическом фоне (мы-то с ним жизнерадостные идиоты) флегматик Влад — такой крутой хипарь, уже глубоко женатый, истощенный и отрешенный,

с висящими по моде усами, что я долго не решаюсь открыться, что хочу позвать его в «Муравьи». Строго говоря, у меня нет права единолично приглашать кого-то в группу, но и упускать шанс — глупо. Очевидно же, что участие такого музыканта может вывести нас на другой уровень.

Вова меня поддерживает, и я делаю Владу предложение. Ко всеобщему счастью, оказывается, что «Муравьи» ему нравятся, он быстро соглашается, и я впадаю в эйфорию от наших музыкальных перспектив и моего удачного кадрового решения. Любите меня скорей!

К Исаакию, к пиву, к жизни

Перед отъездом на радостях мы качаем начальство, и у завхоза из кармана сыплется сахар, которого мы практически не видели. Вове в общей суматохе достаются два куса, и это для него большая удача. Он всегда голодный, а я всегда стараюсь похудеть, на стройках мы с ним обычно заключаем контракт: я отдаю ему половину порции чего бы то ни было: мяса, рыбы, гречи, перловки, — а он обязан это съесть. При такой работе Вове трудно поправиться, а вот мне удастся сбросить за месяц восемь килограммов. Но эти два куса сахара он поминает отрядному начальству долго. А еще он открывает мне глаза на то, что руководство по-тихому гонит самогон: доктор шприцем вводит в арбузы смесь спирта с дрожжами, а когда брага перебродит, они с приближенными сепаратно квасят.

Выезжаем мы из места дислокации в опломбированном вагоне. Гурьев закрыт на карантин, Астрахань тоже закрыта, а мы едем из чистой зоны через зону заражения, поэтому двери опечатаны снаружи. Состав на промежуточных станциях останавливается, но на платформах дежурят десантники с пистолетами Макарова в кобурах. Перед остановкой на промежуточной станции бригадир поезда по громкой связи объявляет:

— Проводники, кто откроет вагон, тому лично клизму вставлю.

Мечта поесть арбузов все же осуществляется, хотя в искаженном виде, как это бывает во сне. Перед посадкой завхозу удается затариться машиной арбузов, и мы перекидываем их из грузовика в наш вагон. Арбузы лежат везде, ступить негде, они навалены в два слоя и в купе, и в коридоре, чтобы пройти, на каждом шагу приходится пинать их ногами либо карабкаться по стенкам. Радуемся мы недолго. Первое же вскрытие показывает, что арбузы едва розовые и малосъедобны, но комсомольцы все доводят до конца, и мы мучаемся, но упорно их едим.

«От холеры к Исаакию, к пиву, к жизни!» — такой огромной надписью мелом украшают вагон художественные натуры из нашего отряда. Это стоит нам нескольких лишних часов стоянки на узловой станции Рузаевка в Мордовии: вагон грозят отцепить и поставить на трехнедельную обсервацию. В итоге удается договориться с санитарным контролем и обойтись малой жертвой: надпись с вагона стирают и поезд выпускают на линию.

Домой в Ленинград мы с Вовой возим трофеи: зарплату за отработанное время по триста восемьдесят рублей, это почти восемь стипендий, и нового яркого «Зеленого муравья». А мой личный трофей — железнодорожный костыль в подарок родителям за то, что я им не писал весь месяц, поскольку письма оттуда все равно не доходили.

ЧЕТВЕРТЫЙ КУРС, 1970—1971

Плавное перетекание

Четвертый курс протекает ламинарненько, опасные пороги уже преодолены, и те, кто востроился в учебу, без особой спешки переходят от предмета к предмету, от зачета к зачету, от сессии к сессии. Преподаватели на экзаменах по спецкурсам не зверствуют, им больше нет нужды кого-то ловить и отсеивать, состав стабилизировался, что выросло, то выросло, и задача у них теперь мирно довести учебное судно до заветной пристани. Хотя встречаются отдельные, вконец обнаглевшие личности с одной стороны и особо злорадствующие с другой.

На экзамене по гидравлике один студент списывает билет на доску прямо с конспекта, а конспект держит в руке, прикрывая его мокрой тряпкой. Но что-то он увлекся: то ли вопрос наконец-то заинтересовал его, то ли конспект слишком длинный, но только когда приходит его время отвечать и преподавательница направляется к нему, он еще не вполне готов и в панике прячет конспект вместе с тряпкой под свитер. Экзаменаторша слушает ответ, садится к столу, где лежат зачетки, и говорит:

— Сотрите с доски, пожалуйста.

И что-то в ее бесстрастном голосе звучит такое, что все присутствующие дружно поворачиваются к доске и наблюдают. Студент достает мокрую тряпку из-за пазухи и пытается стереть с доски. Работают только кисти рук, поскольку локтями он прижимает к животу конспект. Он даже слегка приседает и чуть-чуть подпрыгивает, как пингвин, чтобы достать все надписи. Аудитория напряженно следит, затаив дыхание, но конспект все же выскальзывает и падает на пол, и все, кроме преподавательницы, ржут, а она, делая вид, что ничего не замечает, с чувством глубокого удовлетворения ставит и ему в зачетку «удовлетворительно».

Газодинамика рассчитывает подъемную силу крыла и реактивную тягу двигателя. Она описывает процессы, похожие на гидродинамические, но в другой среде, и формулы здесь тоже по большей части эмпирические. Изучаем мы течение газа в сопле. Но не в той сопле, что сопля, а в том сопле, что сопло, сопло Лаваля. А сопло Лаваля — это газовый канал со специальным профилем, который сначала сужается, чтобы разогнать поток до сверхзвуковой скорости, а потом расширяется, создавая мощную реактивную тягу, и мы рассчитываем эту тягу методом конечных элементов по Рунге-Кутты и Адамсу-Штернеру.

Кажется, эти фамилии придуманы специально, чтобы лучше запомнить про реактивную тягу. Звучит почти как Голенищев-Кутузов, Сухово-Кобылин или Ляпис-Трубецкой.

Из обширного курса по эксплуатации ракет мое воображение задевает сообщение, что емкости нельзя испытывать воздухом: небольшой газовый баллончик способен разнести не только корпус ракеты, но и весь испытательный корпус. Надо использовать жидкость, она практически не расширяется, и если бак не герметичен, то он просто потечет. А в разделе по технике безопасности в память врезается, что по строительным нормам и правилам в лестничном пролете не должно быть больше восемнадцати ступенек, и теперь я с азартом пересчитываю ступени каждой лестницы, по которой поднимаюсь.

Второе рождение

С тех пор как появился Влад, ансамбль переживает второе рождение. Влад не только приводит с собой новых поклонников, но и приносит новые песни.

Теперь мы открываем вечер рокешником «Shakin' All Over» британской мерсибит-группы «The Swinging Blue Jeans». Мы поем на псевдоанглийском, копируя, насколько слышим, слова оригинала, смысл примерно такой:

Когда ты приближаешься ко мне,
Меня колотит по всему телу:
Дрожь в коленках, трепет в бедрах,
Мурашки по спине,
Шейк-шейк-шейк.

Мерсибит — это группы из Ливерпуля, города на реке Mersey, а есть еще и брамбит — а это обозначение для групп из Бирмингема, и Влад разучивает с нами «I'm a Man» из репертуара группы «Spencer Davis»: тут никакой слащавости, сплошная мужиковатость, типа, мне некогда разводить антимонии, люби меня таким, как я есть, и Влад голосом изображает из себя мачо.

Как старожилам нам удастся получать для репетиций в актовом зале гораздо больше времени, чем раньше, и мы разучиваем новый репертуар. Из «Shocking Blue» берем знаменитую «Venus», которую народ называет «Шизгара». Это уже нидерландский бит «nederbit». Песня только-только набирает обороты и на глазах становится одной из самых любимых и заводных.

Мы копируем британскую блюз-рок-группу «Ten Years after», которая только что выпустила тяжелую композицию «Love Like a Man», и в ней на протяжении почти восьми минут есть место не только показать брутальный голос, но и развернуть гитарные проигрыши. Влад знает, что и кому там надо играть, и показывает каждому из нас его партию. Он сам и поет, поэтому та абракадабра, что он произносит, тоже на его ответственности, хотя звучит очень похоже на английский, а содержание и так ясно по названию — любви по-мужски, значит, песня о любви.

Из «Deep Purple» мы играем быструю ритмичную и многоголосую «Hash», которая начинается загадочно: трижды через паузы страшное, как в немецких сказках, лесное эхо, потом два удара-аккорда гитар и ударных, два такта мощного хода на лид-гитаре, и — пошел ритм, а под него, похоже, любовная песенка суровыми мужскими голосами и хором, что-то вроде:

Хашш! Хашш! Она разбила мне сердце, но я все равно люблю ее.
Тсс! Тсс! Думал, что слышу, как она зовет меня сейчас.

Ну и конечно, «A Whiter Shade of Pale» группы «Procol Harum». Классическое, вернее, слегка барочное органное начало, чистый голос солиста — Влад поет с виду бесстрастно, но с внутренним напряжением.

Какие-то фанаты приносят новую музыку, новые стили, называют новые имена, одно другого экзотичнее: лондонская группа «Atomic Rooster» («Атомный петух»), «Grateful Dead» (что-то типа «Благодарный мертвец»), и одно из этих имен, «Jethro Tull», меня цепляет тем, что сольный инструмент у них — моя любимая флейта.

Младший приятель-ударник Володя Калинин проводит нас на вечер в соседнем Технологическом институте, там играют его друзья, и в композиции из «Jethro Tull» на флейте замечательно солирует Ласло, студент из Венгрии. Я жалею, что нам такое не сделать: Влад и кларнетист, и саксофонист, но флейты у нас нет.

С Владом и наше многоголосие становится еще на один голос богаче. Они с Сашей удачно дополняют друг друга по исполнительской манере, по музыкальным стилям и по репертуару.

ОМСК, ЛЕТО 1971

Танцы с вениками

После четвертого курса студентам нашего вуза полагается технологическая практика, и традиционно ее проходят на одном из заводов. Всем хочется поехать куда-нибудь подальше, чтобы страну посмотреть, и Надин дядя, доктор технических наук, договаривается, чтобы нашу группу отправили в Омск.

Дорога до Омска занимает двое суток.

В первый рабочий день являемся в бюро пропусков, сдаем паспорта и ждем. Оформить двадцать один пропуск — дело не быстрое. Болтаемся по вестибюлю, разглядываем объявления: требуются токари-расточники, шлифовщики, электромонтеры, фрезеровщики. Инженеры не требуются. Чем будем заниматься — поди пойми.

Наконец из окошечка голос:

— Студенты, готово!

Разбираем документы, на Влада пропуска нет и паспорта нет.

— А где мой?

— Обращайся к своему преподавателю.

Влад в испарине, бегаёт ищет нашего доцента — руководителя практики, потом они вместе исчезают, а мы с сопровождающим идем на завод. Приводят в техбюро, распределяют по группам, что-то рассказывают. Неясно, покажут ли ракеты, может быть, если хорошо будем себя вести. Дают копии непонятных чертежей на синьках с аппарата «Эра», будем писать какие-то техпроцессы. Дома, чтобы в техбюро работать не мешали.

Через час выходим, на проходной нас поджидает бледный Влад.

— Трындец, ребята. Еду обратно ближайшим поездом, послезавтра. Я ж фамилию жены взял, паспорт уже новый, а допуск — на старую.

— А говорил, что со старой фамилией не везет, вот теперь повезло, аж до Питера за бесплатно!

О ракетных технологиях, в которых мы должны практиковаться, у меня остаются смутные представления. Главное впечатление, что цеха очень чистые, не могу сравнить ни с чем, что я когда-либо видел. И хотя в сердце завода — сборочный цех — нас не пускают, там секретность выше нашего допуска, возникает ощущение чего-то важного, до чего мы еще не доросли. Зато нас пускают в цех, где сваривают обечайки, из которых потом собирают «Союзы». Все рабочие в белых халатах и в нашем цеху, и там, где собирают санки из обрезков того же алюминия. Или наоборот, обечайки из обрезков санок. Обечайки огромные, метра три в диаметре, а сварочный портал такой грандиозный, что рабочий сидит наверху в кабинке агрегата. Ездит вдоль обечайки по рельсам и варит. Не абы какой сваркой, а аргонно-дуговой. А сколько санок можно сварить и продать из одной бракованной обечайки!

По утрам мы ненадолго, на час-полтора, ходим на завод, стараясь не мешать строительству космических кораблей, в остальное время делать особо нечего.

Главное место развлечения — городской пляж на Иртыше. Чуть ниже по течению в него впадает Омка, после нее вода в Иртыше становится темно-коричневой, и местное радио прославляет это величавой песней:

Хороша Нева, и Москва-река,
Волга-матушка хороша,

Многим нравится Обь-красавица,
Только лучше нет Иртыша-а-а!

Немного освоившись, мы начинаем искать возможность репетировать. Ударник с басистом добираются до профкома, выпрашивают ударную установку из клуба и договариваются, что нам откроют летнюю заводскую танцплощадку. За это нас обязывают два раза в неделю играть на танцах, и клуб развешивает по микрорайону афиши.

И вот первый вечер. Аппаратура слабенькая, удлинителей не хватает, но все в конце концов как-то устраивается, местные мальчишки помогают. Мы волнуемся, как получится — на открытом воздухе опыта выступлений нет. Народ подтягивается к площадке.

Вова усаживается за барабаны.

— Гляди-ка, девушка с веником, — говорит он басисту.

— А вот еще одна, — Слава добавляет себе звука на басу. — Березовый, в баню собрались, что ли.

— Да они все с вениками. Что бы это значило? — удивляется Саша.

— Мода такая. Потом в баню. Или после бани на танцы.

Я смотрю, и правда с вениками все поголовно — и девушки, и парни.

Объясняется все позже. Когда темнеет и зажигают прожектора, в атаку бросаются сибирские комары размером со стратегический бомбардировщик. Они пикируют на танцующих, те отмахиваются вениками, будто в парной, а нам на сцене приходится несладко. Поет себе лирический тенор куртуазную песню, а тут ему комар садится на нос. Это ж какую выдержку надо иметь! Барабанщик кое-как отбивается, и мне одну руку всегда можно высвободить. Я со своей органомой сижу в глубине сцены, во время гитарного проигрыша ко мне по очереди подбегают гитаристы, и свободной правой я бью их по мордам.

На бис идут душещипательные песни. Вот, скажем, приходит записка: «Сыграйте, пожалуйста, „Стоп-стоп, Юзик“», это песня из репертуара дружественных «Аргонатов»:

Стоп-стоп, мьюзик, танцует девушка с другим,
Стоп-стоп, мьюзик, остановите этот ритм!

Сибирской публике, в том числе и детям заводского начальства, ленинградские гастролеры нравятся: народу на танцах всегда тьма. И практику на удивление оценивают так высоко, что директор решает отправить всех студентов домой на заводских самолетах, с попутным грузом. Дочка директора похлопотала. Круто, это тебе не двое суток в поезде трястись.

Первый самолет и девушки потом

Мы со Стецом летим первой партией, а он до этого на самолетах не летал. Привозят, значит, нас на заводской аэродром, выгружают возле самолета в толпу заводчан с семьями. Самолет кажется нам каким-то маленьким в сравнении с толпой, идем его осматривать и обнаруживаем: ба, да хвостовое оперение сделано из парусины! Вот, думаем, несерьезно-то как. Расспрашиваем заводчан, и кто-то объясняет, что это Ли-2, советская версия американского бомбардировщика «Дуглас» военных времен. Приглашают в салон, вскарабкиваемся, и народ рассаживается со своими чемоданами по скамейкам, расположенным вдоль бортов. Грузовой вариант? Или десантный? Тут

выходит командир, пристально осматривает нас с другом и говорит, что машина перегружена, один лишний должен сойти! И всего-то полтора десятка человек, неужели вес одного недокормленного студента может существенно повлиять на перегруз? Все притихают, но никто не выходит. Командир держит паузу и с задумчивым видом скрывается в кабине. Начинаем разгоняться, вдруг в какой-то момент обороты мотора резко падают, самолет замедляет скорость и останавливается. Снова выходит командир и приказывает перенести чемоданы к кабине пилотов, самим перейти в нос и встать вплотную к кабине.

— Зачем? — подает кто-то голос.

— Зачем-зачем! Чтобы не перевернуться на взлете.

Настроение падает до критической точки. С чем и взлетаем. Тут начинает трясти, и чем дальше, тем сильнее. Самолет то резко подкидывает, то он проваливается в воздушные ямы. Ремней безопасности нет, только поручни в виде скоб на фюзеляже, вцепиться в них — единственная возможность не свалиться со скамейки. Винтокрылый наш лайнер трюхает себе в первом эшелоне, на высоте пятьсот метров — все возвышенности и провалы земной поверхности, особенно над Уральскими горами, ощущаются собственным желудком. Смотреть надо все время в иллюминатор — там красота, как на макете, только мутит, отворачиваешься — кругом зеленые лица, от адского запаха, того и гляди, самого вырвет.

Закрывать глаза нельзя — делается еще хуже. Но настоящее светопреставление начинается, когда влетаем в грозовой фронт. Кажется, что машина теряет управление и проваливается в бездну. В иллюминаторах молнии, по поверхности крыла бегают и дробятся электрические разряды, безумствует гром.

Ощущения времени нет. Вот она, полнота жизни: хуже, чем есть, невозможно себе представить. Не помню, как я очнулся, видимо, когда самолет вышел из грозы. Постепенно все как-то успокаивается. На промежуточной посадке в Казани мы приземляемся удачно. Следующая посадка в Быкове, а потом — родное Пулково.

Остальным троим: солисту, басисту и ударнику — выпадает лететь днем позже через Москву на большом транспортном Иле вместе со всей аппаратурой. В столице Саше удастся купить фирменную гитару на деньги от проданной в Омске самопальной, вырезанной из ДСП, и в придачу к гитаре добыть «квакушку», чтобы она в проигрыше завывала, как у настоящих мастеров: «Уа-уа».

Но нам надо торопиться: на июль и август мы уже зафрахтованы на Кольский полуостров.

КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, ЛЕТО 1971

Станция Апатиты

Стройотрядовский эшелон идет по маршруту Ленинград–Мурманск. Солист отлеживается: перепил накануне, мы с ритм-гитаристом тихо расположились на своих полках, валяемся, никого не трогаем, басист с ударником отправились по вагону знакомиться. Плацкартный, все открыто, все на виду, в соседнем отсеке симпатичные девочки из Ленинградского педиатрического института едут врачами стройотрядов. Хорошо слышно, как Слава и Вова заливают: мы рок-группа, такая-растая, наш солист тяжело заболел, потерял аппетит, вместо трех порций на обед одну только может осилить. Пожалейте нас, полечите нас. Давайте дружить.

И дружба, кажется, завязывается, и ребята поют:

Поезд мчится, стучат колеса, стучат колеса тук-тук-тук.
Четверо в поезде водку глотают, бычки в томате с ножа жуют,
Эй, проводница, кончай ругаться, что мы из титана украли стакан,
Просто нам сегодня не спится, и каждый из нас немного пьян.

Ну, парни не совсем и врут: мы уже известны в городе настолько, что штаб всех ленинградских стройотрядов еще весной позвал нас на июль—август работать агитбригадой, ездить с концертами по Кольскому полуострову. В Омске мы фактически прокучали месяц, играя только на танцах, а тут рассчитываем на публичные выступления со своей программой. Пункт назначения — станция Апатиты за полярным кругом, районный центр, где селят студентов, а оттуда развозят по строительным площадкам. Наши работают на первом в СССР 90-метровом трамплине, другой отряд строит Кольскую АЭС.

Приехали. Поселились вместе со всеми студентами в готовых, но еще не сданных в эксплуатацию пятиэтажках, в отдельной квартире. Дом жужжит, как улей, квартиры пустые, одни кровати с голыми панцирными сетками, все бегают, раздобывают матрасы, подушки, постельное белье. Нам достается двухкомнатная квартира. Все кровати мы собираем в большой комнате, а маленькую обустраиваем наподобие диванной — вместо ковров раскладываем матрасы.

Отправляем гонца в штаб, и тут выясняется, что агитбригада — это туфта, обман, никаких поездок не будет, концертов не будет, зарплаты не будет, только талоны на завтрак и обед. Командир решил на музыкантах сэкономить и запродавал нас в ресторан играть каждый день без зарплаты, зато, говорит, чаевые — все ваши.

Если б знали, просто на стройку бы записались, там прилично платят, а уж играть в ресторане — последнее, о чем мечталось. Мы, будущие конструкторы космических кораблей, которые бороздят... — и играть в ресторане! Пьяный угар, блатные песни, нэпманский разгул, «Очи черные...» и всякое такое. А куда деваться? Не обратно же ехать. И деньги на аппаратуру нужны, и репертуар совсем нересторанный, надо полностью перекраивать. Беда.

Но это, оказывается, еще полбеды.

Располагаемся поужинать и заодно обсудить, что будем играть завтра в ресторане. Вдруг в дверь барабаны. Открываем — а там санитары, из-за их спин выглядывают медички из поезда.

— Раз, два, три, четыре, пять. Кто здесь больной?

— Нету у нас больных.

Вдруг самая маленькая выбегает:

— Вот этот, худой, — и указывает на Сашу.

— Вы что, шуток не понимаете! — наперебой кричат басист с ударником.

— Какие шутки с дизентерией!

Пиф-паф! Как по команде, санитары его хватают и силой увозят в инфекционную больницу, где это — не говорят. Немая сцена. Продали! Вот же девушки какие... педиаторки! А парни им еще пели.

Делать-то что? Завтра играть, а тут обсервация двадцать один день, инфекционный барак! Полный облом! С этим и ложимся спать. Просыпаемся в унынии: без солиста нам в ресторане делать нечего. Идем завтракать за талоны: кафе самообслуживания на первом этаже типовой стекляшки. Одно название, что кафе, обычная столовка, но кормят сытно, и дружелюбные девочки разного возраста. Идем лежать дальше. День тянется к вечеру, мы — в прострации.

В пять часов внезапно материализуется солист. Подскакиваем на кроватях, ура, спасены! Вопросы потом, бросаемся в ресторан расставлять аппаратуру, подключаться — а там и наш выход.

Пока готовимся, Саша рассказывает подробности. Привезли его в больницу, там переодели его в полосатую больничную пижаму, утром взяли анализы, поместили в палату, но шкафчик, куда старшая медсестра спрятала одежду, он заметил с вечера. После обеда с помощью гвоздика, отработанным еще в пионерлагере приемом, он вскрыл навесной контрольный замочек, переоделся в гражданское, вылез в окно и вышел вон. У встречного мужика спросил, где тут железная дорога. Тот показал направление: надо только через сопку перевалить, а там уже станция Африканда.

Местная байка про название. Едет Екатерина со свитой в карете, видит: деревня, останавливается, выходит. Солнышко светит, жарынь. Екатерина потягивается и говорит: «Прямо Африка! — тут снег повалил, и она добавляет: — Нда!»

Саша перевалил через сопку, увидел станцию, дождался поезда и зайцем, без денег, без документов, прибыл через полчаса в Апатиты.

В этот вечер мы в ударе — как будто в ресторане играли всю жизнь. Ночью Саша на поезде возвращается в больницу и тайком через окно проникает в свою палату.

На следующий день Вова едет выручать его уже на машине, и так еще два дня, пока в Апатитах Саша не нарывается на главврача районного штаба, который орет, чтобы без справки он в городе больше не появлялся. Солист возвращается в больницу, а к этому времени успели отрицательные анализы на дизентерийную палочку, его благополучно выписывают, и наш вокально-инструментальный ансамбль воссоединяется официально.

Кабацкий угар

— Ребята, сбациайте «Алешкину любовь»! — В первый же вечер в ресторане подваливает стриженный под ноль коротышка.

Мы играем:

Как же быть, как быть, запретить себе тебя любить...

Он тронут, подходит снова:

— Да я за вас пол-Апатит вырублю! Меня здесь любой знает. Я Юра Кудрявый, запомните — пригодится.

Что он имеет в виду, мы видим вечером, когда спускаемся из ресторана со второго этажа по служебной лестнице. Мимо кафетерия и кулинарии выходим на улицу и оказываемся перед котлованом. На краю несколько парней махаются. Молча, как тени. Один из них, коротышка, разбегается и ударом головы в челюсть сбивает с ног другого, на голову выше. Тот скатывается в яму. В коротышке мы узнаем Кудрявого. Он машет нам рукой издали, напоминая о своих намерениях вырубить за нас пол-Апатитов, если что. Мы уже уяснили, что тут везде апатиты. Станция Апатиты, город, ресторан, руда — все апатиты, только на кабак Юра явно зарабатывает чем-то другим.

Ресторан открывается в пять вечера, мы начинаем в семь, но выторговали право до трех репетировать. Репертуар наш совсем нересторанный. Подстраиваемся, как можем: медленные чередуем с рокешниками, включаем советскую эстраду. Кабацкие номера типа «На Дерибасовской» подбираем по ходу пьесы. Меня с органомой «Юность» и свободной правой рукой теперь высаживают вперед, на авансцену нашей невысокой эстрады, и за заказами идут ко мне.

— Сыграйте «Эти глаза напротив», — клиент протягивает три рубля, а то и пять.

В первые дни я так краснел, что один мужик схватил мою руку, вложил в ладонь купюру и сжал мои пальцы: «Бери-бери, не стесняйся, у нас так принято!»

К двадцать первому дню я уже беру деньги лихо: левой рукой жму на клавиши, а купюры принимаю правой. Когда подходит сильно поддатый барыга, хлопает ладонью по органале и требует: «Мужики! На рупь барыни!», Слава из-за моей спины говорит громко:

— Мужик, на рупь мы только люлей даем!

На некоторые просьбы мы все же откликаемся бесплатно. Приходит записка на салфетке: «Ребята, сыграйте „Клен ты мой опавший“».

Сочинитель записки — уважаемый человек и завсегдатай ресторана, заведующий отделением местной больницы. Официантки тепло отзываются о нем как о большом друге, авторе лирических стихов и частушек.

Мы и впрямь зеленые, а многим хотелось бы поучить нас жизни. За гитаристами начинается настоящая охота.

Вот девица манит пальцем басиста, тот подходит к краю, и она говорит:

— Девушка за вторым столиком справа, — машет в глубь зала, — хочет познакомиться с красной гитарой.

Ритм-гитарист тушует и, когда мы заканчиваем играть, пытается уйти через черный ход. Фиг вам. Девушка ловит его там и уводит в ночь. Возвращается он неизвестно в какое время и сразу в душ. Голые стены, вода шумит, все просыпаются. Стец крадется к своей кровати, но его вспугивают:

— Ну, рассказывай, что было! Колись, как ты там, и вообще, — галдят все разом.

Парень вяло отбивается. Вопросы нагоняют на него страху, и он выкрикивает:

— Но трусы я с себя не дал снять!

С этим все успокаиваются и засыпают. Утром он исчезает и появляется только через три часа: ходил в больницу, к венерологу, его не приняли — без паспорта нельзя, а паспорта сданы в районный штаб.

Через день у черного хода другая девушка залавливает Вову — высокого блондина с обаятельной улыбкой. А у нашего друга синдром Иосифа Прекрасного: секс только по любви и только после брака. Девушка настаивает проводить ее до дома.

Все кончается диетически, вскоре он возвращается и передает диалог, который состоялся по дороге:

— Как ты похож на моего мужа! И фигура, и волосы, и лицо.

— Так ты замужем?

— Да.

— И куда мы идем?

— А муж в командировке, на соревнованиях!

— Так он спортсмен?

— Да, боксер.

Они уже подходят к дому: город совсем небольшой. Провожаящий решительно прощается и, уходя, слышит за собой:

— И походка такая же!

Триумф в Мурманске

В конце концов мы выпутываемся из ресторанный морока. Наш тенор, который не может без сцены, договаривается с Дворцом культуры «Строитель» в Апатитах,

и теперь мы играем на танцах. Тоже не бог весть что: танцы — вот и вся культура для народа, даром что дворец, зато мы заняты всего три вечера в неделю. А для себя готовим новую концертную программу, которую тут же обкатываем на танцах, а если получается не очень убедительно, то исправляем ситуацию «Шизгарой», которая всегда идет на ура.

Нас зовут с концертом в Кировск, в восемнадцати километрах от Апатитов. Двух-трехэтажные бараки довоенной постройки наводят уныние, а несуразно огромный Дворец культуры «Апатит» сталинской архитектуры в центре города напоминает разбухший колхозный клуб. Но сцена в порядке, зал большой, и выступление наше нравится не только публике, но и начальству, так что после концерта нас везут на экскурсию на плато Расвумчорр, чтобы показать рудоспуск.

Дорога петляет все выше и выше в гору, и низенькие бараки, разбросанные по отрогам гор, превращаются в живописные картинки, напоминающие полотна Брейгеля. Мы поднимаемся по серпантину выше облаков, к вершине вавилонской горы, а там огромные самосвалы непрерывной цепочкой подъезжают к inferнальной дыре в земле и сбрасывают в нее породу. По гигантской трубе порода падает вниз, к основанию горы, туда, в огромную пещеру, где породу грузят в вагонетки, заходит узкоколейка, по ней руду вывозят наружу и отправляют дальше на комбинат, на переработку.

Наверху, на самом плато, погода уже другая: сумрачная белая ночь, ужасающий холод — всего восемь солнечных дней в году. Недолго стоим, потираем руки, прыгаем, чтобы согреться, и едем обратно. Спускаемся под облака, и снова открывается живописная картинка: отроги гор, долина внизу, домики, копошащиеся людишки.

Пик нашей популярности здесь — запись получасовой программы на радио.

И вот наконец Мурманск, областной слет стройотрядов, на большой концерт студенческой самодеятельности собралось со всего Кольского полуострова две тысячи студентов. Нам дают целиком все второе отделение, мы играем все свои лучшие вещи, нас не хотят отпускать со сцены, и мы играем на бис. Грандиозный успех!

Домой в Ленинград мы едем, чувствуя себя знаменитыми, но вслух об этом не говорим. Заснуть не получается: стоит закрыть глаза, как сквозь ослепительный свет софитов проступает огромный зал, который то взрывается аплодисментами, ревом и свистом толпы, то замирает, когда я поднимаю руку со смычком, чтобы представить товарищей или объявить номер.

В РОЗОВОМ ЗАЛЕ И ОКОЛО, 1971—1972

Лида. Встреча на колодце

Я держу курс по коридору второго этажа и, не доходя до ректорского кабинета, сворачиваю в сторону Розового зала по левой галерее парадной лестницы. В обычные дни по ней подниматься нельзя — нечего зря топтать ступени, пусть бегают по коридорам и кабинетам через боковые лестницы. Парадная лестница на первом этаже перекрыта витыми шнурами, а здесь, на втором, ее обрамляют две шикарные галереи с колоннами и балюстрадой. Правая галерея — магистраль, по ней перемещаются из учебных корпусов в административно-культурную часть, а левая — тихая, там под окнами с широкими подоконниками, почти напротив кабинета ректора, уютный уголок — знаменитое в институте место «на колодце». Народ слетается сюда, чтобы покурить. Пока не разгонят.

Сквозь сигаретный дым до меня долетает почти забытый, но такой характерный женский голос с легкой хрипотцой:

- Вадим, ну подожди минутку, дай перевести дух. Неужели... Только бы не упустить!
- Лида, это ты?!
- А-а-а, вот и Лёшик! Похудел, что ли? Не узнать.
- А ты какая... стильная!
- Загордился, не показываешься.
- Я загордился? Это ты провалилась как сквозь землю.
- Позвонил бы, что ли.
- Ты ж ни телефона, ни адреса не оставила! И не писала!
- Лида, скорее, нас ждут! — По правой галерее, на противоположной стороне колодца, слоняется знакомый парень из эстрадного театра.
- Ну подожди, Вадим, я же сказала, иду.
- Лида небрежно кивает мне:
- А ты мне ответил?
- Куда отвечать-то? Там обратного адреса не было. Я все лето прождал, хоть бы прислала.
- Хотел бы — нашел. Я же нашла твой стройотрядовский адрес. Пока, еще увидимся, я загляну.
- Точно?
- Теперь не разминемся.
- В ее голосе звучит обида, но разве это я виноват? Лида исчезает, а я бегу в зал, меня тоже ждут, сердце колотится: придет — не придет? Ну как так получается: всего лишь голос и один взгляд — и ты вдруг сходишь с ума! Два года прошло, а все то же самое.
- Сегодня в Розовом зале танцы. Сейчас начнем таскать аппаратуру, а народу по коридорам уже болтается тьма. За это время все изменилось. Когда мы играем, сюда полгорода ломится. На День первокурсника даже входную дубовую дверь вынесли, толпа трамвайные пути перегородила так, что транспорт встал. <...>
- Но мы-то в этом море отдельных людей не видим! Лида. Как же ее найти? Сама подойдет? Нет, так и не подошла.
- С Лидой мы встречаемся только через две недели. Концерт ко Дню артиллерии — это профессиональный праздник — и День института. 19 ноября 1971 года выпадает на пятницу, поэтому концерт назначен на субботу, двадцатое. Второе отделение целиком наше, а первое — сборное: эстрадный театр, танцевальный коллектив, чтецы и пантомима. Лида, как когда-то, ведет концерт, а когда кончается первое отделение, мы сталкиваемся с ней, и она говорит:
- А мы ведь тогда не ушли с танцев, остались.
- И ты не подошла?! Не понравилось?
- Ну... Как тебе сказать.
- Скажи честно.
- Если честно, — Лида трясет головой, будто стряхивая наваждение, и смеется, — если честно, очень понравилось. А «July Morning» — просто обалденно. Вам теперь можно позавидовать — вы на всех вечерах играете.
- Спасибо! Ты больше не обижаешься? Я же не виноват, знаешь, как я тебя искал и как переживал! Никто ничего не мог сказать. И в деканате: академка — и все, и никаких координат.
- Да ладно, проехали.
- А Влад крутой, ты верно заметила, он уже второй год с нами.
- Точно, два года прошло. Как целая жизнь. И опять лекции, концерты как ни в чем не бывало.

— И мне столько надо тебе рассказать!

— А мне надо столько забыть.

— А Влад-то замечательный, правда? И эта вещь совсем свежая. Никто еще этого не поет, даже «Аргонавты». Они уже год как выпустились из института, мы теперь первые.

— Значит, вы теперь на их месте. Понятно. Ждали, ждали и наконец дождались...

— Но ты останешься? Дождешься меня? Можно я тебя провожу? <...>

Концерт заканчивается, мы сматываем провода, перетаскиваем аппаратуру наверх, в актовЫй зал, в аудиторию за сценой, Лида ждет, как обещала: то маячит в коридоре, то уходит покурить. Потом мы с ней медленно бредем к метро, садимся в поезд в сторону «Петроградской», идем от станции «Горьковская» до ее Зверинской улицы.

Лида спрашивает, и я все-таки хвастаюсь, и меня несет, не могу остановиться, болтаю обо всем, чем жил два прошедших года: об Апатитах и фестивале в Мурманске; о новой фирменной аппаратуре, и ударной установке, и о моих новых клавишах; о холере, верблюдах и скорпионах и о всякой другой чепухе. Лида слушает, но немного рассеяннo, может, ей кажется, что я полный идиот, может быть, она все еще обижается. Простила ли? А может быть, она думает о том же, о чем думаю я, не могла же она забыть, как мы целовались в Польском садике, а я только об этом и думаю. Но как об этом можно говорить...

— Звучание у вас отличное, — сдержанно отзывается Лида, — зажатые, конечно, над движением бы поработать, а так и смотрите хорошо, и прически модные.

И я пускаюсь рассказывать, как девчонки из Текстилки, к которым мы бегали из лагеря трудновоспитуемых, придумали и сшили нам зеленые рубашки и белые клеши, только от огромных золотых пуговиц на ширинках пришлось отказаться. Жалко, очень было бы эпатажно, но уж лучше кольцо в нос, как у быка. А с прическами как возились: у всех длинные волосы, а военная кафедра этого не любит. Наташа из салона стригла меня опасной бритвой, чтобы снять кудри с затылка, а потом заливала лаком, а сначала мыла голову, и я поплыл: к такому я не был готов, только мама мне мыла голову в детстве, а тут молодая девушка... И как сложно было туда попасть: только по записи и только по блату, через Стеца, а в парикмахерских одна канадская полька и полубокс, а таких салонов в городе всего два, на Невском и напротив «Ленфильма»...

И тут я будто натыкаюсь на стену и замолкаю.

— Лида, а как все же твой фильм? Ты снималась? Так говорили.

— О чем ты опять?

— Ты же была в академке два года. Мне сказали, что ты снимаешься.

— Это было очень давно, — чеканит Лида, — и неправда. А сейчас я просто болела.

— Извини. Главное, теперь все в порядке, да? Значит, тебе удалось восстановиться?

На каком ты сейчас курсе?

— На пятом, как и ты. С пятого ушла, на пятый и вернулась, — она уже сердится, — я хорошо учусь. Не имею привычки заводить хвосты. Ну все, пока, тут уже близко.

— Как пока? Телефон-то хоть дашь?

— Потом.

Еду домой и страдаю: ясно, что я затронул что-то больное. Расспросить некого. И когда она появится снова?

И снова стена

Но Лида приходит.

Заглядывает в зал в конце репетиции и тут же скрывается, но я успеваю заметить и кричу:

— Лида, подожди!

И она возвращается.

— Я вам не помешаю?

— Ну как ты помешаешь! И мы уже почти закончили.

Она входит, румяная и безумно красивая, у меня даже ломит в висках. Играть, конечно, все бросают и давай ее разглядывать. Тут же влезает Славка и начинает свой обычный заход:

— Девушка, а я вас знаю, я вас в библиотеке видел.

— Мальчики, не обращайтесь на меня внимания, иначе я уйду, и мне еще от Лёши достанется.

— Нет, Лёша такую девушку не обидит, да он никакую не обидит. А давайте вы снимете шубку и в зале посидите, а мы скоро закончим.

— Нет, я лучше схожу покурю.

— Курить вредно, а давайте вам Стец чаю из термоса нальет? Мы знаем, что у него термос с собой, он хозяйственный, — плетет свои кружева Славка.

— А хотите вина? У меня с собой. Думала, сегодня наши репетируют, перепутала все, — Лида достает бутылку, и она уже неполная. Все делают по глотку, а Саша вытаскивает из кармана две конфетки и протягивает ей.

— А по какому случаю? — спрашивает Слава. — Может, у вас день рождения?

— Может, — отвечает она и конфетку у Саши берет.

— Лёха, что же ты скрыл от нас? Мы бы подарок приготовили.

— Да я и сам не знал.

Лида встает и раскидывает руки, как в танце.

— Ну почему, почему никто меня не любит? Пусть все меня любят! — декламирует она, и это выглядит театральным вызовом.

Рядом сцена, и Лида что-то изображает. Эх, будь у меня побольше куража, встать бы и подхватить эту сцену, как-то подыграть в ее манере, но я только смущаюсь, и даже перед ребятами чуточку стыдно.

— Лида, ты о чем?!

— Ах, ничего-то вы не знаете. Это такая известная цитата, — отвечает она, надевая шубку.

— Парни, я тоже пойду, ладно?

— Иди-иди, отпускаем.

Мы выходим на улицу, я хочу взять Лиду под руку, но она вдруг отстраняется. За проходной ее ждет компания, они уже все веселые, и Лида снова выдает что-то в прежнем тоне, а они подхватывают и дружно смеются.

Меня Лида ни с кем не знакомит и с собой не зовет. И потом я долго перебарываю догадку, что она специально поднималась ко мне с бутылкой. Может быть, хотела взять с собой, но в последний момент передумала. Вот только что была близкая и манящая, и вдруг снова стена.

Ария Иуды

И еще несколько мучительных встреч, когда она меня заводит и тут же бросает, отстраняется, исчезает и оставляет в полном смятении.

В конце года перед зачетной неделей я зову, и она приходит на вечер в общежитии геофака в студгородке на Новоизмайловском проспекте. Эти десятиэтажные корпуса из стекла и бетона занимают половину Парка авиаторов, разбитого на месте первого

российского аэродрома. От троллейбуса пробиваешься по пустырю против дикого ветра, как малоуправляемая конструкция Сикорского. Клубное здание еще недостроено, поэтому каждый из корпусов живет своей жизнью. Там, куда нас пригласили, тепло и оживленно, танцуют в не очень просторном помещении на втором этаже.

Вечер длинный, нас отлично принимают, и в первом отделении мы играем всю новую крутую программу, которую сделали с Владом за последний год.

В перерыве перекидываемся парой слов с Лидой, она здесь с другой компанией, кажется очень оживленной и говорит мне кучу хороших слов.

Во втором отделении мы играем в основном старое, господствует Сашин тенор. Нашу обкатанную программу Влад оживляет своей гитарой, а иногда и кларнетом или губной гармошкой, с ним наше козырное многоголосие становится более сложным и многоголосым.

Ударно заканчиваем арией Иуды из рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда».

Магнитофонная запись с пластинки попала к нам еще в прошлом году, до Омска и Апатитов, и мы не могли оторваться, раз за разом слушая ее, снимая слова, подбирая нестандартные аккорды и сложные ритмы. Взялись сделать арию Иуды, которая начинается словами «My mind is clearer now». Ритм-гитаристу надо воспроизвести сложный синкопированный ритм начала, который задает весь нерв арии. Стец немало помучился, но получилось один в один. <...>

Влад исполняет эту арию, точно следуя интонации солиста с магнитной записи. Иуда, как друг и ближайший соратник Христа, в сердцах кричит, что он не согласен с тем, что происходит:

Ты вознесся выше, чем идеи, о которых ты говорил,
Мне не нравится то, что я вижу, выслушай меня.
Я все эти годы был твоей правой рукой,
Но ты завел их всех,
Они теперь думают, что нашли нового Мессию.
А я помню: когда все это начиналось,
Не было и речи о боге, мы называли тебя человеком.

Перед ним ужасный выбор между человеком и делом, которое олицетворяет этот человек...

У меня тоже непростая партия на клавишах, на семь четвертей, и мне не до зала, но все же боковым зрением я успеваю заметить, что на Лиду наше исполнение производит сильное впечатление, она явно растрожена. Чем же? Нашим исполнением? Не понимаю. Мы заканчиваем, я спускаюсь со сцены.

— Ты расстроена. Что-то случилось?

— Почему он так истошно вопит, я до конца не разобралась.

— Ты не слышала раньше? Он же чувствует, что готов решиться на что-то страшное. В музыке много больше, чем в словах, весь ужас-то впереди, но он верит, что прав.

— И что? Он прав?

— Не знаю, это очень сложно, в канонических текстах Иуда — предатель, а Иисус — бог.

— Но по арии выходит, что Иуда против чего-то вроде культа личности?

— Я-то в бога не верю. Ну да, религия — это же культ, так и говорится, «культ»! Конечно, религия учит подчинению культовому персонажу, она для того и создана, собственно говоря, чтобы поддерживать в обществе подчинение власти.

- Ну перестань, я серьезно, на чьей стороне правда?
- Не знаю, с одной стороны, ты права, культ личности, с другой — это же как предать родителей. Да... Не хотел бы попасть в такую ситуацию.
- А я попала, — с независимым видом Лида встряхивает головой, сдувает челку со лба. — Ну и дура же ты, Теткина!
- Опять она что-то изображает?
- Нет, конечно! — и раздраженно: — А вот это как раз из моего. Вернее, он мог бы стать моим, должен был стать моим, но не стал. И мне давно пора закончить с этим, — почти кричит она.
- Больше она ничего не говорит, и понятнее не становится.
- Мы в Новый год играем. Придешь?
- На Новый год Лида не приходит.

ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ, 1972

Полет на Марс

Электронно-вычислительная машина «Урал-2» стояла в вычислительном центре и занимала целую комнату, нам ее показывали, но она была не про нас, студентов. Свои курсовые мы считали на железном «Феликсе» — арифмометре «Феликс-М». Конструкция была очень похожа на миниатюрный кассовый аппарат с ручкой, но только вместо клавиш с цифрами у «Феликса» были рычажки. Умножить на два — крутишь ручку от себя дважды, умножить на семь — крутишь семь раз, и так по каждому разряду числа. Надо делить — крутишь на себя. Работа трудоемкая и не такая увлекательная, как дергать за струны, но все же вычисления идут значительно быстрее, чем на счетах с костяшками, и точнее, чем на логарифмической линейке.

Курсовой проект на пятом курсе предполагал, что у нас сформировался технический кругозор, а потому мы, как говорится, глубоко овладев комплексом инженерных знаний, взялись проектировать посадочный марсианский модуль. Одногруппник и фанат жидкотопливных ракет назначил себя главным конструктором и к себе в бригаду пригласил нас со Стецом. <...>

Отец упоминал, что они работают над марсоходом, по габаритам он меньше обувной коробки, и что его габариты ограничены мощностью наших ракет-носителей. А мы мелочиться не собирались, наш аппарат предполагал посадку на планету комфортабельной капсулы для двух космонавтов.

Об атмосфере Марса в печати почти ничего не было, еще никто ничего не знал, по крайней мере, отцовские данные были засекречены, и мне добыть их не удалось, так что нашему главному конструктору пришлось взять на себя ответственность проинтуировать плотность атмосферы красной планеты, сопоставляя размеры Марса и Земли и их расстояния от Солнца. Стец должен был рассчитать температурные поля, а мне выпало определить траекторию посадки. Известно было, что американские ракеты позволяют приземляться бомбочкой, но я проявил высочайший патриотизм по отношению к нашим менее мощным ракетам и выбрал схему с аэродинамическим качеством, когда аппарат планирует в атмосфере по направлению вращения планеты. По мнению нашего главного, с расчетами я справился хорошо.

Поскольку рисовать можно было самое простое, я выбрал спальные места для космонавтов — они же должны провести на Марсе несколько суток. Проработал все известные мне виды коек и выбрал, на мой взгляд, оптимальную схему: две полки одна над другой.

— Купе спального вагона вы нарисовали отлично, — сказал преподаватель, — а как вы будете взлетать и примарсианиваться с перегрузкой 5g? Слышали про позу эмбриона, молодой человек? Так знайте же, взлетать и садиться лучше сидя, а спать — уж как придется. Вам еще, может быть, пригодится.

Диагноз, вынесенный когда-то преподавателем по машиностроительному черчению, что конструктора из меня не получится, подтвердился, но в целом проект удался, и каждый из нас троих получил по «пятерке».

Жанна д'Арк

Синий-синий плоский фон, зеленые стрельчатые листья, тяжелые головки бутонов оттягивают вниз мясистые стебли, пригибая их к покрытому светлой скатертью круглому столу. Свет падает слева, и листья, и бутоны, и скатерть, сделанные крупными мазками, кажутся почти плоскими. Тени от листьев протяженные, неяркие, но обводка теней, своевольно повторяющая рисунок листьев, — неожиданно смелая и контрастная, она-то и решает пространство картины и создает тот причудливый узор, который притягивает взгляд. Мы надолго прилипаем к витрине, хочется понять, как сделано это чудо.

— Давай я куплю тебе...

— Картину? — смеется Лида.

— Цветы!

— Нет, давай ты купишь эскимо, мы будем есть и представлять себе, что это тюльпаны.

Понедельник, будний день, а на Невском, как всегда, не протолкнуться. Тетка добывает из своей тележки два эскимо, и мы идем дальше, в сторону Адмиралтейства. Лиде тоже нравится «Сто лет одиночества». Вокруг апрель, весна, и ничего еще не потеряно.

Накануне Дня космонавтики нас зовут в комитет комсомола. Обком для поездки по стране организует агитбригаду, которая будет выступать в местах, где работают студенческие стройотряды. Отправление в начале июля, возвращение в конце августа. К пассажирским поездам будут прицеплять специальный вагон и оставлять на ключевых станциях на день выступлений. В поездку обещают собрать молодых артистов, в основном студенческую самодеятельность.

Я сразу прикидываю, что можно позвать ребят из Эстрадного театра с несколькими номерами, а с ними Лиду, и рассказываю ей об этой идее:

— Подумай, придешь на концерт — обсудим.

Концерта ко Дню космонавтики не получается: будний день, среда — и празднование ограничивается торжественной частью и танцами. А мы только что сделали «Monkberry Moon Delight» Маккартни из его первого после распада «Битлз» диска «Ram». Текст песни темен, но вещь-то клевая и заводная.

Когда все заканчивается, еще не успев отойти от сценической горячки, я подхватываю Лиду на выходе и сразу набрасываюсь с вопросами:

— Как тебе сегодня? Ты подумала, едем?

— Нет, я не поеду. Я нашла подработку, мне деньги нужны. И родители точно будут против.

— Ну да, денег там не заработать, зато страну посмотрим.

— Еще посмотрю. Ты куда? Мне на метро.

— Ну подожди, не только страна. Пошли до Невского пройдемся, там сядешь, я тебе по пути расскажу. Представляешь, с таким репертуаром прокатиться. Признайся, здо-

рово же Маккартни у нас получился. И концерты по всей стране: Коми, Казахстан, может, и до Сибири доберемся. Такой шанс!

— Вы будете выступать, а мне что делать? С шапкой по кругу?

Мы уже подходим к Московскому проспекту, Лида сворачивает на переход к метро, и тут я брякаю в шутку:

— Зачем с шапкой, будешь билеты продавать.

— Ах так, билеты! Вот тебе билеты!

— Лида, я же пошутил, не бей!

Я уворачиваюсь от нее, мы проскакиваем этот страшный переход к метро и устремляемся к Фонтанке. Путь к Невскому открыт и представляется мне таким же длинным, как путь по стране.

— Ну смотри, во-первых, с нами поедут студенты из Театрального института, знаешь Андрея Толубеева, сына народного? Кто-то еще из Театралки, тебе будет интересно с ними.

— А им со мной?

— Ну, ты же будешь концерт вести, позови еще кого-то из вашего театра, можно пару сценок подготовить. Или свой отдельный номер.

— Ага, теперь ты мне конференс предлагаешь вести. Развлекать публику в промежутках между номерами.

— Лидочка, ты как артистка можешь рассказывать о съемках, о своем фильме — все же киноартисты разъезжают по стране. Поделишься опытом.

— Поделишься опытом? Да пошел ты, хватит с меня!

Мы уже почти подходим к Фонтанке, и тут она разворачивается и чуть ли не бегом пускается к метро.

— Ну подожди, Лида! Я опять что-то не то сболтнул? Ну прости, я ведь ничего не знаю!

— Вот именно, что ничего не знаешь, а болтаешь все время и думаешь только о себе.

— Я только и думаю, что о тебе! Ну что с тобой, ну расскажи, может, я помогу.

— Поделишься опытом! Как я по больницам да по психушкам гастролировала?

— Господи, что ты такое говоришь.

— А ты понимаешь, что почти весь фильм был уже снят, и я играла главную роль, и вдруг — бац! Прихожу на студию, а мне говорят, что мой пропуск аннулирован, и меня на съемочную площадку не пускают и никуда не пускают! И никто со мной разговаривать не хочет!

— Клянусь, я ничего не знал.

— И никто ничего не знает, я и тебе не собиралась говорить, ты меня достал просто. И попробуй только рассказать кому-то!

— Конечно, не расскажу. Но это же какая-то подлость.

— Вот именно подлость, и он даже ни разу со мной не встретился с тех пор, не поговорил даже, не объяснил. Я же из-за этого чуть с ума не сошла!

— Кто он?

— Да режиссер! Я тыкаюсь в разные места, и всюду один отказ, и мне никто ничего не объясняет. А оказывается, он буквально все переснимает с другой актрисой. И вот фильм выходит, и о нем говорят, а обо мне никто ничего не знает. Но это я еще как-то пережила. А следом у него выходит еще фильм, и тоже с ней, и он уже гремит чуть ли не на весь мир, и вот это меня уже окончательно добивает. А цинизм, с которым он сцену прямо про меня вставляет в фильм, а! «Как насчет работы? — Какой работы? — Мо-ей. — А на вас нет заявок. — Почему?! — Вот тут уж я не знаю почему. А вы к вашему ре-

жиссеру обращались? А вообще-то, он сейчас в санатории лечится». Представляешь, он в санатории, а я у психиатра!

И тут я с ужасом начинаю понимать, что второй фильм, о котором она говорила, я только что посмотрел, и эта сцена — одна из самых трагических, прямо так и стоит перед глазами. А музыка, под которую там пляшут на танцплощадке, ее почему-то цыганочкой объявляли — «Man of Mystery» группы «The Shadows», я не мог ее пропустить, мы эту тему играли еще в Бегуницах. Тоже в самом начале.

Фильм сильный, а актриса в нем просто потрясающая. Не представляю, как Лида сыграла бы в нем. Я совсем растерялся, как тут можно отреагировать.

— Почти весь фильм был снят? Ужас какой. А как ты вообще туда попала, у тебя же нет театрального образования, где он тебя нашел?

— Я в самодеятельности играла — он это тоже вставил в фильм! Вот что меня окончательно добило: взять кусок жизни, а человека выкинуть.

— Вот почему ты все время цитируешь «Все на продажу».

— Вот именно, это еще Феллини придумал. И Вайда, и этот тоже запал. Взять человека без актерской наигранности, наивную, похожий типаж, и показать открытие творческого начала. И не такая уж я бездарь, меня же снимали в главной роли, и фильм выходил на экраны, я там одна, по сути, и играю.

— Что за фильм?

— Неважно. Его никто не заметил. И Жанну Д'Арк я могла бы сыграть. Может, иначе, но сыграла бы, у меня тоже сильный характер!

Мы шагаем взад и вперед по Московскому проспекту от 1-й Красноармейской до Фонтанки мимо Института метрологии имени Менделеева и так орем, что, будь это дневная пора, могли бы отвлечь научных сотрудников от хранения эталонов метра и килограмма. Лида говорит, а я вспоминаю расклеенные по городу афиши, пытаюсь представить себе, что она должна была чувствовать, постоянно натываясь на них. Если все было так, как она говорила... А у меня нет оснований ей не верить: два года академки просто так не дают.

И все же, все же... Когда мы слегка успокаиваемся, я решаюсь сказать:

— Лида, только не обижайся, там не только сильный характер. Тот первый фильм я не видел, видел второй, и если честно, то он очень мощный. Трудно даже представить, что там могла быть другая артистка.

И она отвечает уже сдержанным тоном:

— Ну, пусть со мной у него не вышло, но по-человечески можно было объяснить-ся? А так будто на собаке Павлова — эксперимент поставил и выбросил.

Чуть медлит и добавляет:

— Он нашел свою Джульетту Мазину, я тоже найду человека, который мне нужен.

Молча мы сворачиваем на Фонтанку и идем по набережной в сторону Невского. Трудодобивый, хлопотливый ход воды успокаивает. Я смотрю на воду, и мне кажется, что у реки есть своя цель, она не зависит от нас, от наших переживаний, такая полноводная, она поглощает всю людскую суету.

Я думаю о том, что мне жалко Лиду, но помочь ей я не в силах. Все уже произошло, и, скорее всего, ничью помощь она не примет, да и не нуждается она в помощи. Обнять бы ее, как маленькую девочку, но она держится так независимо, так отстраненно, что я никак не могу на это решиться. Волшебное притяжение, которое бросило нас друг к другу два года назад, кажется сейчас невозможным. <...>

А вот и мост Ломоносова, улица Ломоносова.

— Пошли, перейдем, посмотрим, что в Пушкинском идет. Может, сходим на прощание.

— Давай. На прощание? Значит, прощаемся? Ну, давай.

— Я инженер и очень трезвый человек. Я тебе рассказала свою историю, и теперь она в прошлом. Я все это пережила и похоронила, актерская профессия не для меня, и не хочу больше об этом вспоминать.

Она замолкает и потом добавляет:

— Сейчас будет сессия, потом диплом, и мне надо серьезно подумать, чем заниматься после окончания. А ты, конечно, поезжай с агитбригадой, потом расскажешь. Я люблю тебя слушать, и Маккартни у вас получился на пятерку.

ЛЕНИНГРАД ДЕЛАЕТ КНИКСЕН, 1972

Президент Никсон

Пятый курс катился к концу, и в весеннюю сессию, кроме обычных экзаменов, нам полагался государственный «по войне». Несколько лет военная кафедра растила из нас лейтенантов-инженеров береговых ракетно-артиллерийских войск, а выросли наоборот, инженер-лейтенанты — это переименование подоспело. И теперь то, что выросло, готовилось к госэкзаменам. Староста группы приносил на самоподготовку в специальную аудиторию секретные тетради из первого отдела с конспектами лекций и раздавал их студентам под роспись в ведомости, а в конце занятия собирал и сдавал обратно. Возможно, ничего особо секретного там и не было, хотя какие-то схемы мы изучали, а может быть, нас таким образом на будущее приучали работать с секретами. И рабочие заметки нужно было делать в таких же прошнурованных и пронумерованных тетрадях, воспетых в нашем институтском фольклоре.

Стоял май, в большие окна заглядывало солнце, солнце бурлило и в крови, а мы должны были сидеть в закрытой аудитории, даже без преподавателя, и заставлять себя изучать какие-то дурацкие устройства по каким-то дурацким тетрадкам. Кто-то, может, и думал на этих занятиях о ракетах, но большинство маялось дурью: кто играл в преферанс, кто курсовые считал, а кто и просто отсыпался.

Всеобщий интерес вызывали только два события: Постановление № 361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», которое сразу обозвали постановлением № 3-62 (по новой цене поллитровки), и прибытие в тот же день Ричарда Никсона.

— Народ, слышали анекдот? К приезду Никсона Ленинград делает книксен! Видели, что делается, по всему городу сирень распустили!

Подумать только, война во Вьетнаме в самом разгаре, а мы собираемся принимать президента США «в теплой дружеской обстановке». А как жесточенно советские газеты и журнал «Крокодил» громят американских империалистов! Какие песни протеста поет американский ковбой Дин Рид! И вдруг новость: первый в истории СССР официальный визит президента США. За две недели планируется подписать огромное количество экономических соглашений, договор о нераспространении атомного оружия и, главное, провести переговоры о совместной космической программе.

— Мужики, может, мы зря боевые ракеты зубрим, может, перекуем мечи на орала!

— Да, щас, — это Славка, который живет на Московском проспекте, — то-то нас предупредили не подходить к окнам, чтобы не заработать пулю от снайпера. И на лестницы выходить не велят, чтобы доступ на крыши им обеспечить!

— А островки-то безопасности на Московском убирают. Чтобы простреливалось лучше, как в Далласе?

— Просто чтобы с понтами четыре полосы кортежу обеспечить, а к новому аэропорту современное скоростное шоссе строят. Цену набивают.

- Суперсовременное, аж целых полтора километра.
 - А на Гродненском американскую резиденцию открывают.
 - Скажи лучше, Америку открывают. Это старая резиденция, она там до революции еще была, а сейчас детский дом оттуда выгнали, особняк отремонтировали, а в подвале соседнего дома ателье МВД по индпошиву, они там прослушку перелицовывают.
 - То-то у нас на институте американский флаг вывесили, все делегации с Московского проспекта на нашу 1-ю Красноармейскую поворачивают, мимо нас не проскочат.
 - Ага, флагшток как раз под окном начальника первого отдела!
 - Нет чтобы плакат «Янки, гоу хоум!» натянуть.
 - Уж если натянуть, так лучше пусть джинсы. «Дик, джинсы давай!»
- Через переменку Влада вызывают в первый отдел.
- Говори, кто тут теракт против американцев готовит?
 - Какой теракт, я ничего не знаю.
 - А плакат «Янки, гоу хоум!»?
 - Так это же шутка!
 - И кто так пошутил, фамилия?
 - Я не видел, кто-то сзади.
 - Смотри, если что случится, ты первым из института вылетишь!
 - А я-то за что?
 - Ты зачем фамилию менял? В Омск на практику с одной фамилией поехал, а допуск на другую! Мы к тебе давно приглядываемся.
 - Вот, — жалуется нам Влад, — я, можно сказать, всею скорбью скорблю мировую, Грудью дышу я всем воздухом мира, Никсона вижу с его госпожою.
- И вот тебе раз! Иностранная глава — прямо глаз в глаз, к голове голова.
- Никсон прилетел в Ленинград 27 мая, как раз на День города, и ничего с ним на этот раз не случилось. В Москве ему вообще были очень рады, говорили, Никсона почетным гражданином надо сделать, какую красоту в Москве навели: что-то покрасили, в очередной раз что-то снесли и цветочки высадили. Магазины на всякий случай завалили продуктами, и даже Ленинграду что-то досталось.

Лишние проблемы

В тот же день 27 мая студент консерватории Сергей Белимов, друг по музыкалке, отмечал свой день рождения. <...>

Сергея сидел в своей излюбленной позе бочком к столу и курил, небрежно сбрасывая в блюдечко пепел от «Беломора». Он уже женат, двухлетняя дочка спит за стеной, а мы сидим на кухне с его женой, студенткой музыкального училища, и пьем белое вино из чайных чашек. В их съемной квартирке быта никакого не наблюдается, наблюдается Серега в позе роденовского мыслителя, который среди домашнего хаоса витийствует на метафизические темы, а мы с его женой хлопаем глазами, пытаясь угнаться за ходом Сереговых мыслей.

— Ну послушай, все устали от всяческих -измов, ну что, живем мы этим, что ли? Жизнь одна, и что нам важно — семья, любовь, музыка, литература. Вот это важно. У тебя институт, у меня консерватория. Ты читал что-нибудь из латиноамериканцев?

— Да, «Дону Флор», замечательно, — с гордостью говорю я. Действительно, я недавно прочитал Амаду, хотя из-за постоянных репетиций времени на чтение особенно нет.

— А я серьезно увлекся латиноамериканцами, просто подсел на них: Карпентьер, Амаду, Маркес, Неруда. Не могу оторваться. Они реальность по-другому переживают,

не так рассудочно, как европейцы, у них все свежо, всё — страсть и магия, и всё, даже кулинарные рецепты — всё лирика. Хочу для выпускной оратории выбрать что-нибудь из Пабло Неруды.

— Неруды? Коммуниста? Лауреата Ленинской премии? Да кто ж его всерьез воспринимает? — удивляюсь я.

— Не только Ленинской, ты забыл про Нобеля. Нобелевку зря не дадут. Ну, коммунист — и хорошо, будут меньше приставать, почему не на стихи советских поэтов. Неруда — замечательный философ и лирик. Больше всего мне хотелось бы выскочить из соцреализма. Правда, до смерти надоело, а у Неруды настоящие модернистские стихи.

— Никогда бы не подумал, мне бы и в голову не пришло читать Неруду по собственной воле.

— Ну конечно, мы замкнуты в своем коконе, навесили на всех ярлыки и сами от них шарахаемся, а мир разный, многоголосый.

Он постоянно удивляет меня экзотическими интересами и неожиданными поступками. Когда нам было по шестнадцать, мы простояли ночь и купили билеты на концерт Вана Клиберна в Большом зале филармонии. Но Сереге этого было мало, он решил заполучить автограф, рванул за сцену, прорвался и получил-таки. Звал и меня, но я тогда постеснялся. Сейчас он собирается в фольклорную экспедицию в Дагестан.

— Там, в Дагестане, еще очень много Востока, надеюсь встретить незнакомые методы звукоизвлечения, музыка — это же не только классика восемнадцатого–девятнадцатого веков.

По классу композиции он учится у кондового, по его словам, Ореста Евлахова. Между ними идет ожесточенная борьба, профессор протестует против современных загибов, ему подавай «правильные советские мелодии» и классические формы. А Серега уже сам преподает во Дворце культуры «Кировец», и в его оркестре малыши, которые еще ничего не умеют, с азартом гремят на игрушечных ударных инструментах. Он им приносит маракасы, трещотки, бубны, пищалки. И в свои студенческие опусы тоже пытается вставить что-нибудь диковинное.

Со своими мягкими русыми волосами до плеч он больше всего походит на разnochинца или молодого семинариста, хотя увлекается не православием, а буддизмом и Востоком. Я завидую широте его интересов, особенно в области философии, хотя и знаю, что это не мое.

— Слышал песню Саласпилс?

— Которая «Поющие гитары»? Довольно драматичная музыка для рока.

— Вот именно, даже ты ее слышал, ее чуть ли не каждый день гоняют по радио. Только это не их песня, «Поющие» украли ее у «Аргонатов».

— Забавно, но в конце концов неплохо получилось, а? Они написали, а «Поющие» раскрутили, никто не внакладе.

— Меня возмутило, что большие, нисколько не стесняясь, крадут у маленьких, пока за руку не поймают.

— Ну что ты, такое сплошь и рядом.

— Но главное не это, там слова драматичные про концлагерь, про детский барак, про то, как нацисты ставили опыты на детях, брали у них кровь, оттого и музыка получилась драматичная. Но почему никто не говорит, что это был лагерь уничтожения евреев в первую очередь? И в детском бараке дети, скорее всего, тоже были еврейские.

— И в фильме «Щит и меч» про это тоже ни намек, — задумчиво говорит Серега. — У нас и слова такие произносить нельзя, само слово «еврей» считается неприличным. Тебе, конечно, это должно быть еще понятнее, чем мне, и обиднее.

- У брата в еврейских компаниях об этом только и говорят, там много отказников.
- Потому что это стало зацепкой для выезда. В диссидентских кругах обо всем говорят: самолетное дело, Сахаров, Солженицын, чешские события. Свободы нет ни для каких проявлений человеческого духа, только до народа ничего не доходит. Говорят, что перед приездом Никсона посадили всех отказников, чтобы, не дай бог, не вылезли со своей эмиграцией.
- Мне как раз сегодня анекдот рассказали, что к приезду Никсона Ленинград делает книксен.
- И правда, зачем Никсону лишние проблемы.

Ударник из ресторана «Универсаль»

Черная адмиральская шинель с золотым позументом — нашу учебную группу, которая решила отметить последний звонок в ресторане «Универсаль», встречает швейцар. Широкая мраморная лестница ведет на второй этаж, где красуются накрытые белыми крахмальными скатертями столы, меж которых плавают официанты в черной униформе. Все двигаются размеренно и чинно, суета толпы осталась внизу, на Невском, на нее мы посматриваем с высоты второго этажа через огромные витринные окна. Попастъ сюда можно только по благу — это Надежда, наш комсорг, постаралась через своего важного дядю.

Здесь все по-взрослому: закуски, тосты, небольшой эстрадный оркестр. Играют вроде неплохо, но репертуар в таком обрамлении кажется ужасно пошлым. «Шаланды, полные кефали», «Поспели вишни в саду у дяди Вани», даже «Эти глаза напротив» Валерия Ободзинского отсюда, из-за стола, уставленного оливье и заливным с петрушкой, слушать можно, только хорошенько приняв на грудь. Музыкантам лет за сорок, играют лениво, поглядывают по сторонам. Я пытаюсь представить, что «Муравьи» будут делать, когда нам станет за сорок, если пойти по этой дорожке.

Сидим, едим, пьем, девочек в группе только три — много не натапцнешь, да и парни не особо рвутся, только когда девчонки выдергивают по одному на танцевальную площадку, и много не напьешь по ресторанным-то ценам. Трое заядлых охотников обсуждают сравнительные особенности своих собак и охотничьих ружей. Как говорится, кто на улицу глядел, кто просто скучал, «Николай ногой качал». Глупо, конечно, было устраивать студенческую посиделку в таком месте, разве что поучиться «взрослой жизни».

Только Вова все бегаёт смотреть в оркестр, ему понравилось, как ударник выделяется. Он тоже уже в возрасте, но при этом лихо играет с барабанными палочками: то подбросит, чтобы палочка сальто прокрутила, и поймает, то провернет между пальцами, и стучать ему это не мешает. После пары рюмок наш ударник решается и идет знакомиться, перенимать опыт.

«Рыбак Заполярья», 1972

В начале июля практика закончилась, мы вернулись в город и стали искать концы в обкоме комсомола. И тут выяснилось, что артист Андрей Толубеев заболел, да и вообще вся затея с агитбригадой провалилась, но чтобы не терять лицо, обкомовцы пообещали отправить весь ансамбль куда пожелаем и бесплатно, но в пределах железнодорожной сети страны — стоит только, как по щучьему велению, пожелать куда и когда.

Если не получается с гастролями, то надо просить по максимуму. Экстренно посоветовавшись, мы и объявили это желаемое место — Сочи, здесь можно попытаться заработать, а если не получится, то хоть отдохнуть. Дата выезда — немедленно, точнее, через два дня. Нам клятвенно пообещали и дали человека для связи.

Где жить, где играть — понятия не имеем; решили послать разведчиков-квартирщиков искать «точку», а остальным вместе с аппаратурой выдвигаться позже, когда прояснится. Единственная зацепка — все тот же «Арсенал», они уже не первое лето играли на танцах в клубе на станции Лазаревская. В авангард определили Вову и меня. Влад взял шефство над Вовиной ударной установкой, Слава — над моей органолой, обещая привезти их вместе с аппаратурой в целостности и сохранности. Я бросился искать Лиду, но ее не было в городе.

Через два дня Вова с барабанными палочками и с рюкзаком, а я со скрипкой и сумкой с вещами отправились на Московский вокзал на встречу с обкомовским связным за билетами в Сочи.

Полупроводники

— Довезут в лучшем виде, — сказал комсомольский вожак, похлопал по плечу разбитного парнишку, бригадира проводников адлерского поезда, передавая ему с рук на руки нас с Вовой, а сам влился в толпу на платформе Московского вокзала.

— Пошли, — скомандовал бригадир, и мы отправились вдоль состава. — Я здесь, в штабном, — показал он на вагон в середине поезда, — вся бригада проводников наш студотряд, а я командир. Если что, обращайтесь ко мне.

Вову он пристроил в соседний вагон, а в следующий — меня, наказав каждой из проводниц взять на себя опеку над новичками. Мы-то думали, что обком обеспечит нас нормальными билетами, теперь поняли, что нас определяют как бы вторыми проводниками.

Проводницы, студентки-второкурсницы Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, безропотно уступили нам свои служебные купе, а сами забились в рабочие, где спать можно только на верхних полках над чайным хозяйством. Когда поезд тронулся, Вова прибежал ко мне:

— Опять в авантюру вписались. Но скажи, все-таки к морю едем. Чего думаешь, друг-полупроводник?

— Сам ты это слово. В прошлом году хоть знали, куда едем, а теперь... Вдруг ничего не найдем?

— Плевать, зато юга, море. Ты был когда-нибудь на югах? Я никогда.

— И я никогда. До института только в Прибалтике был.

— А мы с отцом помотались по стране. Он шесть гарнизонов, а я шесть школ сменил.

— И что, после диплома обратно в Тамбов, к родителям?

— Ну уж нет, родители родителями, но с Тамбовом меня ничего не связывает. Год жизни, драка, сломанный нос, и больше вспомнить нечего.

Вошли наши проводницы, они тоже парой ходили.

— Хотите чаю? Титан вскипел. — Стесняются, в лицо не смотрят. Вова вскочил:

— Давайте мы сами нальем и вам поможем.

— Что вы, сидите-сидите, мы принесем!

Я достал мамины бутерброды, разложил на столике.

— По-барски устроились, — Вова поставил стакан в подстаканнике на полку рядом с собой, потянулся и, позвякивая ложечкой, сказал:

— Вернемся в город, надо будет искать, как зацепиться после диплома, потом уже поздно будет. Тебе-то проще.

— Не проще, а однозначней. Деваться-то некуда, у меня бумага с папиной работы. Хочешь не хочешь, а из-за пятого пункта все равно больше никуда не возьмут. И диплом буду там делать. Отец к своему директору ходил, просил запрос подписать на распределение.

— У тебя пятый пункт, а у меня прописка. В Ленинграде общежития не получить, а без прописки на работу не берут. Заколдованный круг. Если не дергаться, только Сибирь светит или Урал, в лучшем случае Подмоскovie. А я страну повидал, больше не хочу. Придется крутиться, чтобы в Ленинграде остаться.

— А с музыкой как?

— С музыкой? Как получится. Но не буду же я всю жизнь стучать на барабане, у меня цели повыше.

Рано утром Вова нарисовался в моем купе.

— Вот у своей проводницы метелку стибрил, пол в вагоне подмел. На-ка подмети тоже.

— Бригадир приходил, говорит, будете чай наливать, имей в виду, лимон — враг проводника, чай обесцвечивает. А сода — наоборот — друг проводника, заварку ярче делает.

— Ко мне тоже приходил. Я его спрашиваю, на чем они зарабатывают, не на чае же. Он смеется: с чаем одна морока. Только на зайцах и посылках.

Днем все было спокойно, к вечеру вдруг шухер: на узловой станции Иловайская в поезд села бригада ревизоров.

— Зайцев ловить будут, — прокомментировал Вова.

И тут оказалось, что зайцы — это мы. Прибегает проводница, сует спецключ — треугольный ключ, которым все двери в поезде открывают, и передает команду бригадира ходить по составу из вагона в вагон, чтобы нас не сосчитали. А еще говорит, в поезде едут парень и девушка, тоже студенты и тоже без билетов. Они незнакомы, но бригадир поставил их в тамбуре и велел целоваться взапас. Ревизоры, дескать, постесняются прервать процесс и пройдут мимо. Мы раз шесть проходили туда-сюда и отворачивались — душераздирающее зрелище. Тактика сработала: ни их, ни нас не поймали, но бригадир сказал, что все равно пришлось откупаться — порядок есть порядок, ревизорам тоже надо заработать, хотя, конечно, чем меньше нашли нарушений, тем меньше платить.

Мы пытались понять, как девчонок отблагодарить, что они везли нас зайцами и какого лешего бесплатно. Начальник велел? А начальнику его начальник? Обычные приемы — петь песни и травить байки — тут не подходили, да и они дружить не рвались, тогда мы стали воровать у них работу.

— Девчонки, а давайте мы вам титан вечером растопим!

— Отдыхайте, мы сами все сделаем.

Но мы все-таки взяли титаническую работу в свои руки.

Ближе к концу поездки девочки, однако, оттаяли, а мы с Вовой почти вошли в роли вторых проводников, которые в теории на каждый вагон полагаются. Работы оказалось немало: принести топливо из угольного ящика, растопить титан, подмести вагоны, разнести чай, собрать посуду, помыть посуду. На остановках старались выскочить и купить у бабок горячую картошку с огурцами, чтобы потом чуть ли не насильно делиться со своими напарниками. На стоянке в Туапсе удалось урвать две шоколадки, а перед Лазаревской всучить их нашим хозяйкам в знак благодарности. О деньгах речи не было, они и шоколадки стеснялись брать.

Станция Лазаревская

Друзья из «Арсенала» размещались на втором этаже клуба при стадионе, который вечерами превращался в танцплощадку под открытым небом. Жили на зависть просто и гармонично: море, солнце, танцы. После окончания обычно скидывались на вино и славную закуску из хлеба, плавленых сырков, помидоров и зелени. Вино называлось «руб-литр», его продавали почти все местные.

Мы приехали к вечеру и успели убедиться, что после такого вина голова ясная, а ноги не идут, и со второго этажа можно только скатиться на пятой точке. Спать нас устроили прямо на сцене клуба. Мы постелили под себя старые портьеры, укрылись флагами и, блаженно засыпая, продолжали строить предположения относительно вина, с табаком ли оно, крепленое ли...

Утром мы с Вовой отправились в сторону Сочи прочесывать клубы на побережье, перемещаясь из поселка в поселок на редких поездах и попутках. Переночевали у ребят и снова на поиски, за два дня проверили все возможные точки от Лазаревской до Сочи.

— Здравствуйте, мы музыкальная группа из Ленинграда, могли бы играть у вас на вечерах!

Эту фразу мы отработали до автоматизма, типа, сами мы не местные. Обычно нам и отвечали: «Бог подаст».

В самом Сочи даже и не пытались, там все давно схвачено, а на главной площадке играли «Кочевники», группа из Театрального института.

Ребята приезжали завтра, а точки не было. Накануне прислали телеграмму, что выехали, не дожидаясь команды. Что делать — неясно. Я остался встречать, а Вова поехал проверять часть побережья от Сочи до Адлера. Договорились, что я привезу всех в Адлер, на конечную станцию, а там видно будет.

Поезд из Ленинграда приближается, стоянка минута, я бегу к вагону, ребята на площадке уже готовятся сгружать аппаратуру, но я издали кричу: «Отбой, едем дальше», вскакиваю в тамбур, и поезд трогается. Друзья из «Арсенала» машут вслед. Что нас ждет в Адлере, неизвестно. Весь коридор в вагоне забит нашим багажом.

Кудепста с видом на море и обратно

А ждет нас Вова с радостным известием, что нашел точку. Вот так всегда, если Вова что-то очень нужно, он затевает приключение, и провидение торопится ему навстречу: он входит в кабинет директора очередного пансионата в поселке Кудепста, с почти родным названием «Рыбак Заполярья», задает стандартный вопрос, не нужны ли музыканты, и отставной пират с интеллигентным лицом отвечает:

- Нужны, если бесплатно.
- Ну хотя бы еда и жилье?
- Да сколько угодно, только играть каждый день.

И мы размещаемся высоко на склоне горы на втором этаже главного корпуса с колоннами псевдоклассической архитектуры, в покоях размером с бальный зал. Восемь кроватей, застеленных белоснежными простынями и одеялами с пододеяльниками, для нас шестерых. Напротив входной двери окна во всю стену и выход на парадный балкон, оттуда вид на море, а внизу под ним натуральные субтропики.

Бежим осматривать открытую танцплощадку неподалеку от нашего корпуса. На стоящая, не как мы привыкли, а как в кино, окруженная забором, с монументальным

подиумом для оркестра. На площадке баянист и один пьяный отдыхающий. Двое детишек бегают по диагонали, из угла в угол. Подходит директор:

— Ну как вам? Я хочу оживить это место.

— Оживим, — кричим мы хором.

И это оказывается Вовин день рождения, двадцать два! Мы отмечаем его вином и плавленными сырками и идем купаться в море, впервые в жизни. От полноты чувств именинник окунается прямо в джинсах. Они потом высыхают и колом стоят в углу нашей комнаты, пугая претенденток на лишние кровати и напоминая при свете луны человека-невидимку.

Танцы и впрямь оживляются. Аппаратура мощная, ансамбль на пике творческой формы: как-никак лауреаты конкурса вокально-инструментальных ансамблей Ленинского района Ленинграда к столетию со дня рождения Ленина! И репертуар как нельзя более ленинский: под ритмичные аккорды «Monkberry Moon Delight» Пола Маккартни с его диска «Ram» публика заводится с пол-оборота. Тут вступает Влад в образе хриплого мага и волшебника и вводит народ в экстаз.

Через день на площадке не протолкнуться, а через три дня в нашу Кудепсту приезжают уже автобусами, директор, потирая руки от удовольствия, ставит людей продавать билеты. С горы музыка разносится далеко, а слухи еще дальше, от Хосты до Адлера. Шеф проявляет некоторое беспокойство: «Мужики, вы бы играли потише, что ли!», но в целом он доволен, сборы растут.

Саша разливается соловьем на фоне кипарисов и звездного неба. Его сладкоголосые лирические песни притягивают молодых курортниц. И Саше опять сыплются записки: «Хочу ребенка от Муравья».

Побережье переполнено отдыхающими, танцы — единственное доступное развлечение, а недоступных тоже особо нет. Выступления продолжаются часами. Дикарями в основном отдыхает молодежь, пансионатские — постарше, для них мы со Славой (приходится петь в два голоса, чтобы противостоять Саше) делаем из репертуара Леонида Утесова:

Когда проходит молодость, длиннее ночи кажутся, —

и срываем свою долю популярности у народа посолиднее. В столовой пансионата нас начинают закармливать на убой.

Мы все же тешим себя надеждой, что не скатываемся в ресторанный репертуар.

— Да это только сезонная уступка, — говорю я своему другу Сергею, который в промежутке между двумя фольклорными экспедициями от консерватории заскакивает ко мне на несколько дней.

У нас все время кто-то живет, приезжают фанаты, старые и новые друзья и подруги. Иногда на запасных кроватях ночует по два человека, кто-то в спальнях мешках занимает места на полу, а когда и этого не хватает, то Саша и Слава благородно уходят спать на первый этаж, в актальный зал пансионата, на сцену.

Несколько ночей болтаем мы с Серегой на балконе под звездами, потерявшись во времени и пространстве. Говорим обо всем и, конечно, о том, что меня больше всего волнует:

— Ну смотри, мы же всегда стараемся вносить изменения и в программу, и в аранжировку, чтобы не заездить. Рок-группа начинает халтурить, когда становится профессиональной и играет каждый день одно и то же, а нам до этого далеко. Настоящее искусство только любительское, мне кажется.

— Представь себе непрофессионального дирижера симфонического оркестра, который импровизирует прямо на сцене. Вот это халтура и есть.

— А в джазе? Там же сплошная импровизация. Выходит, мы что-то среднее между джазом и большим оркестром. У нас все отрепетировано, но в проигрышах-то все равно импровизация. На стадионе или в большом зале себе такого не позволишь. А видишь публику вблизи — и такое волнение, вот тебе и импульс для творчества на сцене. Мы никогда не пьем перед игрой, как другие.

— Думаешь, реакция огромного зала или стадиона меньше заводит?

— Нет, но там какой-то другой кайф. И все-таки размеры зала не гарантируют, что ты не скатываешься в наезженную колею.

— Верно.

— Тогда что нужно, чтобы не застрять на месте? Свои песни?

— Какие-то свои простенькие у вас есть, но вряд ли их можно считать программными.

— Что ты хочешь сказать?

— Что отличало бы вас от других. Особый взгляд на мир, своя концепция.

— Это я понимаю, Сережа, у нас, вообще-то, компот, а не программа, я даже пытался несколько раз написать сценарий, хотел было сделать что-то слитное, единое, но все разваливается. Нужна какая-то драматургия, только мне ее не придумать.

— Ха-ха, драматургия! Драмы захотел? Как ты ее придумашь, если ты в душе соглашатель и тебе все хорошо? Поел — хорошо, поголодал — опять хорошо. Ну, прости, это я любя. Я думаю об искусстве по-другому. Искусство — это только новаторство. Только новаторство и есть искусство, это может быть в мыслях, в стиле, в темах, и неважно, сколько у тебя поклонников, тысячи или единицы. Важно только то, что ты хочешь и можешь сказать. Я тебе рассказывал про Кари Унксову, не думаю, что у нее много почитателей. Там совсем другой нерв, другой мир, вот где протест против общего места. Про ее круг говорят, что у них заумь, невнятица, скрытое противостояние системе, а мне она кажется самым большим поэтом сегодня. И ее мнение для меня важнее всего. Не знаю, насколько моя музыка будет популярна, но для меня, главным образом, значима оценка именно единомышленников.

— Не хочу я никакого противостояния, ни скрытого, ни открытого.

— А ты говоришь драматургия. Новое невозможно без борьбы. Только так и можно прорваться к известности. Вы же этого хотите?

— А нельзя разве подняться просто на любви к музыке?

— Посуди сам, эта ваша рок-группа — самый что ни на есть пубертат, смесь подросткового протеста и подражательство моде. Вот такая развилочка: если идти по пути протеста, надо делать что-то социальное, концептуальное, а если мода, тогда совэстрада, больше ничего вам делать не дадут. И куда вы повернете?

— Думаю, что мы повернем в инженеры, я-то уж точно.

Регистрация в Сочи

Идиллия продолжалась недолго, вскоре среди танцующих начались драки, и директор запаниковал: деньги — хорошо, а проблемы ему не нужны. Решил подстраховаться, вызвал Вову и объявил, что начальство требует, чтобы наша программа была зарегистрирована в отделе культуры Сочинского горисполкома.

— Принимают, к вашему сведению, по средам, а пока не регистрируете, играть не надо.

Мы собрались поехать на разведку во вторник и узнать подробности заранее, а заодно посмотреть наконец, что такое город Сочи.

Через час тряски и интенсивного потоотделения на городском автобусе «Икарус» типа «гармошка» мы высаживаемся возле здания исполкома горсовета. Кабинет, на двери табличка «Отдел культуры». Требования для регистрации программы напечатаны на бумаге стандартного формата и висят на доске объявлений рядом с дверью. В обязательную программу входят бальные танцы. Кроме фокстрота, танго и вальса, востребованы полька, краковяк и танец конькобежцев. Произвольная программа допускает твист (один), шейк (один) и никаких рок-н-роллов.

Выходим на улицу и устраиваемся бивуаком в тенечке возле горсовета, точнее, лежим плашмя прямо на асфальте. Что предложить Высокой Комиссии? Где наши пасадобль и ча-ча-ча? А что выдать за польку и полонез? Хорошо еще, что сарабанду и жигу из восемнадцатого века не просят.

Солнце жарит, воздух колышется над раскаленным асфальтом, все замерло, только бабочка одиноко порхает над исполкомовской клумбой, а мы тупо следим за ее полетом. И тут хлопает дверь, и из горсовета выходит пухлый лысоватый чувак, а Вова вскакивает и бежит ему навстречу: «Здравствуйте, вы меня помните?» Мы в недоумении продолжаем лежать, они о чем-то говорят, и Вова возвращается воодушевленный:

— Мужики, все в порядке, похоже, прорвемся!

Чувак из горсовета оказывается барабанщиком из ресторана «Универсаль» на Невском, и не просто музыкантом, а членом той самой комиссии, что дает разрешение выступать в Сочи! Вову он вспомнил сразу: высокий, худой, как ножик, с соломенными волосами, гений общения, мастер жеста — как не запомнить того, кто всего месяц назад рассыпался тебе в комплиментах!

— Я ему: комиссия, танец конькобежцев, полька, — рассказывает нам Вова, — а он мне: главное — выкрутите всю эту вашу электронную музыку на самый минимум, а лучше вообще без нее. С чего начинаете? — Мы когда-то начинали с «Одинокой гармонии» Мокроусова в джазовой обработке. Можем вспомнить. — Вот это хорошо. И спойте что-нибудь на голоса.

На прослушивание мы приезжаем с одним усилком, одной тумбой и двумя микрофонами — это дай бог десятая часть нашего боевого потенциала. Влад, главный по металлическому року, с усами скобкой, как у «Битлз», аккомпанирует на акустической двенадцатиструнной гитаре, а мы с Сашей и Славой поем на голоса «Алешкину любовь» и «Когда проходит молодость», но, вообще-то, главное, оказывается, просто появиться перед комиссией, вопрос о нашей сертификации уже заранее решен положительно.

Когда мы возвращаемся в пансионат с ксивой из отдела культуры и Вова артистическим жестом протягивает ее директору, у того вытягивается физиономия. Он внимательно читает бумагу и говорит:

— Но играть один раз в неделю, по вторникам. С довольствия я вас не снимаю, черт с вами, живите, как договаривались. А вообще-то, можете и не играть.

«Яма»

И это настоящий разврат. Мы лениво встаем, завтракаем, идем на пляж, играем в карты на одевание (раздевать на пляже уже нечего), загораем, плаваем, строим пирамиды из тел и фотографируемся. Потом возвращаемся в корпус, обед, тихий час или эпистолярный жанр — письма домой. Вечером у нас всегда кто-то из свиты, гости из Питера, вино, песни, девушки.

Через несколько дней идем с пляжа, подходят два парня, и бородатый спрашивает Влада. Я, говорит, знаю его еще по оркестру Дворца пионеров. Конечно, слухи,

что «Зеленые муравьи» играют в пансионате «Рыбак Заполярья», расходятся быстро, и мы не удивляемся, но вот же бородатый смотрит прямо на усатого Влада и не узнает его! А Влад смотрит на бородатого и тоже не узнает! Детки-то, оказывается, подростки. И тут же, как только они опознают друг друга, ребята (как оказывается) из группы «Генерал-бас» с ходу просят одолжить у нас усилитель.

Влад хорошо осведомлен о группе, как и они о нас. «Генерал-бас» проповедует в Ленинграде музыку английской рок-бэнд «Procol Harum», их композицию «A Whiter Shade of Pale» мы тоже играем. «Генерал-бас» участвовал даже в подпольном сейшене с польскими «Скальдами» в какой-то ленинградской школе. Там еще был замешан Коля Васин, главный битломан Советского Союза, они тогда наплели директрисе, что на «Ленфильме» снимается картина о подростках и на одну ночь требуется арендовать актовый зал, а сами устроили ночной сейшн. Легендарное дело, закончившееся посадкой одного из организаторов на два года.

Но за технику у нас отвечает Стец, который не очень-то склонен отдавать ее в чужие руки. Я его поддерживаю: свою скрипку, например, никому трогать не позволяю, поэтому мы со Стецом резко уходим вперед, оставив разговаривать остальных. Выяснилось, что парни играют на танцплощадке в Адлере и вчера у них украли всю аппаратуру. Они знали, что рядом играют земляки, и вот приехали за помощью. Настроение хуже некуда, они уже решили уезжать домой, надо только отыграть последний вечер.

Своя гитара, скрипка или усилитель — это святое, как корова-кормилица, но ведь и помочь землякам надо! Мы долго совещаемся, мнемся. Стец, Слава и я против, Саша (по доброте душевной), Влад (по дружбе) и Вова (общежитский опыт всем делиться) готовы помочь. В конце концов решаем отправиться вшестером вместе с усиликом на их точку. Как выражается Вова, корпоративная этика: своим поможешь — и тебе когда-нибудь нальют.

Так и выходит: парни из «Генерал-баса» отрабатывают вечер и знакомят нас с заведующим клубом, а тот с ходу предлагает нам ангажемент до конца сезона.

Площадку в Адлере в народе зовут «Яма», потому как располагается она в низине на берегу речки, позади кафе «Минутка». Рядом жилмассив частных домиков, и их хозяева совсем не рады толпам народа, громкой музыке, дракам после танцев, но как ни пытаются бороться, профсоюз строителей сильнее. Заведующий клубом «Строитель» колоритный усатый Славик Аракелян обещает нам половину сбора. Это наша первая договорная работа, опыта нет, и торговаться у нас и в мыслях нет. По-русски Аракелян говорит с тяжелым кавказским акцентом, поэтому договор приходится с его слов писать мне — мой первый в жизни договор, — потом он отдает его напечатать в профком строительной организации, которой принадлежит клуб, и подписывает у председателя. И никакой регистрации репертуара.

На наше первое выступление в «Яме» мы привозим из «Рыбака Заполярья» всю аппаратуру — ловим грузовик, загружаем и едем. Любой переезд — болезненная операция, обычно электроника не любит тряски, после переезда что-нибудь да вылетает, и приходится чинить. Но мы уже привыкли, что наша фирменная нас не подводит, и поначалу все идет хорошо, аппаратура включается, мы играем вступительный инструментальный номер, поем несколько композиций, все путем, и тут сгорает голосовой усилитель. Без него выступить невозможно...

Технический перерыв

Это настоящая трагедия — и дело не только в срыве выступления. Аппаратура определяет уровень группы. Музыкальность — необходимое условие, но недостаточное.

Музыкальность, а еще сплоченность, длинное дыхание нужны только, чтобы заработать деньги на аппаратуру. Добыл аппаратуру, теперь можешь расти дальше. <...>

И вот вылетает голосовой усилитель. Из инструментальной музыки программы не сделаешь. Публика, к счастью, шуметь не стала, было обещано в следующий раз пускать по тем же билетам. А когда в следующий раз? Стец с Сашей вскрывают корпус мертвого усилителя и, покопавшись, ставят крышку обратно. От выходного трансформатора пахнет горелым, наверняка еще транзисторы полетели. Требуется серьезный ремонт.

— Ну что, мужики, — сурово и скорбно подает голос Стец, — надо лететь в Ленинград. На месте не починить.

А в Ленинград улететь и обратно прилететь в Сочи в августе возможно? А найти комплектующие, быстро починить в пустом городе возможно?

Не знаю, где как, но в нашей стране всегда есть щель, куда можно протиснуться, и поэтому невозможного нет, нужны только характер и мотивация. Вот он, истинный ритм-гитарист! Пока он держит ритм, его роль не бросается в глаза, и только когда требуется что-то необыкновенно сложное, вдруг выясняется, что без Стеца ничего не работает.

Быстро собираем деньги, Стец прямиком отправляется в аэропорт, благо он рядом.

Оставшуюся аппаратуру в кладовке за сценой хранить опасно: именно эту кладовку и вскрыли, когда обокрали «Генерал-баса». Славик Аракелян, как обещал, оставил нам ключи от клуба, нести метров триста. Тумбы с динамиками все же приходится бросить в кладовке, их тяжело тащить и нам, и грабителям. Двери каморки еще днем укрепили.

Ночевать отправляемся в свой пансионат, не так уж и далеко: по шоссе час с небольшим. Теплый ветер с моря, аромат апельсинов и персиков, а мы идем и гадаем, что теперь делать. В унынии добираемся до санатория, и ни вино, ни фанаты, которые всюду с нами, не могут нас расшевелить.

Стец ночевать не явился, значит, либо улетел, либо сидит в аэропорту. Утром на завтраке в санаторной столовой нам вручают телеграмму:

«РЫБАК ЗАПОЛЯРЬЯ МУРАВЬЯМ ГОРОДЕ ТЧК ИЩУ РЕМОНТ СООБЩУ». Значит, улетел, хотя бы так.

Ожидание продолжается: черное-пречерное море, адское пекло, унылый пляж, безрадостные карты, скорбные вечера, ни минуты покоя! Вечером новая телеграмма:

«ПОРЯДОК ТЧК ВЫЛЕТАЮ».

Стец сотворил чудо: починил усилитель, достал билет на самолет и, как в каноническом случае, превратил нашу мертвую воду в живое вино, а при этом остался верен себе — детали операции не раскрыл, как ни пытали.

На волнах успеха

Прошло всего два дня, и мы снова выходим на сцену. Первые звуки гитар, Саша, как обычно, пробует микрофон: «Раз! Раз! Раз! Раз, два, три!», звук улетает в ночь, и народ еще в полумраке дежурного освещения собирается на площадке. Слава на басу тихоньку начинает заход из «Deer Purple», включаются прожектора, и мы видим море людей, и они все прибывают и прибывают.

Мы счастливы, потому что это уже сравнимо с большой ареной, про которую я врал Сергею, и душная южная ночь оборачивается в точности Вероной:

И вновь звучат слова любви по ночной земле.

Саша отдается вибрациям своего голоса, летящего поверх толпы, в разных местах первые пары начинают медленный танец, и, как от центров кристаллизации, исподволь движение расширяется, между ними протягиваются невидимые связи, и вот вся огромная площадка танцует, повинувшись волшебству мелодии.

Мы быстро подстраиваемся, Стец весь уходит в аккомпанемент, смотрит внутрь себя, и не поймешь, о чем он думает, Вова деликатно позванивает тарелкой и посматривает на танцующих, поворачивая голову из стороны в сторону, как радар, Слава деликатно колдует над басами, Влад наклонил голову и прислушивается, рассеянно глядя в пространство.

Я вступаю вторым голосом, следуя за Сашей как тень и добавляя звучанию новый объем:

В них счастья свет и в них беда,
В жестоком «нет» и в нежном «да».

Площадка исходит истомой, песня заканчивается. <...>

До самого конца августа на танцах аншлаг, одних билетов продается до восьмисот штук, не говоря уж о безбилетниках. И я больше не думаю, искусство это или халтура, мы купаемся в волнах успеха.

Каждый вечер после танцев мы переносим аппаратуру в клуб и плетемся свои пять километров на ночевку в пансионат. Идем вдоль шоссе, мимо каких-то зарослей, заборов. По дороге сады, их никто не охраняет, и как-то раз мы забираемся в такой сад и набираем груш и слив — поесть и взять немного с собой, на закуску. Выбираемся на шоссе, и тут перед нами тормозит патрульная машина. Милиционеры всех вяжут и везут в Адлер, в участок, разбираться. Погранзона, милицейская машина в вечернее и ночное время ежедневно патрулирует побережье. По дороге начинают опрос.

— Кто такие, что делали на шоссе, откуда авоськи с фруктами?

— Да мы студенты из Ленинграда. Гуляли, увидели бесхозный сад и решили нарвать для себя фруктов.

— Бесхозных садов здесь не бывает, даже если и нет ограждения. Придется отвечать за хищение государственной собственности. — Звучит угрожающе. — Что делаете в Сочи?

— Мы музыканты, живем в санатории «Рыбак Заполярья», играем на танцах и иногда в Адлере на разных площадках.

— Название группы?

— «Зеленые муравьи».

Машина неожиданно останавливается. Один их сотрудников патруля светит фонариком и внимательно осматривает наши лица, а потом многозначительно произносит:

— Да, это точно они.

Мы пугаемся.

И тут выясняется, что оба сотрудника патрульной машины много раз дежурили у нас на танцах в «Яме» и обратились в наших поклонников. Машина разворачивается, и нас с авоськами и с почетом в целости и сохранности доставляют в пансионат. Вот она, слава!

Сезон заканчивается тем, что завклубом берет с нас клятвенное обещание приехать на следующий год. На два месяца. Мы клянемся, что приедем, хотя совершенно не уверены. Точно знаем, что на будущий год, после диплома, нас уже распределят по предприятиям, и нам светит отпуск в двадцать восемь календарных дней, и не факт, что летом.

СО СЧЕТОМ 0:6, 1972–1973

Два театра

Мы приехали в Ленинград, и все закрутилось. На практике на меня оформили допуск и пропуск и приняли техником.

Еще весной отец поговорил с тремя начальниками лабораторий, где велись перспективные исследования, и они предложили совсем уж фантастические темы для дипломов. Первой была разработка экзоскелетона, как бы электромеханического робота-силача из комиксов, управляемого человеком, сидящим внутри. Такой аппарат мог бы разбирать завалы, укладывать мосты, поднимать тяжести. Вторая тема — рюкзак с реактивной тягой, чтобы подниматься в воздух и перелетать с места на место. Эти темы совершенно меня не вдохновляли. Третья лаборатория занималась оценкой боевой эффективности военной техники на основе математических моделей, конкретного проекта там для меня пока не придумали, но научиться строить математические модели мне показалось более перспективным, и я остановился на этом.

Белобрысый смешливый начальник лаборатории Борис Павлович или попросту Боря оказался свойским парнем, с ним все были на «ты». Держался он наравне даже со мной, постоянно шутил, рассказывал анекдоты, заигрывал с молодыми женщинами, а на работу частенько опаздывал, у него был свободный вход-выход. Чем занять меня на время практики, он не знал и от вопросов о дипломе отмахивался, мол, разберемся, не торопись, сейчас уборочная на носу.

Зато у Бори всегда можно было отпроситься, и очень скоро я этим и воспользовался. Рассчитав Лидино расписание, я ушел с работы пораньше, застал ее на кафедре, как и было задумано, как раз в тот момент, когда она собиралась домой, и увязался ее провожать. Я даже не ожидал, что Лида так тепло меня встретит и так обрадуется. Расстались-то мы прохладно и летом ничего друг о друге не слышали, а тут разговорились, как это бывало раньше, и я болтал, и она сама много о себе рассказывала.

На кафедре ей ничего не платят, только стипендия, зато все с ней очень мило, стараются помочь, объясняют, как маленькой, а заведующий обещал сам руководить ее дипломом. Я почувствовал себя по сравнению с ней буржуем: повышенная стипендия пятьдесят два пятьдесят плюс оклад семьдесят рублей. Это было бы совсем приятно, если бы еще не ездить на работу (с 8.25 до 16.55), да без опозданий (расписание смен было подстроено под расписание городского автобуса).

Между делом она проговорилась, что летом снялась на «Ленфильме» в нескольких эпизодах. Я про себя отметил, что, значит, она не совсем завязала со съемками, а я, значит, совсем ее не понимаю. Интересно, сколько ей там платят, если она хотела зарабатывать, и только ли ради денег она снимается.

А я рассказывал о нашей поездке. Впервые на юге, на море, много впечатлений, много переживаний.

— Слушай, если ты такой состоятельный ухажер, — сказала она под конец, — своди даму на что-нибудь приличное, в БДТ например.

Я обрадовался, помчался в театр и с боями отхватил на недавно поставленного «Ревизора» с Юрским, Басиладзиви и Лавровым и на спектакль «Два театра» польского режиссера.

За день до «Ревизора» она позвонила сама:

— Пожалуйста, не обижайся, никак не смогу пойти, извини! У меня родители приезжают из экспедиции, и я должна быть дома, у них нет ключей. Так неудачно получилось!

— Обидно, я рассчитывал. В субботу-то встретимся, ты помнишь про второй спектакль?

— Да-да, конечно.

Честно сказать, я адски надеялся, что все сложится хорошо, но боялся чего-нибудь подобного, хорошо зная ее несговорчивый характер и привычку все переделывать по-своему. Это же ее была идея, может, и правда родители приезжают. А почему им было не взять с собой ключи? Хотя они надолго в экспедицию, с рюкзаками, где держать, а дочка дома, всегда откроет. Ладно, в любом случае билеты хорошие, во втором ряду партера, жалко, если пропадут.

Я позвонил Наде, пригласил ее на завтрашний спектакль, и она охотно откликнулась. С ней мы тоже не виделись с весны, она обрадовалась моему звонку, и у нее накопилось много летних впечатлений, мы долго болтали, пока соседи не стали щелкать спаренным телефоном, намекая, что пора освободить линию, и мне удалось развеяться и немного отойти от обиды.

Спектакль оказался отличным. Мы с Надеждой шли по Фонтанке под неярким светом фонарей, обсуждали постановку, говорили о практике — она оставалась на кафедре, — о том, кто где, я провожал ее, немного печалась, что наша группа уже никогда больше не соберется у Нади, как бывало.

Дверь открыл Надин отец, капитан первого ранга, от которого она унаследовала свою прямоту и общительность.

— Давно не виделись, входи-входи. Чайку? Как тебе Фишер? Обыграл, гад, наших. Прямо будто под гипнозом.

— Спасибо, я побегу, мне завтра утром на работу рано.

— Все-таки Спасский два очка взял, да Фишер одно подарил. А с нулевым счетом и я бы мог ему проиграть, — кричал он вдогонку. — Ладно, беги. Заглядывай как-нибудь.

— Спасибо, загляну!

За чемпионатом мира все следили, и я, конечно, тоже. Наши держали первенство с 1948 года, а тут молодой американец громит матерых гроссмейстеров, как картонных. Марк Тайманов, а потом и Бент Ларсен, словно замороженные, продули ему 0:6.

Вот так же и я проигрывал свою партию, будто под гипнозом, только на другом поле.

На следующий день я поехал в институт, как бы случайно перехватить Лиду и отдать ей билет, надеялся, что она не успеет придумать отговорку. Я поймал ее в коридоре, но мне это не помогло.

— Хорошо, что мы встретились. Собиралась тебе звонить. Седьмого? Видишь, я помню, только должна извиниться, опять не смогу. Подруга переезжает, очень просила меня помочь, никак не отказать.

— Она что, ночью переезжает, что ли?

— Почему ночью, на всю субботу катавасия, и в каком виде я буду потом? Найдешь кого-нибудь пригласить? Жалко, если билет пропадет.

— Найду, — постарался я не выдать своей обиды и злости, но вряд ли мне это удалось.

На «Два театра» мы сходили опять с Надей, она легко согласилась, будто ждала этого приглашения, нарядилась, даже глаза подкрасила, чего я за ней никогда не замечал. В спектакле участвовали Юрский, Тенякова, Басиладзе, играли замечательно, но пьеса показалась такой странной, что мы ушли из театра в задумчивости. После спектакля я снова провожал Надю и снова жаловался, что на практике мною никто не занимается, руководитель не знает, что придумать для моего диплома, и главная моя работа — это уборка урожая в совхозе, а в свободное от морковки и турнепса

время я переписываю какие-то данные из одной таблицы в другую и таскаю колоды перфокарт на вычислительный центр, а уже октябрь.

Я немного освоился в лаборатории, и больше всего меня удивляло, что работа сотрудников заключалась главным образом в том, чтобы ничего не делать. Программировать среди пятнадцати человек умел один инженер, и еще один младший научный сотрудник пытался научиться. Остальные, включая двух кандидатов наук, либо пользовались таблицами, либо считали по формулам.

— Представляешь, — рассказывал я, — одна сплошная рутинная работа, а мне потом всю жизнь работать в таком месте.

— Ну уж, всю жизнь. На кафедре поживее, хотя бы молодежи побольше, но тоже, думаю, не передний край науки, — поддакивала Надя, — если делать нечего, может, стоит пойти еще куда-нибудь поучиться?

— Я уже думал.

— А что с «Муравьями»? Вас что-то не видать.

— Мы же все распределились в разные места, собираемся только раза два в неделю на репетиции. В институте новые ребята подрастают. «Гусляры», например, неплохая группа. На ноябрьских будем играть, но это уже последнее выступление, нас, скорее всего, выгонят после окончания института. Пропуска закончатся, и все. После диплома будем решать, что дальше делать. Вот, кстати, сейчас на сейшн в Елагин дворец зовут, приходи, институтских наверняка будет полно.

— Приду, если компания будет, а за театр спасибо. Надо подумать, как папе изложить неизлагаемое.

Сейшн в ЦПКиО

Елагин дворец в глубине ЦПКиО имени Кирова в темноте напоминал графские развалины. До революции это был шикарный дворец, в войну его разбомбили, а к 1960 году восстановили, как-то отреставрировали и тут же устроили на первом этаже однодневную базу отдыха, отчего он стал медленно деградировать. Зимой там в подвале даже выдавали напрокат лыжи и финские сани.

А сейчас здесь проходил подпольный сейшн. Горел тусклый свет, и хипари — музыканты и фаны, человек сто, — спускались по щербатой лестнице и кучковались в зальчиках под сводчатыми потолками, сцена располагалась в самом дальнем. Первой выступала группа «Зеркало», они играли тот же рок, что и мы, только вещи у нас разные, потом мы, за нами «Санкт-Петербург».

Мешались какие-то столы, стулья, между ними публика стояла, ходила, сидела, перемещалась из одного угла в другой. Выступление «Зеркала» услышать не удавалось, подвалы — не лучшее место для акустики, а мы к тому же болтались в первом зале при входе, общались со знакомыми.

Пришла Надя с ребятами из нашей учебной группы, около нее крутился долговязый рыжий парень с Лидинового потока. И Лида появилась, тоже со своими. Я было направился к ней, но тут дорогу мне перегородил долговязый:

— Надо поговорить. Что у тебя с Надей?

Ну вот, начинается. В нашем вузе каждая девчонка под прицелом многих пар глаз. Надя симпатичная, только я про нее почему-то в этом плане не думал.

— Мы с Надей друзья. А почему тебя это интересует?

— Интересует.

— Надо же, а меня не интересует, почему тебя это интересует. Мы с ней только что в театр ходили, и она меня не предупреждала, что она неприкасаемая.

Долговязый наклонился ко мне и сказал очень вежливо и отстраненно прямо в ухо:

— Ну смотри, я тебя предупредил.

Он выпрямился во весь рост и пошагал, как журавль, обратно к Наде, а я заметил, что Лида из своего угла внимательно отслеживает его передвижения. Подойти бы, но нас уже вызывали на сцену.

Подготовка у нас прошла гораздо оперативнее, чем у «Зеркала», все-таки фирменная аппаратура, и она не фонила, как у них. Играли мы самые хитовые вещи, и приняли нас очень хорошо.

— Ну как тебе? — подкатился я к Лиде, когда мы закончили.

— У тебя новая девочка? — она изобразила обиженный вид.

— С чего ты взяла?

— Да вот, говорят, видели.

— А кто говорит?

— Неважно. Так это правда?

— Что кто-то из твоих приятелей видел меня в театре? Ну да, я там с Надеждой был, из моей группы.

— Вот ты какой неверный.

— Я неверный? Ты же сама отказалась!

— Ладно, не оправдывайся.

Я не стал всерьез продолжать этот дурацкий треп.

Ребята начали пробираться к выходу, увлекая Лиду за собой. Она оглянулась, сделала примирительный жест и улетучилась. Надина компания тоже вскоре смылась, а я остался дожидаться окончания концерта вместе с остальными «Муравьями», чтобы забрать аппаратуру, так что объяснять что-то стало некому.

Боевая эффективность

Боря, начальник нашей лаборатории, был разгильдяем, но технические параметры помнил хорошо, а если вдруг что-то забывал, то во внутреннем кармане пиджака у него пряталась шпаргалка в виде записной книжечки с совершенно секретными данными. Благодаря памяти и шпаргалке он виртуозно и, главное, быстро готовил справки для начальства, а благодаря гибкости ума был в состоянии на основании одних и тех же исходных данных генерировать из них противоположные выводы. Если надо показать, что наш новый танк лучше западных образцов, Боря подбирал среди вероятностных параметров такие, где у наших пушек преимущество, да еще добавлял три процента разброса и доказывал на своей модели (в которую он не заглядывал, а заглядывал в свою записную книжечку), что наш танк побьет немецкий «Леопард» или американский «Абрамс». А когда начальству требовалось просить у правительства денег, он минусовал три процента, и оказывалось, что наши Т-62 хуже и, чтобы превзойти пресловутые танки потенциального противника, на доработки недостает запрашиваемой суммы. Со стороны это выглядело шулерской игрой, но что поделаешь, если надо для дела, значит, надо.

Игра игрой, но когда Боря разродился темой моего диплома — артиллерийский снаряд с реактивной коррекцией, я приуныл: но на что еще рассчитывать в такой лаборатории? Я не один, почти все наши получили распределение в закрытые конторы: там платят гораздо больше, и вся наука там. <...>

Ну что ж, пофантазируем на артиллерийскую тему. Артиллерия — бог войны.

А у нас приближался традиционный ноябрьский концерт ко Дню артиллерии, к которому мы давно готовились. Фактически это был прощальный концерт в институте, и надо было что-то решать.

Прощальный концерт

Занавес пошел, и через свет софитов, которые слепили, но окончательно не ослепляли, мы увидели, что не только все сидячие места в актовом зале заполнены (а он большой, на восемьсот мест), но и проход вдоль правой стены, где входные двери, забит людьми, и в конце зала, где кинобудка и еще одна входная дверь, тоже толпа. Первые звуки, и народ ревом встречает каждый аккорд, а мы выдаем все, на что способны. Чередуем более лирические, где солирует Саша, и крутые, в которых поет Влад. И несколько Славиных песен, и, наконец, коронные «World without Love» Пола Маккартни и «Осень» — все народ принимает бурно, с энтузиазмом.

Мы заканчиваем самой нашей убойной песней — «Monkberry Moon Delight». Народ заводится по полной: кричат, встают с мест, топают, хлопают — скандируют. За кулисами с красным лицом и выпученными глазами дергается доцент Томсинский, отвечающий за самодеятельность перед парткомом, скрещивает поднятые руки: «финиш». Мы видим его боковым зрением, но продолжаем играть, хотим доиграть и поставить ударную точку. Вдруг ближе к концу песни что-то странное происходит с акустикой, шквалом нарастают искажения, и голосовой усилитель отрубается. Томсинский, пользуясь ситуацией, резко закрывает занавес. Народ в зале на секунду затихает, потом рев возобновляется. Мы пытаемся включить усилитель снова и снова, но он каждый раз отключается от какой-то перегрузки. На сцену к нам на помощь прибегает самый большой спец по усилителям барабанщик «Аргонатов» Петья Жеромский, но и он бессилён, ничего не может сделать. Томсинский выходит из-за занавеса к публике и объявляет, что по техническим причинам концерт окончен, а вернувшись к нам, орет:

— Сваливайте со сцены!

Занавес больше не открывается, публика постепенно успокаивается, шум умолкает, и зал пустеет. Как школьники, наказанные за плохое поведение, мы выключаем аппаратуру и начинаем сматывать провода. Собираем аппаратуру и спускаем ее за сцену, в артистическую, и тут Стец негромко говорит:

— Мужики, я нашел иголку, когда сматывал провода, кто-то проткнул насквозь провод от голосовой тумбы к усилителю, от этого коротыш и перегрузки.

Я даже подумал, что он шутит, так не хотелось верить в злой умысел. Даже если это правда, то выяснить, кто это сделал, невозможно. Лучше не думать об этом.

И все же это успех. После концерта за сценой царит эйфория, начинается паломничество знакомых и незнакомых фанов. Лида появляется под конец, когда нас уже поторапливает охрана. Ну как же, даже не посидеть, все-таки последний раз в институте играли.

— А что, ребята, может, зайдём ко мне, — неуверенно говорит Слава. — Как-нибудь разместимся.

Я набираюсь храбрости, подхватываю Лиду и говорю:

— Лид, а у меня квартира пустая, пошли ко мне? Брат ключи оставил, я тебе его коллекцию пластинок и книг покажу, он всю жизнь собирает. Они с женой уехали в отпуск.

Она не удивляется и не смущается, а весело отвечает:

— Надолго?

— Через две недели возвращаются, — говорю я, сдерживая ликование.

— Ну так мы еще успеем, давай сейчас с ребятами посидим.

Дойти до Славы — несколько минут. Успеем, успеем, успеем — звучит у меня в голове. Меж тем Славкина комната наполняется людьми, гвалтом, смехом. Кто-то

вспоминает сегодняшний концерт, кто-то рассказывает о своей практике, кто-то — анекдоты из студенческой жизни.

В последние месяцы Слава разошелся и приносит на репетиции новые песни, одну за другой. Музыка интересная, особенно в нашей аранжировке, но поэтически они мне кажутся слабыми: березки, колокольный звон, купола. Вот и тут:

Словно липовый мед, в небе голубом
Золотая льется песенка чистого стекла,
Нежный звон плывет. Серебристым льдом
В вышине поют колокола.

— А что, стилизуем припев под колокольный звон, это сейчас модно, — киваю я Вова, а Слава продолжает:

Словно чудо-сказка, словно дивный сон,
Этот малиновый звон, малиновый звон...

— Здорово, и я слышу дзынь-дзынь, — подхватывает Вова мой тон.

— А мне нравится, — застывает Лида, — образы живописные, есть над чем подумать.

— Над чем тут думать? — вскипаю я. — Вообще на слова плевать, кто их разберет, главное — музыка. Мелодия симпатичная, обработаем и сляпаем а-ля рюс.

— Ну и что, что а-ля рюс, нельзя же все время на английском, надо что-то и свое!

— Лидочка, не спорь с Лёшиком, знаешь, какой он авторитетный, — язык у Вовы уже слегка заплетается, — он научную статью пишет в журнал.

— Ладно тебе трепаться.

— А для песен главное не голова, а сердце, — не сдаётся Лида.

— Ты что считаешь, что у меня сердца нет?

— Лидочка, ты его не знаешь, не ходи к нему на встречу, не ходи, у него же гранитный камушек в груди! — поддает жару Славка. — Он за тобой по пятам ходит, но ты не верь его обманчивым словам, он статьи пишет, а не песни, потому что каменное сердце не болит.

— Хорошо, Слава, спой что-нибудь еще, — пробую я переменить тему, — устроим твой концерт, подумаем над твоими образами.

В белоснежной зыбкой пене, — затягивает Слава, —
принакрыт фатой туманной рани,
Старый холм,
свидетель были дальней,
Крепко спит, объят росой,
муравой присыпан в поле брани
Грозный полк,
участник сечи лютой, давней.

— Кто там спит, кто так долго спит, — машинально взывает Саша лирическим тенором, — тем курганом смятый, в прахе?

— Хмурый гунн, или быстрый скиф, или русский пахарь, — вступаю я вторым голосом.

И мы рываем хором:

Каждым летом маков полевых
холм
рубином светит лепестков.
Пусть же всех курганов твердь
будет ложем
лишь цветов.

— А славно у нас стало получаться, народ остался доволен, теперь неизвестно, когда еще сыграем. Славка, тащи фотоаппарат! Давай снимемся на память!

Фотографируемся, поем песни, болтаем, вспоминаем, расходимся совсем поздно, только-только на метро поспеть.

А на следующий день, когда я звоню Лиде, мне говорят очень сухим тоном:

— Извини, я забыла тебя предупредить, сама в тот момент не помнила, у меня путевка по «Золотому кольцу». Вечером уезжаю. Звони в конце месяца. <...>

Лидина защита

Перед Новым годом мы играли на заводе «Прогресс», потом в двух студенческих общежитиях. Пару раз перезванивались с Лидой, но о встречах и речи не было, да и встречаться было не с руки, а потом началась горячка, до окончания института оставались считанные недели.

К середине февраля вывесили расписание, моя защита была назначена на двадцать третье. Двадцатого я приехал в институт на последнюю консультацию, и на меня налетел Славин одноклассник Генка, один из наших фанов, и с ходу затараторил:

— Слышал, у Лиды сегодня защита? Давайте всей компанией ее поздравим? Слава, еще ребята из нашей группы.

Меня удивило, что у Лиды так много друзей в Славинной группе и, вообще, откуда такая осведомленность, она же на другом факультете, но идею, конечно, поддержал. Генка сказал, что нужен букет, скинулись, он сбегал, купил, и мы пошли встречать Лиду к аудитории. Когда она вышла — радостная, с отличной оценкой, Генка вручил ей цветы перед всей толпой и потребовал праздника:

— Едем к тебе, будем отмечать.

Поначалу Лида категорически отказывалась, но Генка насканивал, оттащил ее в сторону, они о чем-то поспорили, и она сдалась, все поехали к ней, и я со всеми, но чувствовал себя не комильфо, выходило, что мы как бы напросились.

По дороге купили в гастрономе вина, каких-то сосисок, хлеба, сыра на закуску, Славу я потерял из виду, меня все время опекал Генка. Лида жила в старом доме, квартира на третьем этаже, длинный узкий коридор и несуразная планировка намекали на то, что эта отдельная квартира когда-то была выгорожена из большой барской. Стол накрыли в просторной кухне, выпили стоя — за успешную защиту, за окончание института, за диплом, все быстро набрались, прямо здесь же и закурили. Лида то появлялась, то исчезала. Я вышел в коридор перехватить ее, и тут Генка меня нагнал, схватил за рукав и, дыша перегаром, начал пьяным голосом:

— А зря все-таки Слава слинял. Это он из-за тебя. Напрасно он так.

Я удивился:

— Из-за меня? Каким боком?

— Ты что, не знаешь? Они же с Лидой женятся.

Я обомлел, кровь бросилась в голову. Я рванул обратно по коридору в сторону кухни, увидел там Лиду, схватил за руку, вытащил в коридор:

- Это правда?
- Что правда?
- Вы со Славой женитесь?
- Ну да, — ответила она невозмутимо.
- Как это могло случиться?
- Ты же мне не предлагал замуж, а он предложил.

Я был оглушен. Сказать мне было нечего, я повернулся, сразу оделся и вышел. Шел через Александровский сад к метро «Горьковская», меня душила обида. И это называется лучший друг! Ладно, Лида, она выбирает, не видно, чтобы была влюблена, может быть, ищет какую-то выгоду, потом, ее обидели, и, вообще, она женщина, их не разберешь. Жениться и правда я не был готов. Даже не думал об этом, не было же никакого ощущения, что мы понимаем друг друга, тем более семья — это на всю жизнь. Она сама говорила, что мы не подходим друг другу, и я давно знал, что тут она права, но долгое время чувство к ней было как наваждение, от которого я никак не мог избавиться. А сейчас что? А ничего. Сейчас даже удивительно, как отрезало. Качалось, качалось и отломалось.

Но Слава! Я был так возбужден, что даже не заметил, как прошел мимо метро, как пустился пешком через Кировский мост. Летний сад, Фонтанка — все мои родные места. С разгона пересек Невский, и уже ничего не оставалось, как идти пешком до дома. Я же ему столько рассказывал, и про детство, и про родных, и даже про Лиду, а он слушал, но ни звуком себя не выдал. Получается, что при этом он строил свою интригу? Как же так, просто Яго какое-то коварное, неужели такое бывает в жизни? Хорошо еще, не отравил.

Ритм быстрой ходьбы успокаивал, отвлекал, подчинял собственной логике. Через почти два часа я уже подходил к Нарвским воротам, промывав все знакомые марши и перейдя на теноровые арии. Вместе с усталостью меня накрывало ощущение дурацкого фарса. Вот уж оперные страсти в духе Верди!

Душить никого не будем, лучше так: Слава мстит за то, что я смеюсь над его стихами, а я подойду и скажу: «Онегин, вы больше мне не друг».

Скрипка у меня всегда наготове. Встану за клавиши и проткну его смычком!

Ну уж нет, ансамбль из-за него я не брошу. Будет глупо развалить из-за женщины самое важное, что у меня есть в жизни.

НА РАСПУТЬЕ, 1973

«Муравьи» тоже защищаются

Рулатэ, рулатэ, рулатэ, рула,
Рулатэ, рулатэ, рула-ла-ла, —

пропела Надька, помахала мне рукой и кинулась развешивать плакаты. А я сидел в группе поддержки за спинами экзаменационной комиссии. Кажется, своей скорбной физиономией мне здорово удалось поднять ей настроение. И что она хотела мне сообщить своим мурлыканьем? И как она успела все разнюхать! Вот девчонки, ничего от них не скроешь! Конечно, у них со Славкой свои отношения, они же в Казахстане в стройотряде вместе были, наверняка этот змей ей все растрепал. Ну и черт с ними, меня это больше не интересует.

Через полчаса мы уже выходили из аудитории.

— Ты неправильно защищалась, — мстительно сказал я. — Ты руками махала и говорила: «Вот на этом плакате, вот на том плакате». А надо было вырезать из ватмана прямоугольнички десять на двенадцать, жирно написать номера и прикрепить к плакатам. Если говорить: «На плакате номер семь, на плакате номер восемь», будет гораздо научнее. Мне начальник лаборатории сказал, и я на пятерку защитился.

— А у меня и без того будет пятерка. На вопросы я ответила? Ответила! Им и спросить-то нечего, все равно никто ничего не читает, кроме руководителя, ну разве что рецензент. А что, говорят, твой диплом на какую-то конференцию выдвинули?

— Можешь списать это на двадцать третье февраля, у комиссии было хорошее настроение, их в соседнем отделе ждал праздничный стол.

— Ну так здорово же, чего ты куксишься? Выше нос!

Очередной дипломник, не владеющий тайной научного метода защиты проектов, уже отдувался перед комиссией в аудитории, и в коридоре толпились следующие по очереди, а Надя, стоило только упомянуть праздничный стол, вспомнила, какая она голодная, и потащила меня в столовую. Перед входом мы нагнали Сашу и потащили за собой. Я слегка удивился, что он готов пообедать, обычно он покупает две шоколадки на ежедневный рубль, который дает ему мама, но тут, видимо, ему очень хотелось пообщаться.

Мы нахватили еды и уселись обсуждать результаты. Все наши защищались прекрасно, практически у всех были отличные оценки.

— А знаете, как Вова отличился? — спросил Саша.

— Ты про Дубну? — По курсу гуляла история о Вовиной фантастической операции «Распределение». Он объехал все подмосковные оборонные конторы, охмурил всех кадровиков и привез шесть приглашений на работу с предоставлением общежития. Затем он разграфил лист бумаги, нарисовал таблицу с параметрами каждого потенциального работодателя и применил метод взвешенных оценок. Всем параметрам был присвоен удельный вес: работа по специальности — пять десятых, близость к столичному городу — три десятых, близость к природе — одна десятая, продовольственное обеспечение — одна десятая, в сумме — единица. Победила Дубна. Но все ж это был не предел, в Дубне ему зависнуть не хотелось, мы знали, что Ленинград был ему милей.

— Дубну уже проехали. Представляете, он на английском защищался, а защита на иностранном приравнивается к диплому с отличием. Вот жук! — с восхищением говорил Саша. — Интересно, как ему удалось так стремительно выучить язык? И саму работу надо же было перевести!

— Ну так пока «Битлз» пел, вот и выучил.

— Не, он читал доклад по бумажке, а комиссия ему подпевала: «О, гё-ё-ё-ёрл». И все внезапно овладели английским.

— Важно, что поняли друг друга!

— Вот он, главный итог обучения, — подытожила Надья, — умение найти общий язык с начальством.

— А сам ты-то как? — спросил я. — Отзыв получил?

— Да я как раз от рецензента иду, он пятерку поставил, а руководитель, гад, — тройку.

— Саня, что такое? Какая тройка? — возмутилась Надя. — Я ничего не знаю.

— В том-то и дело. Я же несколько лет эту ракету на курсовых по частям проектировал, ну и думал, что сложу все вместе и получу диплом, а оказывается, надо было к руководителю ходить, советоваться, спрашивать что-то, — смущенно, словно оправдываясь, говорил Саша.

— Ты что, принес ему готовый диплом? Полгода не появлялся — и вот те на, здравствуйте, я ваша тетя?

— Ну как-то так.

— Да. Саша оказался у нас мастером устраивать себе приключения на ровном месте, — пожаловался я. — У него что-то похожее и с практикой было.

— Ладно, Саня, — сказала Надька, — тебя все знают и любят, и все у тебя будет хорошо. Я за тебя спокойна.

— Пошли, Надежда, на кафедру получать твою «пятерку», — прервал я ее, и мы отправились по лабиринтам в обратный путь.

Через три дня Саша защищался, а вечером мы играли на Выборгской стороне в кафе «Ровесник», знаменитом своими рок-фестивалями (в городе его называли «Серая лошадь»). Саша запаздывал, и был большой нервяк, к тому же я не мог смотреть на Славу. Он со своей басовой гитарой раньше стоял с моей стороны сцены, а теперь переместился на другую и тоже отводил глаза, и мы, как мне казалось, неявно для остальных игнорировали друг друга. Стец с ритм-гитарой сместился ближе ко мне, на звук это никак не влияло, и вряд ли они специально договаривались, все, я надеюсь, произошло естественным путем, и хоть как-то можно было сконцентрироваться на музыке.

Саши все не было, и думали уже начинать со второго отделения, но тут, буквально за минуту до начала, он возник на сцене с довольным видом.

— Порядок, четверку поставили. — И все пошло обычным путем. Но мне казалось, что выступление прошло не очень удачно, — возможно, что-то уже успело разладиться.

Лафе конец

Студенческие годы — настоящая лафа, и вот они закончились. Пять с половиной лет, когда зарабатывать не требовалось, когда родители кормят, когда стипендию платят, не бог весть какую, но некоторые даже пытаются на нее жить, — эти годы прошли. Учеба была не напряжная, на все можно было найти время, летняя стройотрядовская или гастрольная жизнь воспринималась как романтическое приключение, да еще и деньги платили — идеальный инкубатор для рок-группы. Учебное расписание и деканат невольно заботились о стабильном составе и сыгранности, само собой росло музыкальное мастерство, нам оставалось только крепить техническое оснащение, и сейчас мы были на пике формы. И что дальше?

Теперь от нас требовалось срочно определяться с работой, выстраивать карьеру, обзаводиться семьями. Можно было бы и с музыкой совмещать, как и раньше, но тут все начало расплзаться.

Вдруг выяснилось, что работать конструкторами никто не хочет. Что бы это значило? У всех оказались амбиции и возможности? Никому не светило корпеть в закрытых конторах, где, как мы уже догадывались, новациями и не светит? Только Влад устроился на работу конструктором через месяц после окончания, ему надо было кормить семью, ну и я — а куда мне деваться, хотя меньше всего мне хотелось работать под папиным присмотром. Стец пытался остаться на кафедре и на работу не вышел, ждал места; Саша ради свободного времени для музыки и двухмесячного отпуска летом перераспределился в вуз; Слава нашел многообещающую работу по техническому обслуживанию самолетов.

В конце февраля каждый из нас подписал обходной лист, получил в отделе кадров диплом, и мы на месяц разъехались кто куда. Саша с Владом поехали на заработки на стройку, Вова со своими общежитскими — на другую, Стец, как всегда, исчез в неизвестном направлении, Славой я не интересовался, а мне на работе дали горящую

путевку на Черное море, в снежную и слякотную Одессу. Весной собрались, но не все. Вова прислал письмо из поселка Лабытнанги о том, как он с общежитскими друзьями зарабатывает деньги в Коми, когда вернется — неясно.

Вовино письмо я показал Саше, и он, с присущим ему здоровым пофигизмом, дал дельный совет:

— Напиши, пусть приезжает, определимся по месту.

В Питере мы были нарасхват, на лето никаких новых вариантов не было, и от идеи Адлера мы отказываться не собирались, пришлось взять нового ударника, Витю из «Романтиков», которые как раз распались.

А еще до лета у нас появилась солистка Галя. У Влада вызрела идея сделать арию Магдалины, и нужен был хороший женский голос. Высокая тоненькая блондинка с длинными распущенными волосами и с хрустальным, чистым сопрано, Галя выглядела настоящим библейским персонажем. Получилось очень кстати, и в Адлере мы оказались в новом составе.

Все было, как раньше: Адлер как Адлер, танцы как танцы. Не было с нами Вовы, не было Славы и не было Стеца, он втихоря женился и тоже, конечно, не поехал. Но оставались толпы девочек, бегающих за Сашей, с его голосом, застенчивой улыбкой и умением краснеть перед тем, как сдать очередь поклоннице, было море, и был ежедневный пляж.

Мы пока не рассчитывали на сильное развитие, для нового состава ария Магдалины стала уже большим достижением. Ее встречали с таким бешеным энтузиазмом, что в остальное время блондинка Галя на танцплощадку для безопасности не спускалась, а сидела в глубине сцены сбоку и только иногда мелкими шажками подходила к микрофону, чтобы подпеть в многоголосных номерах. А опасаться приходилось, бывали случаи...

Нас теперь всюду приглашали как местных знаменитостей: на Красную Поляну, на озеро Рица, бывшую дачу Сталина. Хозяева — серьезные люди — выставляли шашлык и дефицитные вина «Черные глаза» и «Лидия», а мы отработывали: пели под гитару. Это была атмосфера алаверды, атмосфера теплого кавказского застолья и, по сути, очень близкая к ресторанной. Даже как хобби меня это совершенно не воодушевляло, танцы даже лучше, по крайней мере, нет пьянки, нет личной зависимости. До осени можно расслабиться, но потом надо что-то решать. Я знал только, что Саша любит петь, Влад любит музицировать, а я люблю выступать, хоть со скрипкой, хоть без. <...>

Не учи ученого

— Как удачно, что я подписал вам направление на матмех, — сказал Боря мне и еще одному молодому специалисту с забавным прозвищем Кошелек, с которым мы пошли получать второе высшее. — Сколько вы будете там учиться? Три года? Значит, объявляем на три года новый НИР «Вероятностный анализ надежности боевых машин».

А пока я готовился к традиционному Дню дурака. Я про этот День дурака слышал от отца, еще когда учился в школе. Четыре с половиной тысячи научно-технических работников делегировали самых талантливых в восемь «дурацких» команд, которые готовили свои программы весь год, а на 1 апреля триста человек выезжали соревноваться в институтский пионерлагерь под Лугой. Творческий процесс шел в общежитии, курилках и на лестницах постоянно, с редкими перерывами на работу, и, конечно, мне не терпелось войти в их ряды.

Теперь четыре вечера в неделю я ездил на 10-ю линию Васильевского острова на мат-мех, а еще два вечера на репетиции — на Петроградку в ЛИТМО. Туда в конце концов перераспределился Саша, и благодаря этому мы получили там новую площадку. В отличие от Военмеха здесь было много девочек, и ряды наших поклонников пополнились многочисленными поклонницами. Некоторых, особенно пристрастных лично ко мне, я даже стал отличать.

— У нас тут новые дипломницы завелись, — сказал мне Кошелек, — из ЛИТМО, одна девочка говорит, что знает «Зеленых муравьев».

Он уже год как работал, жил в городке неподалеку от НИИ и знал там всех и всё.

— В ЛИТМО я знаю только одну девочку, — я назвал ее имя.

— Представь себе, и эта девочка говорит, что знает только тебя. Она поет у нас в хоре, а ты им нужен, чтобы отрепетировать номер.

Надо же какое чудо! Пули столкнулись.

НИИ располагался в получасе езды от города, автобус сворачивал с магистрали западного направления, миновал институтский городок, переваливал по мостику через небольшую речку и останавливался возле главного корпуса.

Со стороны проходной к корпусу примыкал глухой забор, окруженный поросшей мхом канавой со стоялой ржавой водой. За забором в глубину таинственного пространства, заросшего мелким кустарником и огороженного колючей проволокой, уходил танковый полигон. Я на этом полигоне никогда не был, туда нужна была еще одна степень допуска. Он, видимо, был настолько большой и глухой, что ни звуков стрельбы, ни рева моторов оттуда не доносилось, иногда только к проходной из мелколесья, со стороны полигона, забредали грибники с тяжелыми корзинами и взбадривали дремавшую охрану.

Полигон был терра инкогнита, казалось, что он застыл в медитации. Вся жизнь сосредоточивалась в инженерных корпусах постройки хрущевской поры с ее «элегантной» коридорной системой и просторными комнатами с огромными, хорошо продуваемыми окнами. Все комнаты закрывались на кодовые замки, но по бесконечно длинным коридорам из отдела в отдел, из лаборатории в вычислительный центр, из вычислительного центра в столовую, из столовой в курилку непрерывно сновали молодые, пышущие здоровьем научные кадры обоих полов, и никакие силы не могли помешать им сталкиваться и обмениваться, переругиваться и перешучиваться, договариваться и назначать.

Я еще не вполне подключился к этой громокипящей шине данных, но уже о многом слышал, еще о большем догадывался и надеялся в скором времени полноценно влиться в ее жизнь. Кое о чем из происходящего можно было узнать из проработок на профсоюзных собраниях или заседаниях четырехугольника отдела или даже выше, нашего «куста» отделов, а что-то рассказывал Кошелек.

Большинство сотрудников жили в небольших городках и поселках вокруг НИИ. Огни большого города блистали на горизонте, но были не очень доступны семейным людям, и наверстать то, что казалось упущенным, естественнее всего было в своем близком кругу. Дополнительный оптимизм внушало соображение, что гигиеническая безопасность была в какой-то степени гарантирована.

Я уже немного приобщился к жизни нашего городка, но еще не нашел применения своим способностям, чтобы наравне со старожилками принимать участие в этом театре. И вот теперь я шел к королеве нашего куста, которая жила тут же в семейном общежитии для молодых специалистов с мужем и маленькой дочкой в квартире на первом этаже. Королева блистала красотой и необыкновенными талантами и была ключе-

вой фигурой в нашей команде на Днях дурака. У нас в нее были влюблены все, от мала до велика, и я уже тоже был влюблен и мечтал присоединиться и к команде поклонников, и к дурацкой команде, чтобы занять достойное место в иерархии.

Еще на подходе я слышал голоса ансамбля, пытавшегося петь канон. Басы начинали. Следом вступали сопрано, сразу сбивались, и тут же сбивались басы. Вместо ясного и четкого контрапункта получалась невнятица. А дело было в том, что один женский голос не попадал в тон.

Канон — не такое простое дело, как может показаться несведущему человеку. Но я знал, как его наладить: с женской группой и мужской группой надо репетировать по отдельности. А объединять только тогда, когда все будет выучено намертво!

Не учи... — должны начинать сопрано.

Не учи ученого... — вот когда следует подключаться басам.

Теперь я был уверен, что здесь мне тоже светят новые выступления перед большой аудиторией.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА, 1975

Прекрасная Елена

Выходной день без танцев и репетиции тянулся медленно, да мы летом практически и не репетировали. Встали поздно, сходили в кафе «Минутка», потянулись на пляж. Поплавали. Саша любил заплывать за буйки, и чтобы непременно спасатели по громкоговорителю призывали его к порядку. Влад в своих темных очках стильно качался на волнах со сложенными на груди руками и медитировал, я иногда качался с ним за компанию, иногда нырял и плавал под водой, Толя рыскал по берегу в поисках знакомств. Толя, мой друг еще с седьмого класса, прибил к нам в этом году после того, как развелся со второй женой. Мы снова были в Адлере, уже в третий раз, на танцплощадке по прозвищу «Яма», у Славика Аракеяна, директора клуба «Строитель». Ездили сюда с пятого курса, только одно лето пропустили. Там же, в клубе, и жили.

Солнце клонилось к закату, впереди нас ждал пустой вечер, можно было идти звонить родителям — этот еженедельный ритуал был железобетонно вписан в мое расписание. Междугородный телефон в Адлере был только один, в центре города. Мы с Толей вышли на главную улицу, как водится, имени Ленина, и, как водится, вдоль нее вытягивался весь поселок. Позади трудился железнодорожный вокзал под названием «Станция Адлер», где-то впереди предполагалась мандаринная Абхазия, а прямо перед нами торопливо пробегала речушка Херота. Мы неизбежно форсировали ее по мостику несколько раз в день то в кафе, то по дороге на пляж, но все еще не могли договориться, где ставить ударение в этом топониме. Дальше по левую руку тянулись частные домики, по правую — за садом и помидорным полем плескалось море, следом надвигался центральный парк, за ним шла череда санаториев и пансионатов, затем в гуще зелени начинали проглядывать несуразные постройки, и, наконец, выросал Дом быта.

Наш путь лежал направо и выводил на ухоженную площадь перед зданием районной администрации и типовым магазином-стекляшкой с рестораном на втором этаже. Газетный киоск, телефонная будка, небольшая очередь, но ожидание могло растянуться минут на тридцать. Мне было не уклониться: моего звонка ждали, а Толе звонить было некому, он увязался со мной за компанию. В курортной очереди обычно немного развлечений, но нам повезло: позади нас пристроились две девчушки.

- Молодые люди, вы последние?
- Какие симпатичные, вы звонить, что ли?
- Нет, конечно, с вами поболтать.
- Классная идея, давно ни с кем не общались.
- Чувствуется, что вы только нас и ждали.
- Ух ты, бойкая какая, наверно, из Москвы!

Диалог вели Толя и та, что поменьше, кажется, очень заводная. Ее спутница по-малкивала. Я в такие дурацкие разговоры тоже старался не ввязываться.

— Слышь, Лена, мы из Москвы! Сам ты деревня, мы из Ленинграда.

— Надо же, какое совпадение! И мы из Ленинграда! Это надо отметить, чего вечером делаете?

— Чего-чего, ничего. Ужинать пойдем, потом домой.

— Скучаете, значит. А мы на танцах играем, с нами весело, не соскучишься. Приходите завтра, мы вас бесплатно проведем, билеты дорогие!

Толя как раз стоял на воротах и следил, чтобы контролеры не пропускали безбилетников, потому что нам причиталось пятьдесят процентов от сбора.

— Скажешь тоже, танцы! Мы на танцы не ходим. Не хватало еще схлопотать по сусалам.

— А чего вам бояться? С нами вам бояться нечего, у нас там своя охрана, а потом мы вас проводим. — Охрана — это были он да Мишка, еще один наш фанат, у которого невесте два дня назад передний зуб выбили, и они вчера улетели в Ленинград протезироваться перед свадьбой. — Мы лучшая питерская группа из Военмеха — «Зеленые муравьи», слышали?

Толя ни на чем не играл, он, вообще-то, после техникума работал мастером на бензоколонке и любил делиться с нами своим богатым жизненным опытом.

— Что за звери такие? Лен, ты «Зеленых муравьев» знаешь?

— Что-то слышала, но нет, не знаю, я на танцы не хожу, — подала наконец голос темноволосая, на редкость симпатичная Лена.

— О-очень знаменитая у вас группа! Лена, между прочим, у нас на четвертом курсе Военмеха.

— И много потеряла, чулок, наверное, вяжешь по вечерам? Ладно, не расстраивайтесь, не все потеряно, шанс еще есть, — сказал Толя. — Мы вас просветим.

Он уж слишком напирал и хвастался, но меня тоже задело, что Лена про нас не знает, и я не удержался, вступил в разговор, начал расспрашивать ее об учебе, о преподавателях — не хотелось потерять девчонок из виду.

Потом подошла моя очередь звонить, потом девочки по очереди разговаривали с Ленинградом, а Толя продолжал их по очереди уламывать, и маленькая ему явно симпатизировала, но Лена строго скомандовала:

- Зоя, нам пора, у нас столик заказан.
- Девчонки, придете завтра?
- Там видно будет.

Мы вернулись в клуб, и я стал жаловаться ребятам, что познакомились со студенткой из Военмеха, практически Еленой Прекрасной, и она не знает «Зеленых муравьев». А всего-то два года прошло после того, как мы ушли из института.

На следующий день мы начинали, как обычно, в семь вечера. В это время уже темно, мы поднимались на пустую сцену, заносили усилители, провода и микрофоны, вытаскивали из сценической кладовки тумбы, подключались. Звуки электроники постепенно заглушали стрекот цикад и кваканье лягушек со стороны Хероты, которая

плескалась прямо за сценой. По периметру площадки зажигались фонари, народ потихонечку собирался, включались прожектора, освещая сцену и как бы отделяя нас световым занавесом.

Подстраивая гитару, Влад тихонько говорил:

— Ну и чего расстраиваться, мало, что ли, девчонок?

— Нежели такие симпатичные? — сочувственно отзывался клавишник.

Два года назад я уступил свое место за органомой, потому что некогда было поддерживать форму, и сбыл ее, казалось, в хорошие руки: старые друзья из Омска попросили за мальчика, Олега Гусева, который только что приехал в Ленинград и поступил в музучилище. Через полгода Олег резко ушел, и вместо него за инструментом теперь сидел подающий надежды пианист Сережа Михайлов. В Макаровке (в Высшем морском училище торгового флота, куда нас пригласили играть на танцах после ЛИТМО и где мы играли два раза в неделю последние полтора года) в перерывах Сережа виртуозно исполнял Скрябина на концертном рояле. Ему не было еще двадцати, и он был весь в музыке, но уже носил кудри белые до плеч.

— Симпатичные и неглупые, — кивнул я своему наследователю.

— А на танцы-то не ходят, а? — усмехнулся ударник, устроился поудобнее и выдал свой коронный проход палочками по барабанам, пробежался по тарелкам и финальную точку поставил ножной педалью по «бочке». Публика оживилась, зааплодировала, намекая, что пора начинать.

Классный ударник был этот Кузнечик, он сменил Витю Дубровина, которого мы взяли вместо Вовы. Вова все же не поехал в Дубну, а нашел место на Ижорском заводе в Колпино и больше с нами уже не играл. А Витю Дубровина после нашего феерического выступления в клубе Политехнического института сманили в профессионалы. Кузнечик работал слесарем на заводе в кузнечном цехе. Летнего отпуска ему не давали, и он уволился и, похоже, тоже нацеливался в профессионалы. Черт знает, как нам удавалось сохранять форму и даже развиваться, делать новые вещи: и Саша, и Влад, и я всерьез работали, на музыку оставалось совсем немного времени.

— Хорошие девочки сидят дома и вышивают крестиком, — съехидничал Влад.

Я сказал в микрофон:

— Здравствуйте, друзья, мы начинаем сегодняшний вечер, — сухо кивнул Владу и пошел в глубину сцены, а Влад принялся забухивать знакомую мелодию. Зазвучал ее почти шамански назойливый ритм, и один за другим к его лид-гитаре присоединялись другие инструменты: органомой, барабаны, бас-гитара. Это было вступление из «Smoke on the Water» из «Deep Purple», которую знали уже все и которая никогда не надоедала.

Потом пришла наша с Сашей очередь солировать.

— А мы хорошим девочкам серенаду споем, — застенчиво улыбнулся Саша и пошел к микрофону. Я подошел к другому. Они с Владом поменялись гитарами, и под заданный ударником ритм мы запели «World without Love». Эта простенькая мелодия давала возможность проявиться нашему теноровому дуэту. Мы пели то в унисон, то расходились в терцию, Сашина гитара эхом вторила нашим голосам, прорезая органый фон, в проигрыше гитара уходила в тень и давала солировать органомой. Мы сто раз ее исполняли, и каждый раз это было как впервые.

Сегодня мы опасались за хороших девочек, если они, конечно, придут. Плотная толпа заполняла танцплощадку, в основном это были отдыхающие, но были и местные: греки и армяне, они здесь устанавливали свои правила, в отличие от другой танцплощадки в центре Адлера, где рулили «русские». Драки бывали и там, и там, и считалось, что здесь бьют «русских», а там «черных», но нас это не касалось, по неписаному пра-

вилу предполагалось, что музыкантов не бьют. Мы наших местных отличали по наглости и безнаказанности, иногда даже кивали в ответ на их приветствия, но общаться с ними опасались, чувствуя за ними силу, но и они нас не трогали. Мишиной невесте не повезло, потому что она сидела отдельно, далеко от входа, пока ее жених стоял на контроле, а кто-то из джигитов позвал ее танцевать. Она один раз отказала, другой отказала, а это считалось оскорблением, на третий раз он сразу двинул ей в зубы. Миша разыскивать обидчика даже не пытался: силы были неравны, а сразу увез в Ленинград. Если девочки придут, надо держать их поближе к сцене.

Теперь Влад пел «Mrs. Vanderbilt» Пола Маккартни и группы «Wings» из альбома «Band on the Run». Это была любимая песня Славика Аракеяна.

— Фидель, спой «Хоп-хэй-оп!», — говаривал он, хлопая Влада по плечу со всей силы. Почему-то он упорно называл его Фиделем, хотя с Фиделем Кастро у Влада ничего общего не было, разве что усы.

Песня была страшно популярна из-за простой и ритмичной музыки и припева, под нее было легко танцевать и легко подпевать, Влад выводил ее не мелодичным, как Маккартни, а хриплым голосом, а площадка синхронно подпрыгивала и орала в такт с ним:

Хоп-хэй-оп, хоп-хэй-оп!

Влад всем своим видом выражал бесстрашие, только пение и азартная гитарная техника выдавали его эмоции, зато сильно заводился ударник и творил чудеса за своей установкой. Мы с Сашей и клавишником поддерживали солиста бэк-вокалом.

Вечер шел своим чередом, и Саша уже начинал петь из «Ромео и Джульетты», после которого планировалось исполнить что-то быстрое, чтобы завести публику к концу отделения, и тут я заметил, как Толя, который стоял на контроле, ожесточенно машет руками: девочки пришли!

Плывет луна в вечерней мгле,
И вновь звучат слова любви по ночной земле, —

пел Саша, пока девочки под Толиным прикрытием пробирались к эстраде. Танцплощадка тем временем таяла от звуков Шашиного голоса, и только Влад слегка улыбался в усы, пока мы с Сашей выделялись.

В них сча-а-астья грусть, и в ни-и-их беда —
В жесто-о-оком «нет» и в не-е-ежном «да», —

пели мы на два голоса, а я прислушивался к нашему дуэту как бы со стороны и думал: почему Влад улыбается, разве это может не нравиться?

Девочки добрались до эстрады и теперь с настороженностью поглядывали на танцующих, Саша упивался своим голосом, ничего вокруг не замечая, а Влад, Кузнечик и «юное дарование» со сцены разглядывали пришедших и перемигивались.

Ребята заиграли быструю, чтобы разогреть публику перед перерывом, а я спустился к Толе встретить вчерашних знакомых.

- Молодцы, что пришли, а что так поздно?
- Да мы вообще здесь чудом оказались, потом расскажу.
- Ну, хоть понравилось, вы что-то успели услышать?

— Ой, я прям вся сомлела, — сказала Зойка, — какие у вас тут страсти, поклонницы, наверное, рвут на части, нам что, становиться в очередь? Где тут записывают?

— Вам без очереди, — отозвался Толя.

— Зоя, — одернула ее Лена, — нам скоро уходить, ты же знаешь.

— Да, мальчишки, так жалко, только пришли, и сразу уходить надо. Идти далеко, а хозяйка жуткая, после одиннадцати не пускает.

— Давайте мы вас посадим на сцену, хотя бы послушаете, а после концерта мы вас проводим.

Ребята сыграли еще несколько песен, в том числе ритмичную и мелодичную «Lady in Black» из «Uriah Heep», мы не так давно включили ее в репертуар, там было где показать вокал.

Музыка закончилась, начался перерыв, и я повел девочек на сцену. Ребята подходили и церемонно с ними знакомились, разыскивали стулья, один пришлось вытащить из-под клавишника, усаживали гостей. Надо было переключиться и сообразить, как их развлекать.

— Ну, правильно, мы же не собираемся танцевать, — выскочила Зойка первой. — А хотите пожевать, у нас с собой пирожки, мы убежали голодные и в панике даже про них забыли.

— А с чем пирожки? — отозвался вдруг из глубины сцены Саша, пребывавший доселе еще в образе и улыбающийся своей застенчивой улыбкой.

— С саго, других не было, но они вкусные, еще даже теплые. Поешь, ты такой худой, вон как выкладываешься у микрофона, — заботливо заговорила вдруг Елена Прекрасная, разворачивая бумагу и протягивая пирожки. — А нельзя здесь где-нибудь чайку вскипятить? А то сухо, наверное?

— Ммм, — жуя, сказал Саша.

— У нас термос есть, мы можем завтра в термосе принести.

— Ммм, — сказал Саша.

— А зачем вам вообще уходить, у нас тут целый клуб в нашем распоряжении, — осенило Сашу.

— Правда, девчонки, зачем вам уходить, полно же места, — подыграл Толя.

— Лен, а давай останемся, если у них место есть. Мне тоже надоело в детской кроватке спать. Я хоть и маленькая, но надо же иногда ноги вытянуть.

— А я думала, что рок не люблю, — успокаиваясь, сказала Лена, — но эта, из «Ромео и Джульетты», мне понравилась.

— Ну, это не совсем рок, — начал было объяснять Саша, но Влад его перебил:

— Пора начинать. Хорошие девочки носят бабушкам пирожки, — сказал он и пошел к микрофону, взял в руки гитару и по-волчьи завыл:

Ау-у-у-у-у-у!

Три шага вниз на гитаре — и речитатив соло, без аккомпанемента, на отзвуке последней ноты:

Кто это там бродит в этом лесу?

Снова те же три шага вниз на гитаре — и снова речитатив:

Ба, да ведь это Красная Шапочка!

Влад совсем недавно выкопал эту песню из репертуара группы «Sam the Sham & the Pharaohs», то есть «Сэм Балабол и фараоны», и я влюбился в нее, слушая запись десятки раз, чтобы ухватить и понять смысл, и все больше очаровывался ироничным и, как мне хотелось бы верить, непошлым юмором. Хорошо он ухватил момент, мы сейчас готовы были бы поиграть немного в волков и даже зубами пощелкать, хотя все роли перепутались, и некоторым волкам захотелось, кажется, сдаться Красным Шапочкам в плен.

Такие глаза сводят волков с ума.

В этот приезд в Адлер мы спали в большом зале. Столы были составлены вместе, на них положены матрасы, образуя огромное лежбище, одно на всех. Речи не было, чтобы вести девочек домой: мало того, что далеко и не пустят, а Зоя и правда мучается там в чуланчике на детской кровати. На такой крайний случай предложение разделить с нами наше дружеское ложе выглядело совершенно естественно.

Я постараюсь не обнимать тебя
И просто идти рядом с тобой.
У меня такое большое сердце,
Чтобы больше любить тебя...

— С «Муравьями» больше не ночуем. Очень жестко тут у вас, — заявила наутро разборчивая Зойка.

Зойка

На следующий день девочки переехали поближе и до самого отъезда проводили вечера на танцплощадке, а дни с нами на пляже. У Саши с Леной начинался роман, и было видно, что все, что с ними происходило, они делали с оглядкой друг на друга, а до остальных им дела уже не было.

Нам, оставшимся, было немного завидно. Мы сидели на пляже, лениво перебрасываясь картами. Дело шло к вечеру, пора было собираться в клуб.

— Представляешь, два часа на катере — и ты уже в Турции. Хоть бы одним глазком, — сказала Зоя, обдавая меня солеными брызгами и укладываясь подле на гальку. — А там рядом Греция. Здорово было бы на Грецию посмотреть, а?

— Как сейчас помню, Олимп, папаша Зевс в командировке, и мы с Герочкой по кустам шаримся, — вставая, сказал Влад, — пойду охолонусь от воспоминаний.

— Размечтался. И далеко она тебя послала?

— Прямо сю-да, Зо-ень-ка, — Влад осторожно переступал с камешка на камешек в сторону моря, выговаривая в такт, — за зо-ло-тым ру-ном.

— Что ж ты не ищешь руно? — вдогонку ему крикнула Зоя. — Вошел бы в историю аргонавтики.

— А мы и так уже вошли, — сказал я, садясь. — Мы поем про «Аргонавтов».

— Да ладно, кто вас с вашей песней знает.

— Не знают? — я даже немного завелся. — Мы везде в городе играли. И где мы только не играли. В Техноложке, в Текстилке, Водного транспорта, в студгородке. В ДК Газа в зале на восьмьсот мест. — Я злился. Ну что она ехидничает все время? Симпатичная девчонка, но слишком уж воображает о себе. — В Политехе играли, в их клубе игра-

ли, на заводах даже, на сейшенах. В Тярлеве, в Колтушах, да много где. Где начальству не догнать, там и играли. И везде толпы. Влад, а помнишь, как мы из Петро-Славянки еле ноги унесли? Нас еще Вадик рыжий туда сосватал.

— Помню, — Влад уже прыгал возле нас, вытряхивая воду из уха, — а перед нами играла начинающая группа, с флейтой и виолончелью.

— Ну да, «Аквариум», мы с ними вместе убежали.

— А за нами «Лотосы», а за ними толпа местных. У «Лотосов» что-то с местными не задалось. Хорошо, поезд вовремя подошел, а то бы всем накидали.

— Из-за девиц небось, как всегда, — поддела Зойка. — Пойте на радио, безопаснее выйдет.

— Да что ты, Зоенька, радио уже «Жизнерадостные ребята» захватили. Знаешь, что нужно, чтобы прорваться? Исаковского с Долматовским петь.

— А слышали? — отозвался клавишник Сережа. — Исаковский совсем недавно умер. Я-то думал, он уже давно товошь.

— Когда-то мы играли его «Одинокую гармонь», но не пели. Включишь радио, обязательно на «Катюшу» наткнешься. Интересно, кто кого переживет — песня или реактивная установка.

— «Летят перелетные птицы, — уморительно запела Зойка. — В осенней дали голубой». — Перелетные птицы переживут, вот что.

Не нужен мне берег турецкий,
Чужая земля не нужна.

Очень актуальная песня в нашей стране. Сам-то он много чего перевидал, а нам не велит. А я бы поехала, один раз живешь. Обидно так и не посмотреть своими глазами, что в мире делается.

— Зоенька, не будь злючкой, у него много хороших песен, — вступился Влад. <...>

Эпилог

Девочки уезжали.

И для нас сезон заканчивался, танцплощадка начинала пустеть: народ разъезжался по домам к началу учебного года. Играть нам оставалось всего несколько дней, билеты в Ленинград для «Муравьев» были заказаны заранее, через знакомых, и мне непременно нужно было до семи вечера передать им деньги.

Фирменный поезд «Северная Пальмира» Адлер—Ленинград, на котором уезжали девчонки, отправлялся в 17.44. Мне тоже хотелось их проводить, и мы вышли пораньше, чтобы подхватить их с вещами, но, как обычно, барышни завозились, и пришлось ждать, пока они окончательно соберутся.

Дорога на станцию пролегла все по той же улице Ленина, мимо нашего клуба, мимо военного санатория, к переезду и от него дальше к вокзалу. Перед самым переездом Толя сказал мне:

— Слушай, ты нервничаешь и нас зачем-то подгоняешь, а у нас времени до фига. Давай прощайся и иди за билетами, а то опоздаешь, и мы застрянем здесь навсегда.

— Пока, — сказала Лена, — созвонимся, когда будете в городе.

— Свóдите нас в ресторан, — сказала Зойка.

— А у меня как раз день рождения через две недели, — встрепенулся Саша.

— Заметано, — сказали все хором.

— Счастливого пути, — помахали мы друг другу.

Фонари на светофоре перемигивались бело-лунным светом. Парни подняли вещи, чтобы продолжить свой маршрут, а мне нужно было поворачивать обратно в сторону города.

— Эй, — крикнула Зойка, — берегись, назад пойдешь — коня потеряешь!

«Вот заноза!» — подумал я, развернулся и бодро пошагал к центру Адлера. Жара спала, идти было приятно. Кажется, впервые за долгое время я остался один. С Адлером я прощался, эту тему мы исчерпали, я уж точно. Возвращаться сюда больше не хотелось, да и вряд ли получится. Проходя мимо знакомых мест, я смотрел на них так, будто перелистывал страницы фотоальбома.

Стоп-кадр — наша площадка в низине над рекой, перед ней кафе «Минутка». Вове на раздаче поклонница подкладывает лишнюю котлету и закапывает ее в кашу, чтобы на кассе не увидели. Теперь его, наверное, жена Галя закармливают.

Белый лотос, красный мак, роз прекрасная долина
Не заменят, не затмят образ милый твой, Галина, —

этот очередной Славин шедевр, написанный по Вовиному заказу, мы пели в прошлом году на их свадьбе. Жених сидел за барабанами.

Поворот на пляж, следующий кадр: мы следим за самолетами, которые взлетают поблизости. Новые Ту-154 намного более вместительные, а шумят меньше, чем Ту-134. Мы различаем их по звуку, смотрим в небо и ждем Стеца с усилителем. Теперь так за просто Стец бы не прилетел, у него двойня.

А вот еще картинка: от нечего делать мы строим четырехэтажную пирамиду на восемь персон, в основании — мы со Славой на четвереньках. И где теперь тот Слава?

До семи время есть, успеваю. Жалко, рынок будет уже закрыт, придется завтра еще раз идти в центр, покупать родителям чурчхелу. И подругам на работу надо — Королеве, Маринке, Тоне, чтобы не обижались.

На работу не тянет. Кроме друзей, ничего интересного там не ждет, азарта никакого.

«Назад пойдешь — коня потеряешь»... А может, я еще в этом болоте свою лягушку встречу! Вот еще вещунья, это надо же так сказать: «Кто вас с вашей песней знает». Тысячи человек знают. Кто на танцы ходит, через месяц, конечно, забудут, но в городе, в институте... Пока мы среди самых известных, до сих пор всюду приглашают. Это ведь несколько студенческих поколений. И по работе пересекаемся — встретишь кого-то, кто нас слышал, и будто родные люди. Словно всю жизнь мечтали познакомиться, помощь предлагают, от кого не ждешь. К экзамену готовишься-готовишься, а выйдешь за дверь, и все забыто. А тут впечатывается навсегда: сцена, прожектора, сумасшедший ритм. Какое-то волшебство есть в самом пении — не хочешь, а произнесешь: «Мы одной крови». И потом — яркий момент. Будни сливаются, их даже не описать, а яркое впечатление не забыть. Накатит, и вот все перед глазами встает со всеми деталями.

Нет, нас не забудут. Забудут, конечно, но не скоро. Лет через тридцать.

У всех уже будут дети, семьи, всякие переживания. Служебные дела, конференции. Я буду уже доктором. Доктором технических наук.

— Саня, — скажу я. А он всю семью уже замордовал своим пением. Он же не прекратит петь, хоть и главный инженер. — Давай хороший концерт сделаем. — И разве я не готов подпеть и умца-умца на клавишах не сумею сбацать? Но так, с ходу, на сцене нам не сыграть, надо репетировать.

— А давайте выступим на юбилее института. Нас приглашали, но я думал, как-то несолидно, — скажет Вова, а он уже большой человек, начальник главка.

— А кто приглашал-то?

— Да первый проректор, с нашего факультета, горячий привет передавал.

— А, который аппаратуру помогал грузить в Апатитах. Хороший парень.

— И правда, там же уже все свои, — это уже Слава, директор «Пулкова», и мы с ним прошлое давно уже не вспоминаем. У них с Лидой семья, у меня семья.

— Вы правы, мужики, не стоит выделываться перед своими ребятами, приглашают — значит надо выступить, — говорит Стец. А мы сидим у него на веранде в Васкелово. Жены рядом стол сооружают, а Саня уже провода разматывает.

— Раз, раз, раз, — микрофон пробует, — раз, два, три. Гуд бай, май лав, гуд ба-а-ай!

Аппаратура у Стеца классная, он во «Внешторге» заправляет, все по фирме достать может. Сашин голос слышен от Пери до Лемболова. А какая реверберация, закачаешься! Влад уже перебирает струны:

— Ну что, порепетируем? — А он директор Ленинградского отделения фирмы «Мелодия». Если я еще могу из концерта Вивальди сбацать, то он вообще профессионал.

И вот концерт. Мы на сцене актового зала, но морды уже старые, джинсы у всех хоть и фирменные, но на нас не очень-то смотрятся. Мы стоим на подиуме в глубине сцены, а перед нами для прикрытия танцевальная группа Эстрадного театра, они выставили студентов изображать танцплощадку 1970-х годов. В зале невероятные овации после каждой песни, того и гляди, всё разнесут. Господи, все же знакомые, но как постарели, преподаватели совсем старые, кто-то даже рыдает. Ностальгия! Ну а мы на удивление в форме, восстановились, очень неплохо посмотримся. Вместе с танцорами. Учись, молодежь! И студентов в зале много.

Мы с Сашей заходим на нашу коронную:

Осень, осень, грустная пора,
Осень, осень, дождь идет с утра,
Заливает...

И вдруг звук обрубается, несколько секунд тишины, мы стоим с раскрытыми ртами, танцоры в недоумении зависают, публика перешептывается.

Я поворачиваю голову в сторону кулис, где рубильник, — на сцене ответственный от парткома, сильно состарившийся доцент Томсинский, а рядом доцент с кафедры истории партии Люциферов. Этот совсем не изменился, даже помолодел, может, его сын? Он-то и дергает рубильник и прерывает наш феерический концерт...

— Эй, — машет руками с другой стороны улицы Славик Аракелян. — Что печальный такой? Не грусти! Подруг проводили? Завтра вам отвальную делать будем, барашка резать будем, шашлык делать будем, подходите к трем.